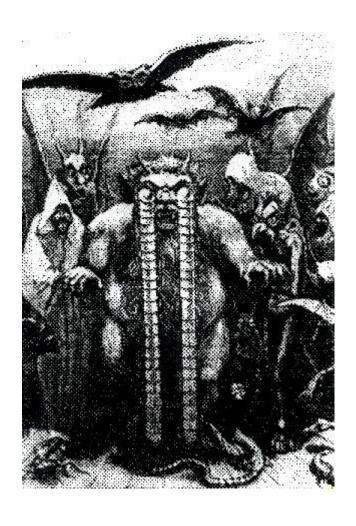
Олег Носков

РУССКИЙ МОРОК

«Особый путь» в никуда: от Московии до Советского Союза

Вместо предисловия

В течение многих лет я совершаю одну непростительную для нашей культурной традиции вещь – пытаюсь понять Россию умом. Результат вы можете оценить, прочтя предлагаемый труд. Честно признаюсь, я не сразу решился изложить свою концепцию в столь популярной форме, опасаясь задеть патриотические чувства определенной части своих соотечественников. Поэтому первая моя книга на эту тему – «Призраки забытых богов» - была выдержана в чисто академическом стиле и напечатана небольшим тиражом. И я, в общем-то, не предпринимал никаких усилий по ее популяризации. Возможно, для утоления моих исследовательских амбиций этого было вполне достаточно. Однако атмосфера эпохи, так сказать, побудила меня взяться за популярную версию, которую я и предлагаю вниманию читателей.

Отчего я проявлял здесь такую щепетильность? Дело в том, что наши патриотические чувства в течение многих веков замешиваются исключительно на «особенной стати» России. По большому счету, типичный русский патриот — это ярый приверженец «особого пути», который становится для него, пожалуй, единственным оправданием самого существования нашей страны и нашего народа. Без «особенной стати» Россия для него - и не Россия вовсе. И он готов от всей души призвать на нее кары небесные или моровую язву, если вдруг заподозрит уклонение от «особого пути».

Сомнений нет — перед нами все признаки религиозной одержимости, далеко не всегда одинаковой по силе напряжения, но все же единой по своей природе. Сразу же возникает закономерный вопрос: что же за религия определила нам этот самый «особый путь»? Казалось бы, двух мнений тут быть не может, поскольку «особенную стать» России неизменно увязывают с православием. Даже доказывать, вроде бы, ничего не надо. Это же всё как будто очевидно: Святая Русь, хранительница истинной веры, преемница православной Византии. Но если внимательнее присмотреться к нашей истории, то возникают резонные сомнения относительно связи между нашим «особым путем» и пришедшей от греков православной верой.

Как такое вообще может быть? Ведь, насколько мы знаем, официальная царская идеология всегда вращалась вокруг православных символов. Что же могло проникнуть в нашу духовную традицию такого, чтобы исказить суть воспринимаемых святынь? Собственно, ничего удивительного в таком явлении нет: на протяжении веков в разных странах христианское учение наполнялось самыми разными «смыслами». Не наполнилось ли и русское православие каким-либо «особым» смыслом, коего изначально в нем не предполагалось?

В этой связи приведу один поучительный эпизод из «Повести временных лет» о жизни послушника Исакия:

«Однажды, когда он так сидел по обыкновению и погасил свечу, внезапно свет воссиял в пещере, как от солнца, точно глаза вынимая у человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных, и блистали лица их, как солнце, и сказали ему: "Исакий, мы - ангелы, а там идет к тебе Христос, пади и поклонись ему". Он же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, встал и поклонился, точно Христу, бесовскому действу. Бесы же закричали: "Наш ты, Исакий, уже!". И, введя его в кельицу, посадили и стали сами садиться вокруг него, и была полна келья его и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, называемый Христом: "Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте, пусть нам Исакий спляшет". И грянули бесы в сопели, и в гусли, и в бубны, и стали им забавляться. И, утомив его, оставили его еле живого и ушли, так надругавшись над ним».

К чему такое мистическое отступления? К тому, что с точки зрения самой церковной традиции даже подвижник может иной раз попасться на уловку темных сил. Чего уж там говорить, когда сам Спаситель предупреждал, что под Его именем придут толпы лжепророков и прельстят множество людей (надо полагать, христиан). Иными словами, под видом истинной веры спокойно может выступить какое-либо лжеучение, доведя своих последователей как раз то того состояния, в котором очутился обманувшийся инок Исакий.

Не был ли наш «особый путь» результатом такого обмана, такой подмены, возникшей на определенном этапе русской истории? Как ни странно, но в отечественной литературе этот вопрос как следует не разобран. Возможно потому, что такими темами у нас традиционно занимаются как раз апологеты «особого пути», излагающие свои взгляды в характерном и, разумеется, предвзятом ракурсе. Это примерно то же самое, когда суть коммунизма излагает член коммунистической партии. При непредвзятом же подходе выстраивается несколько иная картина, местами в чем-то даже шокирующая.

Я подозреваю, что эта книга вызовет неприятный осадок у тех, кто все еще остается верен указанной идеологии. Без излишней патетики мне пришлось показать, что «особый путь» неизбежно ведет нас в третий мир, а вся сопряженная с ним «русская идея» является благодатной почвой для вызревания чисто коммунистического интернационализма, над которым возвышается кучка духовных «избранников» во главе с обожествленным Отцом народов. К сожалению, наша патриотическая интеллигенция все еще оперирует навязчивыми мифами о России и русском народе, вытаскивая из философских запасников довольно сомнительный идеологический багаж, который максимально раскрыл себя именно в период семидесятилетнего правления большевиков.

Поэтому совсем не удивительно, что в наши дни наиболее ярые приверженцы «русской идеи» так настойчиво апеллируют к социалистическим временам и восславляют самых кровавых советских вождей. Уже практически никого не смущает их апелляция к религиозной символике, в том числе к православию, что парадоксально (на первый взгляд) сочетается у них с искренним почитанием символов безбожной большевистской власти.

Однако в таком сочетании символик содержится глубокий смысл, проливающий свет на подноготную нашего «особого пути» и в том числе на идеологическую основу большевистского эксперимента, ставшего возможным не вопреки, а именно благодаря «русской идее», не одно столетие вызревавшей в недрах нашего религиозного сознания. Раскрытию этой темы и посвящена данная книга.

Новосибирск, 2013 год

Глава I ПРИЗРАЧНЫЙ РАЙ

Индейская тоска

В самом начале XX века на побережье возле бразильского Сен-Пауло этнологи обнаружили группу индейцев племени гуарани, очутившихся там в результате изнурительных поисков... утраченного рая. Индейцы продвигались на восток, где их должна была поджидать «Великая Матерь», к которой они надеялись вознестись в ходе многодневных ритуальных танцев. Как мы понимаем, несмотря на экстатическое исступление, никакого вознесения не произошло. Данное обстоятельство очень сильно разочаровало утомленных путников. Тем не менее, их вера из-за этого нисколько не пошатнулась. Они вернулись обратно, убедив себя в том, что их вознесению в небесную обитель помешало приобщение к плодам европейской цивилизации. Европейская одежда и европейские продукты питания – вот причина того, что тела не смогли воспарить к небесам. Так рассудили эти люди.

«Райские грезы» примитивных народов хорошо известны этнологам и подробно описаны в специальной литературе. Индейское племя гуарани занимает в этом ряду особое место. Описанный здесь «исход на восток» в поисках утраченного рая был для них далеко не единственным предприятием такого рода. Точнее, как отмечают ученые, это была их последняя по счету попытка обрести потерянный рай. А такие попытки, по данным существующих источников, предпринимались ими на протяжении... четырехсот лет! То есть люди упорно, без устали бродили по сумрачной сельве, чтобы однажды найти свое счастливое чудесное пристанище.

Причем, по мнению исследователей, одержимость поисками райской обители возникла отнюдь не под воздействием миссионерских проповедей. Гуарани начали свои скитания еще до прихода европейцев. Тема поисков утраченного рая буквально пронизывает туземные религиозные верования. Самым интересным для нашей темы обстоятельством является то, что вдохновителями таких поисков выступали местные шаманы и прорицатели, под чьим предводительством, собственно, и осуществлялись эти коллективные странствия. Именно под их влиянием индейцам внушались представления о райской обители, увиденной духовными предводителями либо во сне, либо в состоянии экстатического опьянения.

Этих видений было достаточно, чтобы побудить соплеменников двинуться на поиски призрачной цели. «Даже у тех племен, - пишет Мирча Элиаде, - которые не одержимы страстью поисков рая, шаманам удается привести всех в неистовство, как только они, рассказывая о своих сновидениях и экстазах, обращаются к некоторым типично парадизиакальным образам». Далее он приводит свидетельство одного иезуита XVI века о том, что шаманы племени Тупинамба «убеждают индийцев не работать, не выходить в поля, обещая им, что все вырастет само, пища заполнит все хижины, а мотыги сами будут обрабатывать землю, что стрелы полетят куда надо без всяких усилий и поразят всех врагов. Они предсказывают, что все старые станут молодыми» (Мирча Элиаде. Ностальгия по истокам. Глава VI).

Кстати, об иезуитах. Их миссионерская деятельность в Южной Америке особо отметилась созданием на территории Парагвая социалистического государства без частной собственности. Основным населением здесь были как раз индейцы племени гуарани, чей традиционный уклад, как нетрудно догадаться, никакой собственности не

предусматривал. В этом смысле общественный порядок, установленный иезуитами, в определенной мере соответствовал основным жизненным принципам туземцев. Ностальгические переживания по утраченному раю неизменно предполагают организацию жизни по неким священным, «райским» принципам. По мнению некоторых наблюдателей, иезуиты совершенно сознательно копировали общественно-политическую систему империи Инков. Как бы то ни было, стоит предположить, что психологическая атмосфера на этом континенте благоприятствовала неограниченному влиянию католических отцов, претендовавших на роль безусловных авторитетов во всех сторонах жизни туземного населения. Социалистический уклад для индейцев был совершенно привычен, как и жизнь под началом духовных наставников. И христианские символы, судя по всему, не вызывали у них сильного смущения.

Примечательно то, что принимая католицизм, индейцы оставались верны языческим обычаям своих предков. Данное обстоятельство справедливо в отношении практически всех туземцев. Причудливое сочетание христианства и древних суеверий, и даже особые «национальные» разновидности христианских ересей, возникавших как раз под действием языческих воззрений — еще одна характерная черта туземной религиозности. Надо сказать, что в ряде случаев сами миссионеры упрощали себе задачу, адаптируя христианское учение к представлениям дикарей. Пресекая лишь самые отвратительные обычаи (типа каннибализма), христианские наставники далеко не всегда меняли сам душевный настрой своих подопечных. И не приходится удивляться, что огромные пласты дохристианских воззрений в туземной среде оказались фактически не затронутыми. Мало того, они в той или иной мере перекликались с некоторыми фрагментами библейского учения, будь то сюжет о потерянном рае или описание конца света. Этнологи давно уже выявили чисто интернациональный характер таких сюжетов, не привязанных к какой-то конкретной религии.

Причем надо заметить, что надрывные поиски потерянного рая очень часто сопрягаются с паническим ужасом перед мировой катастрофой. Элиаде подчеркивал, что эти представления находятся в очень тесной связи. В некоторых случаях поводом к поиску райской обители становилось стремление избежать катастрофы, укрыться в надежном месте, где не будет уже ни страха, ни смерти, ни болезней. Интересно и то, что эту райскую обитель могли трактовать как в чисто духовном, метафизическом смысле (как некое потустороннее место), так и буквально, чисто физически. Если туземцы в ходе долгих скитаний не находили рая где-нибудь в потаенных уголках земли, они переключали свой взор на небеса. Главным было то, что райская обитель, в каком бы месте она ни находилась, качественно отличалась от обычного, бренного, «испорченного» бытия. И жизнь там подчинялась совершенно другим, совсем не земным правилам.

Элиаде считает, что с точки зрения туземцев райская обитель представляет то состояние, в котором мир пребывал с самого начала своего сотворения. Это были времена, когда предки современных людей жили бок о бок с божественными существами. И чем больше неприятностей выпадало на долю туземцев, тем сильнее было их стремление вернуться в это заветное место. Нашествия завоевателей, голод и болезни всегда служили серьезным поводом, чтобы отважиться на поиски райской обители. Но сама ностальгия по утраченному раю, подпитываемая проповедями шаманов и прорицателей, всегда была первичной по отношению к внешним поводам, отмечает Элиаде. Выражаясь языком современной социальной психологии, бегство из бренного мира являлось некой универсальной моделью решения возникавших проблем, и модель эта формировалась в сознании туземцев еще до того, как земные проблемы обнаруживали себя со всей очевидностью.

Причем надо заметить, что стремление к райскому бытию не обязательно предполагает бесконечные скитания с места на место. Ведь как уже было отмечено, райская обитель выступала в качестве некоего идеала, который так или иначе отображался в организации повседневного бытия. И такая организация проявлялась тем отчетливее (о чем мы еще поговорим отдельно), чем более высокий статус приобретали в глазах простых людей их духовные наставники.

Скитания в поисках света

Как я уже говорил выше, поиски потерянного рая (совмещенные с бегством от жизненных неурядиц или мировой катастрофы) есть явление интернациональное, многократно зафиксированное в разных эпохах и у разных народов. Было бы несправедливо приписывать такие причуды одним лишь диким туземцам, не обратив внимания на схожие явления в других культурах.

На память сразу же приходят блуждания русских староверов в далеких таежных дебрях, поиски таинственной земли Беловодье, легенду о граде Китеже, погрузившемся в пучину озера Светлояр: «И сей град Большой Китеж невидим стал и оберегаем рукою божиею,—так под конец века нашего многомятежного и слез достойного покрыл господь тот град дланию своею. И стал он невидим по молению и прошению тех, кто достойно и праведно к нему припадает, кто не узрит скорби и печали от зверя-антихриста».

В поисках Беловодья крестьяне-староверы доходили аж до самого Алтая и даже дальше! Возможно, им удавалось по тайным горным тропам добираться до Гималаев, где теософы помещают таинственную Шамбалу. Нетрудно заметить, что староверческие «экспедиции» по поискам блаженной земли по сути своей вполне сопоставимы с блужданиями южноамериканских индейцев в поисках потерянного рая. Интересно и то, что в индейских преданиях также есть образ озера и священного острова на нем, ставшего невидимым вследствие «испорченности» мира. Здесь вполне просматриваются аналогии с русским Китежем. Учтем к тому же, что и у индейцев, ищущих потерянный рай, наблюдался такой же панический страх перед мировой катастрофой, как и у наших староверов.

Принято считать, что русские легенды о Беловодье и Китеже были придуманы сектой бегунов, то есть уже в Новое время. Однако, на мой взгляд, как и в случае с индейцами, староверческие предания о блаженной земле уходят корнями в далекое дохристианское прошлое. Да и сами староверы, скитающиеся по лесам и полям, представляют очень архаичный типаж религиозного проповедника. Их можно смело ставить на одну доску хоть с шаманами, хоть с друидами. И еще до принятия христианства, и уже после того, таких одухотворенных скитальцев было полным-полно. Причем не только на Руси, но и в соседней Европе. Как раз они, надо полагать, составляли основной костяк средневековых еретиков. Богомилы, катары, стригольники, анабаптисты, братья свободного духа, калики перехожие и те же бегуны — все это представители одного и того же легиона бесчисленных хранителей дохристианских ценностей. А тот факт, что они иной раз выдавали себя за истинных христиан, ничего по существу не менял. Как и в случае с дикими туземцами, принимая христианскую символику, они оставались верными языческим обычаям. В конце концов, если уж демоны рядятся в ангелов света, то что мешает язычнику изобразить из себя истинного христианина?

В другом месте мы еще более подробно разберем этот момент (чему, собственно, как раз и посвящен данный труд). Здесь же обратим внимание на то, что в староверческих преданиях, во всех этих поисках блаженной земли нет ничего сугубо и исключительно «русского». У нас с определенных пор принято романтизировать возвышенные

фольклорные образы, доставшиеся от староверов. Град Китеж и Беловодье занимают весьма почетное место у нынешних русских «традиционалистов». Но как бы мы ни восхищались староверческими преданиями, они ни в коей мере не свидетельствуют в пользу какой-то там уникальности «русского духа», как о том привыкли думать поборники «особого пути». Да и сами староверы не есть что-то уникальное в мировой истории.

«Живые боги» современности

Еще раз подчеркну: скитания в поисках потерянного рая и бегство от мировой катастрофы – явление интернациональное по охвату стран и народов, и многовековое по своей продолжительности. Практически в любой стране найдется немалое количество одержимых личностей, готовых броситься на поиски химеры. Противопоставлять в этом смысле «духовную» Россию прагматичным и «бездуховным» странам Запада – в высшей степени наивно.

Религиозная одержимость дает о себе знать и в современном западном обществе, среди вполне благополучных граждан. Вот вам конкретные факты. Осенью 1978 года весь мир был потрясен известием о коллективном суициде членов секты «Народный храм», возглавлявшейся Джимом Джонсом. С жизнью покончили 912 человек — и детей, и взрослых. Уверовав в своего обожествленного гуру, сектанты ушли за ним в лесные дебри Гайаны. Там они занялись строительством «райского» города, названного Джеймстауном в честь их духовного наставника. Его самого они величали не иначе как «Всемогущим Богом». Весьма примечательная деталь: во избежание контактов с «грешным миром» город был обнесен колючей проволокой. Роль огненных херувимов в этом «раю» выполняла вооруженная до зубов охрана, надзиравшая с вышек за «ангельской» жизнью рядовых сектантов. «Всемогущий Бог» объявил это место «земным раем», строжайше запретив своим последователям покидать его пределы. Райская жизнь для них заключалась в каждодневном двенадцатичасовом бесплатном труде на предельно скудном пайке. Жили сектанты в обычных бараках с двух-терхярусными нарами. Для «Великого Бога» был построен отдельный дом.

Такой вот образцовый социалистический концлагерь, отличавшийся от советского ГУЛАГа только тем, что люди сюда приходили добровольно, предварительно отдав всю собственность своему наставнику. Специально подчеркнем, что на поиски «райской жизни» устремлялись благополучные американцы, коих российские радетели высокой духовности укоряют в излишнем прагматизме и корыстолюбии. Тем не менее «Всемогущий Бог» Джим Джонс даже таким прагматикам сумел основательно промыть мозги. Когда, наконец, подлинная правда «земного рая» выплыла наружу, Джонс решил спрятать концы в воду, призвав свою паству совершить последний «акт веры», то есть добровольно уйти в мир иной.

В истории современных американских сект это не единственный случай коллективного самоубийства во имя «веры». Достаточно вспомнить секту «Ветвь Давида», члены которой в 1993 погибли в огне на своем ранчо во время осады его войсками. В 1997 году в пригороде Сан-Диего коллективный суицид устроили представители секты «Небесные врата». На тот свет ушло 39 человек.

Я бы не стал специально обращаться к этим примерам, если бы здесь не напрашивались аналогии с раскольничьими гарями и прочими формами суицида, практиковавшимися на протяжении нескольких столетий русскими сектантами. Для поборников «особого пути»

эти изуверства иногда, в запале красноречия, чуть ли не приравнивались к духовному подвигу. По крайней мере целая плеяда отечественных философов видела в радикальных формах раскола некое наглядное подтверждение высоких устремлений «русского духа», показатель верности чистым, незамутненным религиозным принципам в организации бытия. Не фанатизм и изуверство, а неприятие «несовершенного» мира, стремление к «высшей правде» - так обычно в нашей философской литературе и патриотической публицистике характеризуют побуждения радикальных староверов.

Двойные стандарты в оценках религиозных фанатиков совершенно понятны. Это у них там, на греховном Западе, есть «фанатики». А у нас – подвижники и герои (подобно тому, как у них были «шпионы», а у нас – «разведчики»). По существу же староверы являют в социальном плане тот же тип, что и представители современных тоталитарных сект. Разницы, в принципе, никакой. Российские авторы не очень любят применять этот термин к староверческим сектам, но сути дела такой подход не меняет. В нашей стране практика психологических манипуляций с использованием религиозной символики имеет многовековую историю. И всяких самозваных «богов» в дореволюционный период было немало, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Причем, поисками блаженной земли дело не ограничивалось. Нередко такой же «Всемогущий Бог», как и Джим Джонс, уводил свою паству в малонаселенную глушь и создавал там «земной рай» на принципах социалистического общежития.

Среди появлявшихся на территории России в начале XVIII века лжепророков некоторые прямо выдавали себя за Христа, требуя соответствующего поклонения себе как живому божеству. Считается, что так было положено начало хлыстовщине - одному из наиболее сомнительных раскольничьих толков. Такого рода «Христы» (иной раз в окружении «богородиц» и «апостолов») появлялись неоднократно в разных уездах, вызывая своими аскетическими выходками мистический трепет у суеверных крестьян. Да и не только у крестьян. В старой дореволюционной Москве эти самозваные «Христы» находили себе почитателей из числа вполне приличных и зажиточных горожан.

Свои живые «боги» были у самого радикального ответвления хлыстовщины – скопцов. Фактический основатель скопчества – Кондратий Селиванов – прослыл «богом и царем». Почитатели видели в нем «государя батюшку Петра Федоровича (Петра III), второго Христа». По учению скопцов, «второй Христос» был воплощением Святого Духа, родившись от «непорочной девы» императрицы Елизаветы Петровны. Его называли «богом над богами, царем над царями, пророком над пророками». Этот скопческий «бог» добился почитания даже со стороны самого императора Александра I. Якобы Кондратий Селиванов «благословлял» его на битву с Наполеоном! А его поучения реально вскружили голову представителям тогдашней придворной верхушке.

Секты духоборцев также возглавлялись живыми «Христами». Один из духоборческих лидеров – Савелий Капустин – прямо заявлял о себе своим последователям: «Я действительно Христос, ваш господь, падайте ниц предо мной и обожайте меня», читаем мы у Никольского.

Короче говоря, у любого народа можно найти своих обожествленных «пророков», зовущих соплеменников на поиски утраченного рая или предлагающих этот «рай» организовать где-нибудь вдали от людских глаз. И всегда найдется определенная часть соплеменников, готовая откликнуться на их призывы и обречь себя на тяготы и лишения во имя «высокой» цели. Масштабы влияния таких «пророков», конечно же, не равнозначны. Одни способны увлечь за собой несколько десятков человек, другие — несколько сотен, а есть и более масштабные персоны, за которыми идут тысячи и даже

миллионы. Качественных же различий между ними не много. Кто-то простирал свою власть в пределах небольшого поселения, а кто-то поставил под свой контроль целую страну.

Представьте, что такой деятель, как Джим Джонс, захватил бы власть в США. Не стоит сомневаться, с какими преобразованиями столкнулось бы тогда американское общество. Впрочем, претендовать на всю Америку «Величайшим Богам» пока еще рановато. А вот в Северной Корее Солнце-вождь Ким Ир Сен и его луноликие потомки отстроили «земной рай» по всем правилам тоталитарной секты.

А что же у нас, на Руси? Причудами отдельных староверческих вождей дело здесь не ограничивалось. Странствие в поисках блаженной земли и уход в таежные дебри – это лишь одна из форм национального исступления. Как я уже показал, райскую обитель можно не только искать, но «создавать» в определенном месте. Причем, качественно такие ситуации не различаются. Различия здесь опять же в масштабах личностей самих проповедников. Не каждому было дано от статуса прорицателя перейти к статусу «Величайшего Бога». Обыкновенный прорицатель, подобно мелкому обманщику, водит доверчивых людей по лесным дебрям, обещая им встречу с богами. А «Величайший Бог», пользуясь силой авторитета, сам в состоянии создать иллюзию пребывания в райском месте. В самом деле, зачем людям куда-то стремиться, если «бог» и так среди них? Вот он - поклоняйтесь ему и трепещите! Не то ли сказал своим последователям духовный наставник духоборов Савелий Капустин: «Я действительно Христос, ваш господь». Разве райская жизнь для верующего не есть пребывание рядом с Богом, под его непосредственным руководством? Стоит узреть в наставнике «бога», как смысл блужданий в поисках какой-то неведомой земли утрачивается. Тут возникает другая задача: охранение райской обители от вторжения темного, «испорченного» мира. Но это уже детали. Главное, что любая одержимость химерой предполагает наличие и безумствующих прорицателей, и «Величайших Богов». Если имеет место одно, то наверняка где-то соседствует и другое. Качественных различий, еще раз подчеркну, здесь нет.

На Руси всего этого было в избытке. Хватало и поисков затерянных райских земель, и попыток строительства рая на земле, причем в масштабах всей страны, да еще с перспективой охвата всех стран и народов. Вряд ли мы сможем восстановить имена тех проповедников, что манили людей на поиски Беловодья, зато хорошо знаем вдохновителей и организаторов «райского» строительства. Это, собственно, и есть наш «особый путь», на поверку оказывающийся не таким уж и особым. Во всяком случае, в масштабе мировой истории беспрецедентным назвать его никак нельзя, о чем я уже высказался подробно.

Со строительством земного рая у нас обычно принято связывать социальный эксперимент большевиков. В действительности же все началось гораздо раньше.

Глава II ВЛАСТЬ ХИМЕРЫ

Из мглы веков

Сделаем небольшое философское отступление. Ностальгия по утраченному раю сама по себе не является выраженной психической патологией. Ее универсальный, общемировой характер очевиден. И это не случайно. Я утверждаю, что стремление к райским истокам есть глобальный архетип, на котором выстроена любая культура — от самого примитивного общества до высокоразвитой цивилизации. Никакая деятельность, никакие свершения не возможны без этой безотчетной (во многих случаях) тяги к восстановлению райского бытия. В основе ее — реальная историческая память, память о пребывании первопредков в состоянии непосредственного общения с Богом.

Разумеется, такое понимание первоистоков совершенно не вписывается в так называемые «научные» представления о человеке и его историческом развитии, однако без указанного архетипа невозможно объяснить столь туманные вещи, как происхождение древних цивилизаций, неограниченную власть злодеев и тиранов, а также многочисленные коллизии мировой истории. Почему люди склонны обожествлять кого-то, поклоняться вождям, подчинять себя их воле, откликаться на их призывы, полагая это для себя благом? Не потому ли, что они проецируют на них некие образы из потаенных глубин своей коллективной памяти?

На этом принципе строится мое понимание природы религиозных культов. Их источник — в реальном историческом опыте. Это самый первый, самый яркий, самый потрясающий и незабываемый опыт — опыт непосредственного общения с Богом. Воспоминания о нем от поколения к поколению сохраняются на бессознательном уровне. И главная трагедия человека заключается в том, что утратив со временем возможность такого общения с Всевышним, он стремится вернуть эти сильные впечатления, зачастую обращаясь к ложным объектам. Ложные объекты в данном случае — это то, что создает лишь видимость Божественного величия, является его отражением или же откровенной имитацией. На мой взгляд, в том-то и состояло главное расхождение между христианством и тем, что мы называем язычеством. Достаточно вспомнить, что первые христианские отцы упрекали язычников в том, что те поклоняются твари вместо Творца. Языческие боги — также суть тварные существа. И подлость, и коварство их в том, что в глазах наивного человека они пытаются уподобиться Всевышнему, поставить себя на Его место, выдвинуться на первый план.

Современные авторы почему-то не уделяют внимания тому обстоятельству, что во взглядах на происхождение древних мифов ранняя церковь придерживалась так называемой эвгемерической теории. За именами языческих богов скрываются реальные исторические фигуры, выдававшие себя за всемогущественных существ, и имевшие целую армию экзальтированных почитателей. Сегодня, на фоне мудреных современных теорий эвегмеризм выгляди скромно. Однако он не лишен оснований. Мои сомнения на сей счет прекратились после того, как я начал внимательно изучать историю сектантских движений — от средневековья до наших дней. На протяжении столетий всевозможные претенденты на роль живых богов всеми правдами и неправдами добивались соответствующего почитания со стороны наивных и доверчивых людей (иногда, впрочем, и не таких уж наивных). Об этом можно написать целую книгу, хотя любому исторически образованному человеку такие факты известны. Возьмем хотя бы ту же историю русских староверческих сект. Самых известных и влиятельных лидеров в буквальном смысле

объявляли «Христами» и «Саваофами». Страстное желание простого верующего увидеть Бога воочию давало возможность отдельным маньякам или просто авантюристам окружать себя послушной и восторженной паствой. То же самое происходит и по сей день, в разных уголках планеты.

Не то ли было и в древние времена, когда переживания по утраченному раю были гораздо сильнее, а память о тех днях свежее? Кто они были, великие божества древних пантеонов – Ра, Амон, Мардук, Гермес, Аполлон, Варуна, Кукулькан, Святовит или Бальдр? Может, появлялись они перед людьми так же, как когда-то появился «бог над богами» скопец Селиванов, как появился «Всемогущий Бог» Джим Джонс или «Солнце Нации» Ким Ир Сен? А все эти древние имена языческих богов? Не являются ли они эпитетами Истинного Бога-Творца?

Не будем сейчас глубоко вникать в проблему происхождения древних религиозных культов. На ее раскрытие не хватит и целой книги. Обратим внимание лишь на то, что древние цивилизации неизменно связаны со святилищами этих богов. Не следует ли отсюда, что первые цивилизации возникли именно в качестве попыток «восстановления» райского бытия? И в этом «раю» в обязательном порядке предполагалось присутствие живого «Всемогущего Бога», руководящего людьми. И присутствовал он там примерно в том же качестве, в каком упомянутый Джим Джонс опекал свой собственный «земной рай». Мы знаем из мифологии, что у языческих богов были потомки. Но потомки были и у обожествленных сектантских вождей. Есть они и у солнцеликих правителей, коим кое-где все еще воздают почести как богам.

Иными словами, так называемое язычество исконно занималось имитацией райской жизни в самых разных вариациях. Во всяком случае это справедливо в отношении древнейших культов. По мере ослабления религиозного фанатизма и уменьшения масштабности новых «богов», религиозный культ превращался в формальность, а те, кого охватывала тоска по утраченному раю, убегали в лесные дебри за сумасшедшими прорицателями, чьей силы и влияния уже не хватало на то, чтобы вдохновить людей на создание чего-то грандиозного.

В таком виде мы и застаем язычество уже в хорошо известные нам исторические эпохи. Обычно это время принято увязывать с «открытием» античной политической рациональности. Именно ее почем свет распекали тогдашние ревнители «особого пути». Греческие философы-идеалисты, вроде Пифагора и Платона, восхваляли тот строй и порядок, что были тогда на Востоке, где народ истово поклонялся великим богам древности, почитал жрецов и бескорыстно трудился на казенных нивах. Свободных греков такой жизненный уклад уже не прельщал. Зато он был в моде у тогдашней греческой «интеллигенции».

Интересный факт. Я почти 18 лет посвятил преподаванию истории философии на институтской кафедре. И что меня больше всего удивляло в античном периоде: знаменитые корифеи греческой мысли оказывались невероятными ретроградами с очень большими амбициями. Какой уж там «прогресс»? Интерпретация античности до сих пор подчиняется идеологическим пристрастиям. Но кем был в реальности, скажем, знаменитый философ Пифагор? По современным оценкам - основателем самой настоящей тоталитарной секты, претендующей на установление особого, «священного» порядка в греческих полисах. В случае успеха предприятия в античном мире возникло бы тоталитарное государство во главе с обожествленным «Солнце-вождем» почище Ким Ир Сена. Но заговор, как мы знаем, был раскрыт, а пифагорейский орден разогнан. Позже

уже другой корифей – философ Платон – также порывался на осуществления социального эксперимента. Эксперимент не удался и на сей раз.

Затем, уже в позднеантичный период, греческие авторы стали испытывать пиетет перед варварскими народами. Якобы за их образ жизни, наиболее полно соответствующий изначальному, «райскому» бытию. Особый интерес вызывали кельты, а среди кельтов — их духовные наставники, друиды. Причина интереса понятна — друиды ассоциировались с «духовностью», слыли хранителями священных истин, а значит - через них являлись откровения об утраченном райском состоянии. Эти античные увлечения сродни интересу нынешних городских интеллигентов к йоге, восточной философии, шаманизму, тантризму и прочим «духовным практикам».

Языческие корни «Святой Руси»

Не известно, много ли знали античные греки о славянских племенах, но абсолютно точно, что у тогдашних славян были свои собственные духовные наставники вроде кельтских друидов. А через них передавались схожие предания об утраченном рае, о блаженных землях. И, разумеется, среди непроходимых лесов или на островах возникали под предводительством живых «богов» разного рода «райские обители». Большие города полабских славян, знаменитое святилище на острове Рюген (Руяна), возникали, надо полагать, в точном соответствии с древней сакральной топографией. Это были священные места, где некогда живые «боги» общались с людьми (таким же путем, судя по всему, возникли древние города на Ближнем Востоке).

Как свидетельствуют средневековые источники, славяне отличались особой склонностью к обожествлению своих духовных наставников. Католические миссионеры испытывали шок, когда славянские вожди предлагали им стать для них предметом культа. Скорее всего, здесь имела место обычная практика индоевропейских народов, не проводивших жесткого водораздела между собственно человеческим и божественным. Благодаря этой склонности индийский пантеон, например, рос как на дрожжах, включая в себя «богов» из числа тех, кто обладал там хоть каким-то влиянием на людей. Фрезер в своей «Золотой ветви» приводит факт обожествления жителями Пенджаба английского генерала Николсона, объявленного ими божеством Никкал Сен. По словам ученого, никакие слова, никакие действия не могли их переубедить. «Чем больше он их наказывал, тем больше возрастал религиозный ужас, с которым ему поклонялись» - пишет Фрезер.

Я полагаю, что на просторах Европы славяне были в этом отношении самым консервативным народом, верным «священной» старине. Близость славянского языка санскриту далеко не случайна. Возможно, «славянами» называли себя племена, говорившие на языке, близком к языку провидцев, общавшихся с богами (а может, это и был язык богов). В этом плане территорию своего проживания — со всеми святилищами и прочими сакральными местами — они полагали своей «райской», «святой» землей (или же ее точным воспроизведением). Такова, по крайней мере, была ведическая Арьяварта — священная обитель ариев, живших под управлением живых «богов» - брахманов.

Наверное, переселение ариев в Индию диктовалось теми же мотивами, по которым разные племена и народы скитались в поисках утраченного рая. О священном острове, управляемом «рахманами» (то есть брахманами) говорится даже в «Повести временных лет» (не без влияния, конечно же, византийских авторов). Сюжет о «рахманах» находим в древнерусской литературе: «У рахман же народ благочестив, и живут они совершенно без стяжания и, уведав жребий, посланный им божьей судьбой, обитают нагие у реки и всегда

восхваляют бога. У них же нет ни четвероногих, ни земледелия, ни железа, ни храмов, ни риз, ни огня, ни золота, ни серебра, ни вина, ни едения мяса, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни распрей, ни драк, ни зависти, ни вельмож, ни воровства, ни разбоя, ни игр, они не стремятся к пресыщению, но насыщаются сладкой дождевой влагой и свободны от всяких болезней и тления, довольствуются небольшим количеством плодов и сладкой воды, и веруют искренно в бога, и беспрестанно молятся».

Если же говорить о самом консервативном народе среди славян, дольше всех сохранившим преданность «священной» старине, то я могу с уверенностью утверждать, что это не венеты, не лютичи, не кривичи — это именно русские. Точнее, те русские, что создали современную Россию. Далеко не случайно наши поэты-почвенники называли свою страну «Белой Индией». Это весьма точная метафора, ибо в Европе именно Россия была неким аналогом азиатской Индии. Кроме того, образ «Святой Руси» имеет весьма условное отношение к собственно христианской традиции. Он уходит в ту самую «священную» славянскую (шире — индоевропейскую) старину, когда люди существовали с живыми «богами». Иначе говоря, «Святая Русь» - это все та же «райская», блаженная земля. Представление о священном, сакральном, наши предки могли почерпнуть задолго до общения со святыми отцами. И хождение в средневековой Европе представлений о некоем «священном» царстве (послуживших подспорьем для всевозможных ересей и политических доктрин) обязано все той же дохристианской старине.

На этом фоне не стоит переоценивать влияние канонического православия на русский национальный характер. Пример Индии наглядно показывает, что экзальтированное религиозное сознание (поддерживаемое непрерывным психологическим воздействием со стороны религиозных авторитетов) легко инкорпорирует любой религиозный культ, подстраивая его под сформировавшееся мировосприятие верующих, и ничего не меняя в их «ментальности» по существу. Представление людей о священном ничуть не меняется. Оно впитывает другие образы, формы и символы, меняет объекты поклонения (или просто увеличивает их количество – как в той же Индии), но сам характер восприятия этих форм, сам характер поклонения остается незатронутым. На христианское вероучение, а равно и на его носителей, простонародье по инерции запросто могло спроецировать свои чисто языческие рефлексы. В этнографической литературе таких примеров – не счесть. Церковные деятели и христианские миссионеры, разумеется, прекрасно осознавали подобного рода издержки. Другой вопрос, как они к этому относились, как этим пользовались. Вариантов тут могло быть несколько, на чем мы еще специально остановимся.

Нельзя сказать, что языческие пережитки являются какой-то главной особенностью русского религиозного сознания. Особенностью, пожалуй, является то, что у нас самые рьяные ревнители «духовности», отстаивая якобы чистоту православной веры, вкладывают в само понятие православия, мягко говоря, далеко не канонический смысл. Вольно или невольно, но в таких случаях «священная старина» становится главным объектом поклонения и защиты. Не каноны, не догматы, но именно традиция, обычаи и «заветы предков», восходящие к неким духовным первоначалам. По умолчанию этот духовный источник связывается с христианской ортодоксией, но в действительности мало кто решается заглянуть глубже. В первую очередь это относится к упомянутым апологетам русской духовности, иной раз втайне (а иногда и явно) симпатизирующим защитникам «священной старины» в лице радикальных староверов.

Когда у нас говорят об языческих пережитках, то чаще всего имеют в виду всевозможные суеверия простого народа – ворожбу, колдовство, веру в приметы, в сглаз, в порчу, в дурные предзнаменования. Сюда же присовокупляют остатки древних ритуалов и

обычаев. Все это живо и по сей день. Однако, на мой взгляд, главным «наследием» дохристианской эпохи является как раз многовековая, навязчивая склонность русских людей к поиску «живых» богов. Популярность самозваных «Христов» и «Саваофов», продержавшаяся вплоть до революции, - наглядное тому подтверждение. Подобно простым индийцам, русское простонародье в течение многих веков с легкостью творило себе кумиров, когда косвенно, а когда прямо причисляя их к богам. Перед началом XX столетия в число «богов» угодил даже святой праведный Иоанн Кронштадтский (чего уж говорить о сектантских проповедниках, коих было даже в то время великое множество). Нельзя сказать, что это какая-то особенность именно русского человека. Но настораживает то обстоятельство, что на протяжении веков это дурное языческое наследие всячески культивируется и поддерживается. Да еще явно или скрыто восхваляется как некое выдающееся качество русского национального духа.

Легкость, с какой обожествлялись на Руси влиятельные фигуры, должна была бы насторожить любого вдумчивого последователя христианства. Причем важно понять, что суть вопроса не в том, применялось ли к объекту почитания слово «бог». Суть в характере самих почестей: обожествленная персона наделяется качествами, ей не принадлежащими. Соответственно, от такого «бога» (как бы он ни назывался), ждут больше того, на что он реально способен. Уровень почитания таких персон вполне адекватен уровню требования к ним, и как правило, выходит за границы чисто человеческих возможностей. Тем, например, и отличается современный «наемный менеджер» (в смысле, избранный народом глава государства) от древних «священных царей», что от него не ожидают чудес в виде благотворного влияния на погоду и урожайность. Его оценивают как человека, хоть и наделенного властью, но все же — человеческой властью. Власть над природой в его компетенцию не входит. А вот со «священных царей» спрашивали и за плохую погоду.

Еще раз подчеркну, что склонность к обожествлению влиятельных персон — не есть исключительно русская черта. Данное явление, как мы понимаем, так же интернационально, как и тоска по потерянному раю. Здесь нужно учитывать обратную, так сказать, сторону процесса, а именно - реакцию и поведение самих обожествляемых персон. Она куда показательнее, чем заблуждения простых людей. Влиятельные персоны на то и влиятельные, что могут эту склонность либо ослабить, либо, наоборот, воспользоваться ею ради собственных интересов или из-за обычного тщеславия. Иной раз тщеславие обуревает ими настолько сильно, что ради него они сознательно стремятся внушить народу мысль о своей нечеловеческой сущности.

Про Иоанна Кронштадтского говорили, будто он пытался развеять в людях представление о своей божественной природе, объясняя им, что он «обычный человек». Английскому генералу Николсону также не нравилась роль «божества». Кстати, в самой Англии простолюдины до XVIII века включительно верили в божественное происхождение королей и даже считали, что августейшие особы способны прикосновением руки исцелять больных золотухой. Время от времени королям приходилось выполнять такую «священную» обязанность по исцелению страждущих. Больные, источая вонь, стекались в столицу, ожидая королевского прикосновения. В конце концов этот варварский пережиток стал противен самим королям (тем более, на дворе была эпоха Просвещения). Иными словами, сама европейская элита последовательно разрушала свой божественный ореол. Наверное, в том заключалась и значительная доля мудрости. Став в глазах простонародья просто людьми, европейские правители сбросили со своих плеч и «божественные» обязанности. По крайней мере, чудес от них никто уже не ждал. Отношения между народом и правителями все более и более принимали рациональные формы. Такая тенденция особо четко себя проявила как раз на Западе, окончательно закрепившись с

победой демократических форм правления (тут самым главным образцом выступили США).

Весь трагизм России, ее расхождение с Европейской культурой произошло именно по этому ключевому вопросу. На Руси с определенных пор данная тенденция пошла в обратном направлении — в направлении тотального обожествления власти. Все здесь делалось совершенно сознательно, методично и целенаправленно. Этот процесс мы и попытаемся проследить в деталях, чему как раз и посвящен настоящий труд. Но прежде чем мы приступим к его описанию, затронем еще один важный момент.

Природа национального морока

В последнее время у нас стало модно рассуждать о всяких «ментальных кодах», якобы непосредственно влияющих на жизненный уклад народа и на его взаимоотношения с властью. Некоторые «продвинутые» интеллигенты ищут причину российского авторитаризма и централизма именно в этих самых ментальных основаниях. Уже сколько раз приходилось слышать, будто русский народ чисто психологически, сознательно и бессознательно тяготеет к «сильной руке», к монархизму, к возвеличиванию вождей. И источник этой тяги чуть ли не а priori (то есть без влияния опыта) заложен не то в народной душе, не то в людских мозгах, не то где-то на генном уровне. Дескать, сакрализация власти является чуть ли не жизненной потребностью русского народа. Оттого и демократия у нас никак не удается.

Лично мое мнение на сей счет таково. В академических кругах вращается много всякой псевдонаучной ахинеи, и «теория» этих самых «ментальных кодов» - одна из них. Единственная цель, которой она сегодня служит — это утолять амбиции отдельных гуманитариев, претендующих на выдающуюся историческую миссию. Эти господа, насколько мне известно, иной раз открыто претендуют на то, чтобы чего-то там поменять в этой самой «русской ментальности». С таким же успехом они могли бы предложить изгнать из народа бесов (впрочем, в последнее время у нас появились претенденты и на эту роль).

Я уже упоминал английских простолюдинов, которые еще в XVIII столетии выстраивались в очередь за королевским «благословением». Но вы могли бы себе представить, чтобы, например, Томас Джефферсон устраивал в Америке подобные сеансы чудесного исцеления? Вряд ли. И дело тут не в том, что у американских поселенцев изначально были какие-то особо «просвещенные» мозги. Религиозных психов и всевозможных сектантов хватало и там. Просто создатели американской Конституции не претендовали на роль чудотворцев. Скорее всего, в силу определенных моральных принципов. Ведь и Иоанн Кронштадтский не прельстился ролью «живого бога». В этом смысле моральные убеждения русского святого заметно отличались от моральных убеждений какого-нибудь «бога над богами» Селиванова или «действительного Христа» Капустина. Соответственно, и Томас Джефферсон по своему моральному облику был мало похож на «Величайшего Бога» Джима Джонса. Если бы власть в Америке принадлежала таким, как Джонс, это было бы совершенно другое государство, а у американцев обнаружились бы совершенно иные «ментальные коды», чем сейчас.

Таким образом, ключевую роль в формировании этих самых «ментальных кодов» играет национальная элита, те самые влиятельные личности, которые в той или иной степени оставляют свой след в сознании людей. Социальная среда совершенно неоднородна. В любом обществе, даже в самом просвещенном, всегда найдутся и психи, и невежды. Вопрос лишь в том, кого принимает в расчет правящая верхушка, желающая упрочить

свою власть. Если главная ставка делается на психов, то «ментальные коды», скорее всего, выстроятся именно в этом направлении. Наглядных примеров тут предостаточно. Кто мог сто лет назад предположить, что такие рассудительные, такие практичные и культурные немцы с таким энтузиазмом примут власть «бесноватого фюрера»?

Бывают в истории народов ситуации, когда при определенных условиях безумцы оказываются в фаворе. Известно, что Гитлер был искренне уверен в своем «историческом призвании», и эту уверенность всеми доступными ему способами пытался внушить своим соотечественникам. Условия были для этого благоприятными как никогда. И дело не только в послевоенном унижении немцев. Сказались, безусловно, и романтические увлечения седой стариной, и вера в особое мессианское призвание, и презрение к буржуазному утилитаризму. Философские фантазии дали свои всходы не сразу, но спрос на них сохранялся на протяжении многих лет. Нацисты умело воспользовались такими настроениями, доведя нацию до исступления. Разумеется, человек с нравственными убеждениями Людвига Эрхарда никогда бы не ввергнул страну в масштабную военную авантюру. Но люди, помешанные на оккультизме, уверенные в своей «серхчеловеческой» природе не были столь щепетильными в выборе средств увековечивания себя в истории. Произошло то, что произошло. И глупо утверждать, будто у создателей Третьего Рейха не было выбора.

В принципе, все это справедливо для любой страны. Возьмем две Кореи — Северную и Южную. Один и тот же народ, но какие разные судьбы! Точно так же и судьба России всегда определялась намерениями ее элиты, ее властвующей верхушки. «Ментальные коды» стали лишь результатом многовековой социальной селекции. Власть старательно взращивала в людях именно то, что ей особенно благоприятствовало, и всячески подавляла те черты и наклонности (зачастую вместе с их физическими носителями), которые могли подорвать ее положение. Если говорить о нравственных убеждениях представителей этой власти, то погоду здесь чаще всего делали именно те, кому непременно хотелось стяжать славу небесных посланников. Я утверждаю, что власть в России обожествляли намеренно, целенаправленно и методично. И направлялся этот процесс не какими-то абстрактными «ментальными кодами», а вполне конкретными личностями. И всякие псевдонаучные утверждения насчет «врожденного» монархизма русских людей — не более чем идеологический миф, призванный как раз оправдать эту практику.

Давайте еще раз вспомним индейцев гуарани, которые четыреста лет скитались в поисках утраченного рая, так и оставшись ни с чем. Вряд ли бы целому племени разом пришло в голову сняться с места и броситься на поиски счастья. Инициаторами бессмысленных блужданий по лесным дебрям являлись, как мы говорили, местные шаманы и прорицатели, уверенные в том, что способны получать верные знаки из иного мира. Эту уверенность, разумеется, они всеми силами старались поддерживать в умах своих соплеменников. Так же ведут себя все лидеры тоталитарных сект, тщательно подыскивая адептов и методично промывая им мозги. Чтобы внушение действовало, его нужно все время подпитывать. Именно поэтому сознание адептов находится под постоянным контролем. То же справедливо и в отношении всех тоталитарных режимов.

Иными словами, процесс обожествления власти (в любом масштабе – от маленького племени до большой империи) действует подобно наркотику. Нужно постоянно поддерживать в людях состояние исступления, ибо трезвым сознанием такие образы не воспринимаются. Это есть власть иллюзии, власть химеры. Как мы понимаем, чисто физически все эти «боги» и прорицатели – обычные смертные существа из плоти и крови. С чего бы считать их сверхсуществами? Способны ли они на то, что принято приписывать

богам (а уж тем более Всевышнему)? В здравом уме вряд ли кому придет в голову узреть в обычном смертном «бога» и ждать от него каких-то немыслимых чудес. И точно так же никто в нормальном состоянии не будет испытывать иллюзий относительно того, что тела могут подняться на небо в ходе многодневных танцев.

В том-то и заключается власть химеры, что здесь от земного, смертного ждут чего-то сверхъестественного и чудесного. Точнее, от авторитетного лица, от объекта обожествления ждут здесь всегда больше, на что он реально способен. Объявив себя «Богом», он на самом деле не в состоянии сделать того, на что способен Истинный Бог. Так же безумствующий прорицатель, обещающий своему народу указать путь в блаженную обитель, уводит его в пустоту. Не случайно христианские отцы считали дьявола лукавым обманщиком. Для того, кто поддается обману, это оборачивается пустой растратой жизненных сил, унынием и разочарованием. Энергия религиозного рвения, направленная на ложные объекты, словно растворяется в вакууме, ибо лукавый обманщик, получающий незаслуженные почести, в реальности способен дать своим почитателям гораздо меньше того, что он от них получает. В этом смысле жертвенное служение самозванным богам не имеет ответного воздаяния. Эта жертва — без искупления. Вспомним, что в «земном раю» Джима Джонса рядовых верующих охрана не выпускала наружу. Что же это за рай такой, из которого не выпускают? Как мы знаем, из истинного Рая человек был изгнан. Насильственно удерживают только в аду.

Власть химеры — это и есть морок. В древности так называли состояние помраченности сознания, искаженного восприятия реальности. Морок можно искусственно «навести», вызвать с помощью специальных колдовских манипуляций, чем как раз и пользуются обожествляемые властители и прочие претенденты на сакральный статус. Случаи морока весьма разнообразны по силе воздействия — от поклонения самозванному «богу» до случаев так называемой безответной любви. Финал же во всех случаях одинаков — бессмысленная растрата душевных сил и жизненной энергии, усталость, апатия и уныние. Для индейцев гуарани бесплодные поиски рая закончились погружением в пессимистические переживания. Как признался один из них: «Теперь земля стала старой и наше племя больше не будет размножаться. Мы увидели мертвецов, на нас падет тьма, вокруг нас заснуют летучие мыши и те из нас, кто еще останется на земле, обретут свой конец». (Мирча Элиаде. Ностальгия по истокам. Глава VI)

Кстати, современные этнологи склоняются к мысли, что примитивные племена несут отчетливую печать деградации. Не связано ли это состояние с их религиозным исступлением? Нужно понимать, что религиозное исступление само по себе еще не является чем-то духовно оправданным в христианском смысле. К сожалению, среди российских апологетов духовности распространены восторженные отзывы относительно любых форм почитания «иного» мира. И русскому народу с таким же восторгом приписывают необычайное религиозное рвение, восхищаясь им как таковым — безотносительно к объектам почитания. Поклоняйся русские хоть телеграфным столбам, радетели духовности и здесь увидели бы нечто возвышенное и достойное восхищения.

Если рассуждать в такой логике, то тогда поклонение бесам, принявшим вид ангелов света, ничем не будет отличаться от христианского служения Богу. В самом деле, ведь верующий поклоняется не лику беса, а светлым образам. Значит, его христианское благочестие вне сомнений. Тем не менее, суть дьявольского обольщения именно в том и заключается, что душевные силы верующего приносятся в жертву противника Бога. Выражаясь философски, здесь мы сталкиваемся с вполне конкретной онтологической ситуацией. Верующий может считать себя благочестивым христианином, но, поддавшись обману, он в реальности будет служить дьяволу. Как это отразится на его

взаимоотношениях с Богом – уже другой вопрос. Однако здесь, в земном мире, ему угрожает то, о чем мы только что говорили – упадок душевных сил, истощение, усталость, вырождение.

Сделаем еще одно уточнение. Человек, подверженный мороку, перестает видеть различие между условным и буквальным. Точнее, то, что является условным, то, что символизирует некий объект, принимает в его глазах самостоятельную ценность и начинает отождествляться с символизируемым объектом. И в данном случае накал религиозного напряжения не привносит в такое поклонение ничего собственно духовного. Например, когда верующий, почитающий иконы, начинает объектом поклонения считать саму икону, а не Того, Кто на ней изображен.

Именно на этой почве когда-то и возникло идолопоклонничество, осуждаемое и библейскими пророками, и христианскими проповедниками. Недаром святые отцы так много времени тратили на то, чтобы разъяснить верующим принципиальную разницу между тождеством и подобием. Так, человек подобен Богу, но не тождественен Ему. Он может символизировать отдельные Божественные качества, но сам символ не содержит в себе природы Того, Кого он отображает. Вроде простые и понятные вещи, но на практике, как показывает исторический опыт, в массовом сознании происходят постоянные аберрации. И тогда христианское служение плавно и незаметно переходит в исступленный магический обряд. С помощью икон начинают заклинать природу, от правителя ждут чудесных исцелений или влияния на погоду и урожаи, а от священников – гарантий на благоприятную загробную жизнь. Начинается беспринципный торг и с Богом, и с церковью, и с совестью. Эта неприглядная картина, еще раз повторюсь, во многом зависит он настроений элиты, включая правителей и духовных наставников.

Примечательно, что в протестантских странах, где особо рьяно искореняли «идолопоклонство», такие аберрации наблюдались в меньшей степени, чем в католических странах или в православной России. Известно, что американские поселенцы, державшиеся протестантских взглядов, также искали на диких просторах новой земли свой райский уголок. Правда, надо отметить, что этот «земной рай» они понимали скорее символически, чем буквально, как было в случае с индейцами или членами откровенно тоталитарных сект. Никому из тех, кто стоял у истоков «американского образа жизни», несмотря на их пуританскую приверженность библейским образам, не приходило в голову, что на благоустроенных ими территориях они обрели тот самый Рай, из которого были изгнаны Прародители. Современные исследователи связывают данный феномен с так называемой секуляризацией чисто религиозной идеи, однако надо полагать, что эта самая «секуляризация» изначально определялась неким «чисто человеческим», рациональным взглядом на организацию земного бытия.

Учтем, что схожая тенденция у европейских народов просматривалась еще до появления христианства. Отход от религиозных экзальтаций, от изуверских ритуалов, магических практик, от назойливой сакрализации всех сторон человеческой жизни случился уже в античную эпоху у древних греков и римлян. То же мы можем наблюдать и у германских народов, особенно в скандинавских странах. На социальном уровне это выражалось в серьезном понижении статуса всяких духовных наставников и прорицателей, утративших, например, такую важную составляющую реальной власти, как осуществление судебных функций. И в Древней Греции, и в Древнем Риме, и в Скандинавии прорицатели превратились в обычных ремесленников (хоть и весьма уважаемых). Не то было в случае с египетскими жрецами или с кельтскими друидами. Их власть была необычайно велика. В то же время, как мы знаем из истории, галльская знать, подражая римским установлениям, пыталась избавиться от влияния друидов. Иначе говоря, процесс секуляризации в какой-то

мере был освобождением от власти химеры, выходом из состояния религиозного исступления. Хотя защитники «священной старины» до конца никогда не сдавались и на протяжении многих веков пытались взять реванш.

Вспомним того же Пифагора и пифагорейцев. Это только один из самых интересных примеров, и он не единственный. На протяжении всего средневековья сектанты разных мастей пытались захватить свою власть и установить в Европе «священный порядок» под властью «живых богов». Войны с альбигойцами и анабаптистами — важнейшие вехи этой войны. Как бы мы ни относились к католической церкви, все же справедливости ради стоит признать, что она стала на пути радикального религиозного сектантства, несшего куда больше ужасов, чем их показала инквизиция. Так было в Западной Европе. И пока там давили религиозных фанатиков и сумасшедших прорицателей, на другом конце Европы, в Московии, религиозные фанатики методично и последовательно прибирали власть к своим рукам.

Теперь мы, наконец-то, переходим к нашей стране. Завязка тут была не такой простой, как может показаться с первого взгляда.

Глава III ИЗ «РОДА БОГОВ»

Самодержавие как религиозный культ

До сих пор в обществе не утихает дискуссия по поводу происхождения российского самодержавия. Согласимся, что неограниченная власть правителя — это своего рода квинтэссенция «особого пути». Собственно, даже не важно, кто будет держать в узде страну — православный царь или какой-нибудь безбожный «отец народов». Узда здесь приоритетнее. Именно поэтому для тех, кто выбирает «особый путь», одинаковой похвалы достойны все наши деспоты - от Ивана Грозного до Сталина. Все они стоят в одном ряду как выдающиеся деятели, созидавшие «великую державу».

Вопрос, конечно же, не в личных пристрастиях. Нас пытаются убедить, что самодержавие соответствует упомянутым «ментальным кодам», а значит, альтернативы ему в настоящее время нет. Мало того, неограниченная власть преподносится как самый эффективный способ для нашей страны решать буквально все насущные задачи. И что так, дескать, сложилось исторически, и до настоящего времени иных, более эффективных подходов нет, и не предвидится. Одним словом, народ и деспоты слились в экстазе до состояния нерасторжимого единства.

Насколько известно, сторонники «особого пути» тесным образом ассоциируют самодержавие с православной традицией, точнее — с «истинным православием», на обладание которым радетели русской духовности претендуют уже не одно столетие. Тем не менее, даже они не могут отрицать, что исторически самодержавное правление установилось на Руси спустя несколько столетий после крещения. Начало ему было положено, как мы знаем, в Московии. Это событие обычно увязывается с обретением «независимости» от монгольской Орды во время великого князя Ивана III. Именно с его

именем принято увязывать зарождение великой русской державы, якобы ставшей преемницей Византии.

Вера в этот устойчивый идеологический миф долгое время определяла осмысление природы самодержавной власти. Самодержавие на Руси действительно восходит к великим князьям московским, и именно к Ивану III (точнее, к его эпохе). Только как, в таком случае, трактовать, например, правление Ярослава Мудрого? Соответствовало ли оно «истинному православию», либо это был некий «промежуточный этап» в становлении российской государственности?

Нас, конечно, пытаются убедить в том, что в создании великой державы максимально раскрылась сила «православного духа», а потому отход от самодержавия рассматривается не иначе, как своего рода грехопадение, как отступление от православия. Любой апологет «особого пути» сближает самодержавную власть и православную духовность настолько сильно, что одно неизменно предполагает другое. Например, товарищу Сталину, создавшему имперское государство, российские державники приписывают какие-то скрытые духовные мотивы. Именно духовные! Других мотивов при созидании Российской Державы как будто и не предполагается. Все преступления против русского народа отходят на второй план, как только речь заходит о создании имперского государства. И даже разрушение храмов и насаждение атеизма не мешают российским державникам приписывать красному тирану тайную (якобы) приверженность православию.

Говоря откровенно, не имеет особого значения, под какими знаменами самодержцы укрепляют собственную власть. Как мы увидим далее, идеология — это пища для подданных. Деспоты и тираны всегда являются людям в том обличии, которое лучше всего помогает им совладать с народной стихией. Когда Сталину, в самые критические годы войны, нужно было привлечь на свою сторону православную церковь, открыть храмы и разрешить богослужение, он это сделал, невзирая на постулаты марксизмаленинизма. О его «духовных» мотивах я бы здесь поспорил. А вот что касается методов борьбы за власть, то здесь преемственность с русскими самодержцами налицо. В этом плане ставить Сталина на одну доску с Иваном Грозным и другими царями в каком-то смысле не так уж и опрометчиво. Здесь наши державники попали в точку.

Обратим внимание на то, что борьба за императорский (то есть самодержавный) статус — одна из прихотей отдельных земных правителей, начало чему было положено еще в далекие дохристианские времена. Чисто теоретически император-самодержец (он же — царь над царями) может быть только один на всю планету, ибо мыслится он как повелитель всего мира, всего человечества. Это такой же вселенский архетип, как и образ утраченного рая. На практике, разумеется, самодержцы правили сразу в разных уголках планеты, на разных континентах, хотя каждый из них официально считался владыкой мира. Поскольку претендентов на это звание было много, то между ними всегда имела место серьезная конкуренция, иногда доводившая правителей до маниакального умопомрачения.

Что бы ни писали отдельные авторы (в том числе и христианские) о природе самодержавной власти, реальный источник ее появления несомненен. Самодержец не просто олицетворяет Бога, он, по совокупности своих полномочий, претендует на замещение Бога на земле. Разумеется, в христианской интерпретации эти претензии чисто формально сильно сглажены и завуалированы. Но, насколько мы знаем из истории дохристианских цивилизаций, изначально самодержец как раз претендовал на функцию великого божества. И я абсолютно уверен, что на самых ранних исторических этапах

каждый такой властитель совершенно сознательно выдавал себя за Всевышнего, беря в качестве своего официального титула один из Его эпитетов. То есть, китайские императоры, египетские фараоны, вавилонские цари или Великий Инка применяли для упрочения власти тот же принцип, который вовсю используют лидеры самых разных тоталитарных сект (вспомним хотя бы «бога над богами и царя над царями» скопца Селиванова).

Учтем, что в простонародном сознании, да еще доведенном до религиозного исступления, фигура самодержца выходила на первый план, отодвигая образ Бога. И каждый не в меру амбициозный правитель (как показывает история) сам в немалой степени прикладывал усилия к тому, чтобы стать для подданных своего рода богом на земле. На таком уровне ему и воздавали почести, причем — официально установленные. Так было не только в древних языческих царствах, но и в православной Византии. Григорий Богослов не скрывал того, что император в отношении своих подданных выступает в роли божества. Возможно, в устах святого такое сравнение звучало как метафора, но мы уже говорили о том, что простой человек, да еще в условиях непрерывного идеологического давления, не оперирует сложными категориями и склонен к буквальному восприятию чисто символических образов. Если для ученых богословов император всего лишь символизировал Бога, то для обычных верующих, не искушенных в богословских премудростях, он запросто мог стать носителем божественной природы. Понимали ли данное обстоятельство религиозные наставники? Думаю, что да. Понимали ли это сами императоры? Наверное. Понимали и пользовались этим обстоятельством.

Нелишним будет заметить, что полномочия на императорское правление Византия получила от языческого Рима. Регалии римских императоров, в свою очередь, восходят к Александру Македонскому, который считал себя преемником царей Вавилона. Цари Вавилона, согласно легендам, продолжали линию правителей Шумера, где цивилизаторскую миссию, если верить мифам, осуществляли некие сверхъестественные существа, напоминающие падших ангелов.

Таким образом, самодержавная традиция зародилась задолго до появления христианства. И право самодержцев на неограниченную власть определялось не их формальной приверженностью тому же православию, а как раз упомянутой преемственностью, начало которой уходит в седую древность. Иными словами, источник легитимности «царя над царями» так или иначе соотносился с установлениями языческих времен. Так было не только в Византии, но и в Московской Руси. Чтобы претендовать на высочайший титул, русским самодержцам совсем недостаточно было герба Палеологов. Недаром Иван Грозный (опираясь, видимо, на «Послание Спиридона-Саввы») доказывал иностранцем, что его великокняжеский род восходит к роду самого Августа-кесаря.

Получается интересная картина: авторитет библейских пророков не стоил и ломаного гроша, как только царственные особы начинали обосновывать свои великодержавные претензии, упирая на авторитет седой старины. Христианское благочестие в таких делах мгновенно отходило на задний план, уступая место кровным узам с каким-нибудь авторитетным языческим «кесарем».

«Вотчина моя это!» - о движущем мотиве «собирания» Руси

Все сказанное, кстати, лежит на поверхности. Наши державные патриоты любят с умилением рассуждать о «собирании» Руси, побуждаемом, якобы, высоким стремлением московских государей «объединить» православный русский народ под одной властью,

спася их тем самым от иностранного порабощения (прежде всего – «духовного» порабощения). Тот факт, что в состав Российского государства включали инородцев и иноверцев, во внимание не принимается. Просто принято считать, будто великие князья Московии выбрали наилучшую в политическом смысле стратегию. И не только в политическом, но еще и в идеологическом.

Впрочем, как выясняется, не только патриоты-державники придерживаются идеологии «собирания» Руси. Их ярый оппонент — либеральный историк Александр Янов посвятил целый том доказательствам «европейской» миссии Ивана III. Такого поворота либеральной мысли мало, наверное, кто мог ожидать. Но слова из книги не выкинешь. По мысли Янова, освободившись от ордынского ига, великий князь Московии начал восстанавливать утраченные владения его предков. Собственно, здесь ничего тайного и нет, поскольку именно так все и объявлялось. Оригинальной выглядит разве что «либеральная» интерпретация данного процесса. Янов считает это стремлением к «воссоединению с Европой», своего рода русской Реконкистой. Надо полагать, что остальная, не московская Русь собственно Русью не была, или была не совсем русской, или в ней было что-то такое, из-за чего известный советско-американский историк не счел ее достойной внимания. Как бы то ни было, но эта «призрачно-сомнительная» немосковская Русь будто бы являлась большой преградой для соединения «подлинно русской» Московской Руси с «подлинно европейской» Европой.

Обращаю внимание читателей: это не у меня завихрения — это завихрения у доктора Янова. Апогеем завихрений стала «либеральная» интерпретация разгрома Новгорода. Он признает, что Новгород был стопроцентно европейским городом. Европейским даже в понимании самого ревнивого либерала-западника. Но (ужас какой!) вполне себе европейская Новгородчина не давала «подлинно русской» Московии прохода к «подлинно европейской» Европе. Поэтому великому князю Московии, рвавшемуся в милую его сердцу Европу, пришлось подчинить Новгород самым брутальным способом. Следуя логике автора, если бы Московия соседствовала с вполне европейской Новгородчиной, то она была бы «отрезана» от... Европы! Хороший образчик либеральной мысли. Похоже, советскую школу не растеряешь даже в Америке. Наверное, товарищ Сталин, двигаясь через Польшу на Берлин, жаждал такого же «воссоединения» с Европой!

Короче говоря, в действиях великого князя — сплошные «высокие» мотивы (на худой конец — «объективная неизбежность»). Один узрел в них «европейскую» миссию. Другие сохраняют верность традиционной державной интерпретации — боролся де «собиратель» Русских земель за «сохранение единства» православного русского народа (назло подлым католикам, разумеется). В общем, простирался над Иваном III незримый перст, указывая направление похода. То есть выполнял великий князь свой священный долг, творил, так сказать, историю, и ничего личного в том не было. Ничего личного!

На самом деле все было гораздо прозаичнее. «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» открыто объясняет причину «собирания Руси». Вот что передал новгородцам великий князь через своих послов: «Вотчина моя это, люди новгородские, изначала: от дедов, от прадедов наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в вашей земле. И от того Рюрика и до сегодняшнего дня знали вы единственный род тех великих князей, сначала киевских, и до самого великого князя Дмитрия-Всеволода Юрьевича Владимирского, а от того великого князя и до меня род этот, владеем мы вами, и жалуем вас, и защищаем отовсюду, и казнить вас вольны, коли на нас не по-старому начнете смотреть».

Как видим, все просто и без всякого патриотического пафоса: московский самодержец открыто претендует на свою собственность. Собственность! Свою! Претендует, как говорил один пролетарский поэт, «весомо, грубо, зримо». Никаких сантиментов по поводу единения православного русского народа! «Отдайте мне мое наследное добро, иначе хуже будет!» - вот и весь державный посыл. Самое примечательное, что основанием таких претензий является принадлежность Ивана III к великокняжескому роду. Он де — потомок Рюрика, который уже был «хозяином» на Новгородчине. И теперь, как потомок основателя великокняжеского рода, стремится вступить во владение наследством.

Короче, то, что мы трогательно называем «собиранием Руси» под началом Москвы, на практике было банальным стяжанием собственности со стороны московских правителей. Ничего оригинального и в этом случае не было, поскольку практически все деспоты вели себя точно таким же образом во все времена. Потомок Рюрика вполне мог вдохновляться наглядным европейским примером — деятельностью Габсбургов. Те чуть ли не всю Европу мечтали превратить в свою «вотчину». Так что, следуя за доктором Яновым, притязания Ивана III на русские земли можно смело назвать чисто «европейскими» по духу. Однако в любом случае данное обстоятельство не отменяет того факта, что Российская Держава созидалась отнюдь не в интересах русского народа, а исключительно в интересах самих самодержцев и их приближенных. А точнее (следуя из процитированного послания) — в интересах великокняжеского рода. Иначе говоря, вся Русская земля объявлялась собственностью потомков Рюрика. С одной стороны есть народы, населяющие эту землю, а с другой — великокняжеский род, поставленный в исключительное положение.

Именно к этим языческим установлениям и апеллируют московские самодержцы. Согласимся, что византийские императоры такого себе позволить не могли. В Византии, согласно установленному порядку, новоявленный император приобретал «божественные» качества только во время обряда Помазания на царство. До этого обряда претендент на императорский престол был обычным смертным. Чтобы взобраться на вершину власти, ему приходилось заручаться расположением сената, церкви, армии и даже простых горожан. Здесь так или иначе собственные качества и заслуги играли хоть какую-то роль. Московские самодержцы открыто апеллируют к своему особому происхождению, рассчитывая, конечно же, на то, что в глазах народа это уже само по себе является основанием их легитимности, то есть совершенно спокойно используя пережитки языческих времен. В исторической литературе данный факт всячески затушевывается напластованиями тогдашнего официоза. Ниже, в отдельной главе, мы специально покажем, как пережитки языческой старины дали о себе знать при правлении Ивана Грозного.

Языческое наследие

Теперь немного поговорим о великокняжеском роде. Почему князь Рюрик удостоился такой чести? О его заслугах ничего не известно. С чего это он был призван на княжение? Откуда пиетет перед его потомками?

К сожалению, в нашей исторической науке уже не одно столетие ведутся бесплодные и бессмысленные дискуссии по поводу так называемого «призвания варягов». Спор «норманистов» и «антинорманистов», по большому счету, не стоит и выеденного яйца. Ученые напрягаются исключительно из-за своих идеологических пристрастий, и лично у меня нет ни малейшего желания занимать здесь чью-либо сторону.

В дохристианские времена «призвание» на княжение было обычной практикой, широко распространенной у индоевропейских народов (примеры можно узнать хотя бы в упоминавшейся уже книге Фрезера). Естественно, призывали не кого попало. Такой чести удостаивались, как правило, представители «божественных» родов. В чисто языческом понимании они и были богами, во всяком случае - их ближайшими родственниками. Столь статусные правители нужны были как раз для того, чтобы обеспечивать связь с небожителями, добиваться их расположения и таким путем благоприятно влиять на земные дела — на хорошую погоду, обильную урожайность и удачи на войне.

В раннем средневековье у славян таким почетом пользовалось племя ранов (рунов), живших на острове Руяна (Рюген). Адам Бременский пишет о них: «По закону без учета их мнения не принимается ни одно решение по общественным делам. Их так боятся по той причине, что с этим племенем водят близкую дружбу боги, а вернее, бесы, поклонению которым они преданы более, чем прочие». В данном случае мы не можем абсолютно точно утверждать, что именно оттуда явился Рюрик со своей дружиной (хотя такие версии есть). Просто необходимо иметь в виду, что на такую должность могли пригласить исключительно авторитетную персону. Авторитетную по языческим меркам, разумеется. Наилучшим кандидатом был, как мы понимаем, выходец как раз из столь почетного племени, тесно связанного с «богами». А если раны на самом деле пользовались таким серьезным влиянием в тогдашнем славянском (и не только) мире, то разумнее всего предположить именно их. Хотя Герберштейн в своих «Записках о Московии» утверждает, что призванные варяги были из племени вандалов, проживавших на полуострове Вагрия. Вандалов, надо сказать, средневековые авторы относили к славянам. По крайней мере, тесно сближали их с ними. У Орбини даже приводится обширная таблица вандальских, славянских и русских слов, доказывающая близость языков.

Надо отметить, что до XVII столетия включительно род Рюрика особой тайны не представлял, поскольку он упоминался в европейской литературе позднего средневековья, и Герберштейн ничего в данном случае не выдумал, а только передал бытовавшие в его время представления о происхождении первых русских князей, коих единодушно связывали со славянским племенем вагров (они же – «варины» и, может быть, «варяги»). Конечно, средневековые авторы много чего могли напутать, но все же славян от скандинавов отличали. И никому, вообще-то, не приходило в голову считать тогдашних русов «шведами».

Тот факт, что автор «Повести» призванную «русь» причисляет к варягам, еще ни в коей мере не указывает на скандинавское (шведское или норвежское) происхождение Рюрика. Тем более что в тексте (чего норманисты не хотят видеть в упор) специально подчеркивается: «И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие (выделено мной – О.Н.) называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, - вот так и эти прозывались». То есть автор прямо указывает, что «русь» - это НЕ шведы, НЕ норманны, НЕ англы, НЕ готландцы. Варяги, как понятно из приведенных строк – это все те, что живут вблизи моря, или среди моря (на островах) и прибывают на земли славян исключительно морским путем.

Меня, честно говоря, иной раз умиляет, с какой самонадеянностью иные историки (в основном западные) причисляют Рюрика и его потомков к «шведам». Где-то я так и прочел: «шведский князь Ярослав Мудрый». Печально, конечно, когда вздорная теория заменяет ученым мозги. Но такая уж и наука! Русские «шведы» - это, пожалуй, самое забавное изобретение современной «исторической мысли». Главное, нужно понимать, что автор «Повести» тут совсем не причем. Он внятно и четко объяснил, что основатель

великокняжеской династии никаким «шведом» не был (как не был он и «нормандцем»). Если кто-то этого не уразумел – пусть остается на его совести.

Для нашей темы важнее предположить, что упомянутая «русь» обладала в глазах тогдашних язычников-славян каким-то особым статусом. Надо полагать, что исключительно из-за своей близости к «богам». Отражалось ли данное обстоятельство на их физических качествах, гадать не будем. Были ли они гигантского роста, светились ли у них глаза, сиял ли нимб вокруг головы — неизвестно. Здесь, выражаясь по простому, главную роль сыграла сама «божественная» репутация. Почему мы можем утверждать об этом с такой уверенностью? Да хотя бы только потому, что спустя шестьсот лет (!) потомок Рюрика — правитель Московии Иван III — с такой непринужденностью заявляет далеким соплеменникам о значении своего рода. Это примерно то же самое, как если бы потомок Романовых в наше время что-то подобное предъявил нынешним россиянам. А ведь со времен революции не прошло и ста лет! Но кто такие Романовы в сознании современных русских людей, какой у них авторитет? Откровенно говоря — никакого. Сегодня предложения о восстановлении престола раздаются со стороны разных книжных мечтателей, но в обществе такая идея вряд ли способна вызвать что-либо, кроме смеха и иронии.

Но во времена Ивана III, судя по всему, ничего смешного в апелляции к «божественному» роду не было. Несмотря на то, что со времени крещения прошло почти пять веков, установления языческой старины все еще давали о себе знать при разрешении столь важных вопросов. Факт «призвания» Рюрика на княжение абсолютно не подвергся пересмотру или переосмыслению. Легитимность правителей рассматривалась в плоскости дохристианской традиции, которая получила новое официальное обрамление в виде православных символов и соответствующей терминологии. Ведь речь идет не только о простонародном взгляде на положение дел. Выше я отметил, что простому человеку, не искушенному в богословии, свойственно впадать в идолопоклонство в силу буквального восприятия религиозных символов.

Не столь уж важно, каково формальное выражение неких смыслов. Оно может передаваться через любую систему символов — и христианских, и дохристианских. Важнее сами смыслы, а точнее - особенности их усвоения со стороны основной массы людей. И надо понимать, что священный трепет простого народа перед обожествленным правителем никоим образом не связан с чисто христианским взглядом на природу власти. И даже понимание природы Бога может быть вполне «языческой», то есть идти в русле дохристианских представлений, дохристианского мистицизма. Группа книжников могла в своем узком кругу предлагать какие угодно интерпретации, согласуя их с догматами веры. Судить о безупречности таких интерпретация — это опять же удел узкой группы книжников. В общественном сознании символы живут иначе. И не просто живут, но и влияют на общество. Многие язычники на самых разных континентах бросались ниц перед своими священными царями. Совершенно обычная картинка, перешедшая по инерции и в христианский мир. И в простонародной среде такое отношение к священным символам было явлением обычным, несмотря на крещение.

Однако надо понимать и то, что и представители элиты, на которых распространяются возвышенные эпитеты, сами обладают склонностью придавать им буквальный смысл. Скорее всего, искренняя убежденность венценосцев в своей исключительности чисто психологически помогает им оказывать влияние на подданных. Ведь, как известно, чтобы внушить толпе священный трепет, нужно самому быть уверенным в собственной правоте.

Поэтому я не исключаю, что у амбициозных потомков Рюрика была своя «идея-фикс» добиться наивысшего статуса, стать «царями на царями», живыми богами на земле. Вряд ли будет правильно, как утверждает Янов, связывать становление деспотизма с одним лишь Иваном Грозным, якобы «изменившим» тому самому «европейскому» пути, по которому шел его дед Иван III. На самом деле если и были какие-то расхождения и отступления, то возникали они отнюдь не по инициативе «божественных» отпрысков. Все они четко двигались в одном направлении - к усилению собственной власти, для чего им приходилось противодействовать иным, действительно противоположным веяниям, исходившим большей частью со стороны определенной части боярства. Именно инициативы со стороны зажиточных и влиятельных людей приходилось так или иначе пресекать, видя в них преступные «отступления» от генеральной линии царственного рода. Сам Иван Грозный, как замечает историк-богослов Александр Дворкин в книге об этом царе, считал целью своего царствования возвращение «золотого века» Московского государства через восстановление «истинного» самодержавия. Иначе говоря, он осознавал себя продолжателем дел своих знаменитых предков. По крайней мере – отца и деда. И как раз убежденность в исключительности своего происхождения была главным движущим мотивом в борьбе за державное величие. Православие и взятые из Византии атрибуты императорской власти были, конечно, неплохим подспорьем в этой борьбе за неограниченную власть, но отнюдь не они задавали вектор данного процесса.

В те времена, надо сказать, многие коронованные особы преследовали схожую «идеюфикс». Только далеко не все их них смогли реализовать ее в полной мере. Русским самодержцам в этом плане повезло больше. Повезло ли только русскому народу?

Глава IV «СВЯЩЕННЫЕ» ЗЛОДЕЙСТВА

«Идейные» оправдания тирании

Наши державные патриоты (и в некоторых случаях даже либералы – вспомним Янова) упрямо настаивают на нехитрой максиме: чтобы ни вытворяли сильные мира сего в процессе созидания великого государства, всё, ими совершенное, делалось во имя всеобщего блага. Даже если при этом в жертву государственному величию бросались сотни тысяч, а то и миллионы людей, смысл содеянного не утрачивал своего высокого исторического значения. В отношении Российской Державы данная формула применяется неумолимо. Главный смысл масштабного государственного строительства русских самодержцев, по мнению патриотов, - обеспечение безопасности народа, создание неприступной обороны от многочисленных внешних врагов.

Наша историография, как мы знаем еще со школьной скамьи, пестрит душераздирающими описаниями бесконечных посягательств на наш покой. Половцы, казары, печенеги, шведы, поляки, «псы-рыцари», монголо-татары, турки — всех и не перечислишь, кто не давал житья русскому народу. Для того и понадобилась могучая держава, объясняют нам, чтобы усмирить ворогов и дать русским людям возможность нормальной мирной жизни. Идеологические обоснования выстроены здесь почти

безупречно. И в наше сознание они въелись основательно. Только по некоторым моментам происходит неувязка.

Например, кто в конце XV века посягнул на мирную жизнь новгородцев? То, чего не сделали с вольным городом поганые ордынцы, устроил не кто-нибудь, а державный русский строитель, православный претендент на самодержавный статус Иван III Васильевич. Это всего лишь один из эпизодов, способный смутить любого вменяемого патриота. В таких случаях, чтобы сохранить душевное равновесие, патриоты хватаются за дежурный идеологический тезис: новгородцы де хотели осуществить «предательство» - уйти под власть чужеземного государя-католика (версию Янова разбирать здесь не будем из-за ее умопомрачительной «оригинальности»).

В последнее время подобная «аргументация» стала использоваться довольно часто. Почему? Потому что исторические свидетельства — вещь упрямая. А они показывают, что «божественные» потомки Рюрика, зачисленные в разряд трепетных исполнителей священного долга, не только вели себя в отношении русских людей как некрещеные захватчики, но даже не брезговали помощью нехристей в борьбе за свое «святое» дело. Чем были в действительности мотивированы такие «святые» дела, мы уже говорили: «Вотчина моя это!». Своих подлинных намерений державные строители даже не скрывали - настолько уж они были уверены в правоте собственных «божественных» притязаний. Потому летописцы и не утаивали сообщений об их «подвигах» в борьбе с собственным народом. Гораздо проще и удобнее было обвинить в «предательстве» народ, чем устроителей державы — в напрасных злодействах.

В наше время эта изуверская идеология нашла свое предельное выражение в учении евразийцев. По сути, евразийцы разом отбросили все сомнения относительно неблаговидных действий русских князей, якшавшихся со степняками, выдвинув тезис о благотворном влиянии Орды (шире — «кочевой культуры») на становление Российской государственности. Следуя, например, логике Гумилева, русским князьям вообще не стоило противодействовать натиску ордынцев, а с самого начала необходимо было заключить «братский союз» и сообща противодействовать экспансии тлетворного католического Запада. Отсюда его неподдельный пиетет перед Александром Невским, выбравшим якобы «мудрую» стратегию союза с Ордой. Создание великой державы, грозящей «тлетворному» Западу — главный аргумент в пользу указанной стратегии. При таком ракурсе, как мы понимаем, совместные со степняками карательные экспедиции против своих же соотечественников и единоверцев уже не рассматриваются как предательство и подлость. Соответственно, реки русской крови, пролитые самодержцами ради утоления собственных властных амбиций, находят здесь свое законченное «идейное» оправдание.

По большому счету, евразийцы ничего не изобрели и не открыли. Все их учение — вывернутое наизнанку западничество. Только лишь поменялись местами оценки — с «плюса» на «минус», и наоборот. Как мы знаем, с точки зрения западников все неприглядные стороны Московского самодержавия объяснялись прямым влиянием ордынского примера. Московское царство принято даже рассматривать как некое продолжение Орды, а московских правителей — как последовательных сторонников ордынской практики управления. В общем, с кем поведешься...

«Ордынский» стиль

Сегодня ссылки на влияние Орды, якобы «сбившей» нас с европейского пути развития, стали весьма популярными. Евразийцы, разумеется, заливаются об этом с восторгом, западники — с сожалением. Но в концептуальном плане, так сказать, и те, и другие навязывают обществу одно и то же изображение исторических событий. Чаще всего мы слышим сокрушение западников: вначале, дескать, у нас было почти все «как у людей», но потом пришли монголы и все испортили. Понятное дело: до монголов практики управления нам демонстрировали «призванные» из Скандинавии (якобы) варяги. И это были «правильные», европейские практики. Но потом монголы показали самый дурной пример. Не будь монгольского нашествия, не было бы и самодержавных ужасов. Так считают сторонники западного пути (кроме очень оригинального либерала Янова, конечно же).

Я сейчас не собираюсь устанавливать ни масштабы монгольской агрессии, ни степень влияния ордынского государства на нашу политическую культуру. Очевидно, что при желании можно одно преуменьшить, а другое преувеличить. Судя по историческим трудам, разные пристрастия авторов определяют, в конечном итоге, и разные выводы. Для меня очевидно то, что самодержавные тенденции в их чисто «азиатско-деспотическом» выражении просматриваются в русской истории еще до прихода монголов. Монголы, естественно, повлияли на этот процесс, но повлияли не в плане создания некой культурной преемственности, а в плане создания благоприятных условий для установления деспотизма со стороны некоторых отпрысков «божественного» рода.

Я бы особо обратил внимание на то, что самодержавный деспотизм не есть изобретение какой-то дремучей кочевой азиатчины. Некоторые западники договорились до того, что приписали монголом организацию на просторах Руси социалистической экономики, упразднение частной собственности, создание централизованной фискальной системы и тому подобные тоталитарные ужасы. На самом деле это есть характерные проявления любого деспотизма, независимо от места его происхождения.

В качестве наглядного примера можно вспомнить «Тайную историю» Прокопия Кесарийского, где он описывает деятельность императора Юстиниана и его жены Феодоры. Если верить его свидетельствам, Юстиниан в борьбе за абсолютную власть целенаправленно и активно прибирал к рукам чужую собственность, используя для этого самые разные предлоги (вплоть до обвинений в ереси или в гомосексуализме). Добрался он и до влиятельных и могущественных сенаторов, лишая их законных владений. Сюда же включался и невыносимый налоговый гнет, и торговля должностями, и бессмысленные государственные траты на безумные проекты, и заигрывания с варварами. Коррупция приняла невообразимые масштабы. Юстиниан за деньги создавал монополии, обдиравшие население. На местах власти учиняли поборы, отдавая часть награбленного императору. Кроме того, архонтам было запрещено самостоятельно заниматься судебными разбирательствами, и потому они длительную часть времени толпились во дворце. Еще один показательный момент: при Юстиниане, пишет Прокопий Кесарийский, был утвержден новый ритуал почитания императора – теперь высшим сановникам (включая сенаторов) надлежало падать ниц и лобызать ему ноги (то же надлежало делать и в отношении императрицы).

Спрашивается, кто надоумил Юстиниана завести у себя такие порядки? На монгольских ханов тут списать невозможно. Прокопий дает мистическое объяснение. По его убеждению, Юстиниан бы демоном во плоти, сознательно мучившим человеческий род. И не просто демоном – а самим предводителем демонов. Мать якобы зачала его от

невидимого духа, явившегося ей в ночи. По мнению Прокопия, доказательством демонической природы этого императора было то, что он практически не прикасался к пище, не спал по ночам и был падок до любовных утех. Его супруга Феодора также отличалась половой распущенностью и однажды, в молодые годы, ей было предсказано, будто он выйдет замуж за самого князя тьмы.

Так вот, рассуждая в том же духе, мы можем предположить, что однажды некий демон посетил одну из ветвей «божественного» рода Рюрика. Результатом стало острое желание почувствовать себя живым богом на земле, в окружении безропотных обожателей. Ведь точно также кто-то надоумил Александра Македонского стать мировым владыкой. И известно, что после завоевания Вавилона ему вздумалось ввести подобающий божественному статусу монарха обряд почитания, то есть чтобы подчиненные бросались ему в ноги. Правда, армейским командирам такая царская задумка оказалась совсем не по душе, и Александру пришлось с этим смириться. А ведь в противном случае, не останови его заранее, он бы так вошел во вкус, что совершенно уподобился бы восточному деспоту. Но армия, что называется, держала его в рамках, а у великого полководца, похоже, не было эффективных средств для психологического манипулирования подчиненными.

У русских же самодержцев подобная царская задумка воплотилась в полной мере. Я нисколько не сомневаюсь, что здесь была, скажем так, запущена «родовая» программа: один из «божественных» отпрысков прямо двинулся в указанном направлении, передав эстафету детям и внукам. В литературе уже высказывались предположения, что процесс был запущен одним из прославленных потомков Ярослава Мудрого — великим князем Владимирским Андреем Боголюбским. Считается, что именно он заложил ядро современного Российского государства. Причем случилось это еще до того, как Батый двинул на Русь свои полчища.

«Священная война»... со своим народом

Теперь самое время напомнить, какими средствами закладывалось упомянутое «ядро». Как мы знаем, Андрей Боголюбский добился больших почестей у Русской православной церкви, и в церковных кругах его именуют не иначе как «святым благоверным князем». В соответствии с этим священным ореолом интерпретируются и его конкретные деяния. Первым таким деянием еще молодого князя стала кража чудотворной иконы Богородицы из Вышгородского женского монастыря. Попутно он прибрал к рукам и меч святого мученика Бориса (без спроса, разумеется). Если бы подобный поступок совершил простой человек, его наверняка обвинили бы в преступлении и, наверное, подвергли бы суровому наказанию. Но поскольку в нашем случае кражу совершил будущий святой, в этом поступке узрели «промысел Божий». Факт «промысла», конечно же, был установлен, так сказать, задним числом. Я не знаю, может ли Божественная Десница направлять своих избранников к ограблению храмов и самовольному присвоению священных реликвий. Во всяком случае, в биографии отрока Варфоломея таких поступков не значится. Однако потомкам «божественного» рода, как видим, воровство дозволялось. И даже более того.

В 1169 году благоверный князь совершил свое самое впечатляющее историческое деяние: отправил на приступ Киева под предводительством своего сына Мстислава многочисленное войско, в состав которого, кроме суздальцев и смолян, входили еще и половцы (вот он — трогательный евразийский союз!). В течение двух дней русскую столицу сотрясали грабежи, пожары, погромы и резня мирного населения. Множество киевлян было угнано в плен. В довершение этого деяния, церкви и храмы подверглись нещадному разграблению. Печерский монастырь был подожжен. Награбленные ценности,

как считают некоторые историки, пошли потом на украшение владимирских церквей (похоже, наши православные князья служили разным богам?).

Меня, честно говоря, совсем не изумляют подобные факты нашей истории. Похожих злодеяний было полно и в западноевропейских странах. Меня изумляют «духовнопатриотические» интерпретации таких фактов. Когда перечисленные зверства и грабежи устраивают инородцы-католики или некрещеные варвары, то это становится поводом для праведного патриотического гнева. Этим гневом пропитаны все школьные учебники и популярные исторические книжки. Тема «многострадальной Руси», терзаемой на протяжении веков коварными и злыми ворогами, обыграна нашими патриотами со всех сторон и во всех жанрах. А вот относительно точно таких же зверств, учиненных «благоверными князьями» и их потомками в отношении своих же православных соотечественников, тон более сдержанный. Точнее – никаких эмоций (а иногда и никаких упоминаний). Здесь обычно превалируют глубокомысленные разъяснения то насчет политической необходимости (в прозаических вариантах), то насчет Божественного Провидения (в «духовных» вариантах). «Духовный» вариант особо показателен. Будто разграбление столицы было «заслуженным возмездием» за «грехи» киевлян, а в особенности – за «неправду» киевского митрополита. Как известно, князь Андрей добивался церковной автономии, и даже просил патриарха учредить отдельную митрополию. Киевский митрополит Константин был не особо расположен к самоуправству в церковных делах, и очень сурово обошелся с протеже князя Андрея – епископом Федором.

По мысли державных патриотов, «правда» непременно должна была быть на стороне благоверного князя. Если так, то разорение киевских храмов следовало бы трактовать как «борьбу за правду». Как эту мистическую логику применить к «поганому» Батыю, который семьдесят лет спустя устроил такое же насилие над «матерью городов русских», лично мне не понятно.

Еще сильнее озадачивает другой исторический эпизод. Разделавшись с Киевом, Андрей Боголюбский направил войска на Великий Новгород. Здесь в процесс опять вмешались (надо полагать) высшие силы, но совсем не так, как желал благоверный князь. Известно, что в своих военных предприятиях он полагался на силу чудотворных икон. Точнее — на заступничество Божией Матери, чей образ был запечатлен на иконе, самовольно присвоенной Андреем в Вышгородском монастыре. Но, как оказалось, у новгородцев тоже были чудотворные иконы. Как сообщают летописцы, Новгород был спасен от разграбления заступничеством Пресвятой Богородицы через икону «Знамение», с которой на городские стены взошел святой архиепископ Иоанн.

Такая вот парадоксальная ситуация: один святой обороняет город от другого святого. Обороняет как от злобного врага, как от «поганого» иноверца. При этом оба взывают к единому Образу, к единой Заступнице. Впрочем, хочу быть правильно понятым: сами события не содержат никаких парадоксов. Для тех времен это была обычная картинка. Возможно, новгородцы и суздальцы не ощущали себя единой нацией (в современном понимании слова). Возможно также, что и те, и другие считали себя более «правильными» христианами, чем их противники. А склонность обращаться перед битвой к высшим силам они по инерции переняли от своих языческих предков.

Парадокс содержится в наших оценках действующих персонажей. Почему властолюбивый агрессор и стяжатель, совместно с иноверцами убивавший своих соплеменников, грабивший церкви и жегший монастыри, добился таких высоких почестей? Не потому ли, что именно Андрей Боголюбский был первым, кто на практике

попытался реализовать самодержавные методы правления? Как известно, он пытался упразднить вечевые традиции, изгонял и притеснял именитых бояр, полагался на «служилых» людей, стремился к самостоятельности и в религиозных вопросах? Его властолюбие не осталось безнаказанным. За свое самоуправство он, собственно, и поплатился жизнью.

Но, как говорится, его пример не остался незамеченным. Совсем не случайно, что Андрея Боголюбского особо почитал Иван Грозный, повелевший ежегодно устраивать торжественные панихиды по благоверному князю. Как раз в годы правления Ивана Грозного Андрей Боголюбский был официально признан основоположником российского самодержавия. Позднее императрица Екатерина II даже написала в его честь стихи.

Этот пример наглядно показывает, что никогда в российской элите самодержавная власть не ассоциировалась с ордынскими ханами. Никогда царям не приходило в голову считать себя преемниками ордынцев. Нет ни одного источника, подтверждающего такое вот «евразийское» осмысление ситуации. Я еще раз утверждаю, что российское самодержавие имело свой собственный источник. Спустя триста лет после смерти Андрея Боголюбского московские властители шли тем же самым путем, использовали те же самые методы в борьбе за абсолютную власть. А ошеломляющий результат в виде создания тоталитарного государства объясняется не тем, что на них дурно повлиял пример Орды, а тем, что им удалось довести свое дело до конца, до логического завершения. Ордынцы, конечно, в определенной мере посодействовали их успеху, но не они, образно говоря, «совратили» великих московских князей, не они привили им страсть к деспотизму и жестокому обращению с соотечественниками.

Как я уже говорил ранее, Иван III недвусмысленно объяснил новгородцам, что намерен вернуть их земли в свою «законную» собственность, чтобы распоряжаться ими полноправно и неподсудно. Подчеркиваю, никаких других мотивов больше не декларировалось. Все остальное: о «предательстве» жителей Новгорода, об их измене православию и прочей «неправде» - есть лишь идеологическое оправдание расправы над соплеменниками. «Ибо хотя и христианами назывались они, по делам своим были хуже неверных» - пишет автор «Московской повести». Ниже он совершенно бесстрастно описывает эту карательную операцию по «вразумлению» новгородцев: «Братья же великого князя все со многими людьми, каждый из своей вотчины, пошли разными дорогами к Новгороду, пленяя, и пожигая, и людей в полон уводя; так же и князя великого воеводы то же творили, каждый там, на какое место был послан. Ранее посланные же воеводы великого князя, князь Данило Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович, идя по новгородским пределам, где им приказано было, распустили воинов своих в разные стороны жечь, и пленить, и в полон вести, и казнить без милости жителей за их неповиновение своему государю великому князю. Когда же дошли воеводы те до Руссы, захватили и пожгли они город; захватив полон и спалив все вокруг, направились к Новгороду, к реке Шелони».

Новгородская «Повесть» вносит некоторые уточнения: «И взяли сначала Старую Руссу и святые церкви пожгли, и всю Старую Руссу выжгли, и пошли на Шелонь, воюя; псковичи же князю помогали и много зла новгородским землям нанесли». На стороне великого князя, как выясняется из этого источника, были не только псковичи: «И начали они биться, и погнали новгородцы москвичей за Шелонь-реку, но ударил на новгородцев засадный татарский полк, и погибло новгородцев много, а иные побежали, а других похватали, а прочих в плен увели и много зла причинили».

Вообще, как показывает история, «православная миссия» совсем не мешала «собирателям Руси» водить дружбу с «погаными», особенно в таких делах, как разорение славянских земель. О дружбе Ивана III с крымским ханом Менгли-Гиреем хорошо известно. Также хорошо известно, что по договору со своим московским коллегой Менгли-Гирей в 1482 году совершил опустошительный набег на Украину, бывшую в составе Литвы (для тех, кто не знает, тогдашними «литовцами» были славяне, говорившие по-русски, – предки нынешних белорусов). Как повествует летописец: «по слову великого князя Московского Ивана Васильевича всея Руси прийде Менгли-Гирей, царь Крымский Перекопьскии Орда, со всею силою своею на королеву державу и град Киев взя и огнем сожже, а воеводу Киевского пана Ивашка Хотковича изымал, а оного полону безчислено взя; и землю Киевскую учишша пусту» (Никоновская летопись).

В общем, в «святой» борьбе за православную державу великий князь Московии тоже не брезгует помощью нехристей. Андрей Боголюбский, как мы помним, привлекал к таким делам половцев. Его московский последователь Иван III, якобы освободивший Русь от ордынского ига, позволяет степнякам резать своих соплеменников и единоверцев. Полагаю, что при «собирании Руси» помощь татарских полков значила куда больше, чем молитвы в адрес Богородицы и святых угодников. Новгородцы, судя по всему, тоже прибегали к молитвам, однако отсутствие в их распоряжении такой эффективной ударной силы, как татарские полки, обрекло их на поражение. Оказавшись в безвыходном положении, они пошли на поклон к великому князю.

Впрочем, карающая длань русских самодержцев на том не остановилась. Следующее впечатляющее «вразумление» новгородцев произошло при Иване Грозном. Приведем свидетельство Генриха Штадена: «Каждый день он [Иван Грозный – О.Н.] поднимался и переезжал в другой монастырь, где снова давал простор своему озорству. Он приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне города было до 300, и ни один из них не был пощажен. Потом начали грабить город. По утрам, когда великий князь подъезжал из лагеря к городу, ему навстречу выезжал начальник города, и великий князь узнавал таким образом, что происходило в городе за ночь. Целых шесть недель без перерыва длились ужас и несчастье в этом городе! Все лавки и палатки, в которых можно было предполагать наличность денег или товару, были опечатаны. Великий князь неизменно каждый день лично бывал в застенке. Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увести с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался вытащить что-либо из воды, того вешали».

Русское поле социальных экспериментов

Лично у меня нет причин ставить под сомнение свидетельство бывшего опричника. В принципе, в те времена борьба монарха за абсолютную власть была тождественна борьбе за собственность. А в таких делах всякие отвлеченные идейные мотивы были даже излишними. По существу, весь державный патриотизм на практике выражался исключительно в поддержке обожествленного самодержца в его стремлении прибрать к своим рукам самые лакомые куски собственности. Надо понимать, что масштаб личной власти прямо пропорционален объему материальных ресурсов, находящихся в полном распоряжении самодержца. Захват всей собственности в стране — неизбежная логика становления автократии, ее подлинное «физическое» выражение.

Нельзя быть абсолютным деспотом, оставляя за подданными право на экономическую самостоятельность. Для этого необходимо лишить их собственности, либо сделать

владение ею условным, зависящим от воли самодержца — единственного хозяина и собственника. Чем полнее соблюдается данное условие, тем чище выражен принцип самодержавия. Такова идеальная формула автократического правления, претворяемая в жизнь совершенно одинаковыми методами, где бы то ни было — хоть в Европе, хоть в Азии. Вопрос лишь в том, насколько позволяют реальные обстоятельства довести это дело до конца, до логического завершения.

Иван Грозный в этом деле преуспел лучше всех. Шел он к своей цели прямо, и действовал без всяких оговорок. Пополнял столичную казну (а по сути – свои же личные закрома) за счет карательных рейдов и открытого грабежа, присваивал имения опальных бояр. В общем – стандартный «самодержавный» набор действий. Здесь московский деспот ничем не уступал ни императору Юстиниану, ни западноевропейским коронованным особам того же периода. Разница только в том, что у Ивана Грозного объективно было больше возможностей. Чем он и воспользовался. Но, подчеркиваю, видеть здесь влияние каких-то там ордынских политических практик тут совершенно излишне.

Как мы упоминали, Иван Грозный с пиететом относился к благоверному князю Андрею Боголюбскому, и даже установил его официальный культ. Именно по его стопам и шли грозные московские самодержцы, просто зайдя на этом пути намного дальше своего канонизированного предшественника. Были бы рядом ордынцы, не было бы ордынцев — суть «родовой программы» амбициозных отпрысков «божественного» Рюрика вряд ли бы претерпела изменения. Кровавые эксцессы самодержавного правления коренятся в самом самодержавии, доведенном до логического конца, когда безудержная воля к власти не находит серьезных препятствий и ограничений.

Еще раз специально уточню: идея автократии — это своего рода интернациональное «достояние». Ее нельзя приписывать какому-то отдельному народу, отдельной культуре. Она пришла из глубины времен, и время от времени посещала сознание тех или иных владык. Я бы даже сказал, что она была очень большим искушением для земных правителей, желавших буквально уподобиться Богу. Реализовать это желание удавалось не каждому венценосцу. Здесь уже все зависело от обстоятельств. На Руси, как мы отметили, обстоятельства для реализации такого желания сложились в то время наилучшим образом. Если Андрея Боголюбского видные бояре смогли остановить, то с великими князьями Московии такой номер у бояр не прошел. Перед московскими самодержцами многие именитые люди почему-то смиренно склонили головы. Причем, еще до опричнины Ивана Грозного.

Возникает закономерный вопрос: откуда в русском обществе возникло такое смирение перед произволом царствующих особ? И почему это произошло именно на северовостоке, в Московии?

Глава V БРЕМЯ «ЗЕМНОГО БОГА»

Безответная любовь к тирану

В замечательном фильме Френсиса Форда Копполы «Апокалипсис сегодня» есть такой эпизод: американский офицер, рассказывая герою Мартина Шина о безумном полковнике Курце, изрекает такую сентенцию: «Понимаете, когда слишком долго живешь среди дикарей, очень легко возомнить себя Господом-Богом». Напомним сюжет. Полковник Курц в непроходимых джунглях недалеко от Камбоджи создает среди туземцев свой «земной рай», где он определил себе место земного божества. В общем, знакомая ситуация. В этот «рай» трудно попасть, но еще труднее — выбраться оттуда. Главный герой, претерпев страдания, убивает полковника, после чего в глазах туземцев сам становится земным божеством. Те падают перед ним ниц.

На мой взгляд, этот фильм посвящен не столько вьетнамской войне, сколько философскому вопросу о природе власти. В своем творчестве Коппола последовательно раскрывает данную тему, обыгрывая один и тот же универсальный архетип – архетип самодержца, автократора, неограниченного такими «условностями» современной цивилизации, как закон и нормы морали. Мы видим последовательное раскрытие единого, в сущности, образа: вначале крестный отец, потом безумный полковник и далее – князь тьмы Дракула. Все три фильма об одном и том же: столкновение «профанической» реальности, человеческого измерения с глубинами инобытия, со сферой иррационального, запредельного, потустороннего.

К чему я опять пустился в эту философию? В своих откровенных проявлениях самодержавная власть опирается исключительно на иррациональную стихию, на сильные неуправляемые эмоции людей, готовых совершенно добровольно подчинить себя воле правителя, не согласуя эту волю со своими собственными интересами. Автократия никогда не опиралась на прагматизм и здравый смысл народа. Наоборот, чем больше у людей здравого смысла, чем четче они понимают свои интересы, тем меньше шансов сделать из них послушное и безропотное стадо. Одного насилия здесь совсем не достаточно. Необходимо массовое добровольное признание монарха, в том числе и признание за ним права на неограниченное применение силы в отношении подданных. Из здравого смысла такой авторитет не возникает.

Пример такой власти в ее чистом виде нам дают упоминавшиеся тоталитарные секты. В случае с автократиями работает тот же механизм, только в более широком масштабе. Устрашения силою здесь недостаточно. Такая власть изначально строится на добровольном и безусловном самоотречении определенного числа людей, готовых принести в жертву себя и свои интересы во имя «земного бога». Уж коль мы не удивляемся сектантскому религиозному фанатизму, то нет ничего удивительного и в слепом почитании обожествленных властвующих персон. Насилия и жестокости, чинимые властью, воспринимаются людьми, находящимися в состоянии религиозного исступления совершенно иначе, нежели в состоянии холодной рассудительности. Правитель, лишенный божественного ореола, может своим жестоким поведением вызвать у подданных страх и ужас, но этот страх перерастает с их стороны в ненависть и отвращение. Однако если на правителя смотрят как на живое божество, то страх, вызванный его жестокостью, перерастает в священный трепет, а трепет перерастает в смирение.

Вспомним, как жители Пенджаба преклонялись перед генералом Николсоном: чем суровее он с ними обращался, тем сильнее росло их благоговение. Насилие в чистом виде не порождает таких эмоций. Не надо искать здесь какой-либо «стокгольмский синдром». Религиозное благоговение появляется раньше. Насилие дополнительно обостряет это чувство, но не является его причиной. И лишь по мере того, как исступление проходит, воодушевление сглаживается, религиозные эмоции успокаиваются, народ начинает постепенно видеть вместо «бога» заурядного тирана. Но так происходит не сразу, и не у всех одновременно.

Мы не можем сейчас обсуждать природу самого религиозного исступления, по какой причине оно возникает, из-за чего усиливается, почему спадает. Мы можем только констатировать данное явление, примеров которому и в мировой истории, и в современном мире — великое множество. Главное, необходимо понять связь между религиозным исступлением и возникновением автократии.

Вернемся к российским самодержцам. Почему предприятие Андрея Боголюбского потерпело провал, почему бояре подняли на него руку? Не потому ли, что в глазах своего окружения он не смог стать живым божеством? То есть, при всех своих самодержавных амбициях, на него смотрели как на великого князя, наделенного какими-то полномочиями, и не более того. Поэтому его претензии на всевластие не получили должной поддержки, а чинимое им насилие воспринималось как банальная тирания и вызывало ненависть.

Однако триста лет спустя схожее поведение московских правителей воспринималось уже иначе. Зверства, совершаемые Иваном III или его внуком Иваном Грозным, вызывали в русских людях больше священного трепета, нежели ненависти. Русь покорилась тиранам не из-за страха перед насилием с их стороны, а исключительно из-за признания за ними прав на такое насилие. Жестокость деспотического режима в отношении подданных не есть причина их лояльности. Причина лояльности – в нравственном или «идейном» оправдании этой жестокости.

Хочу специально подчеркнуть: тирании подобного рода никогда не опираются на беспринципных подлецов. Подлецы — это лишь главные выгодаполучатели, из-за которых в конечном итоге деспотическая система власти идет вразнос. Главная опора тирании — это как раз бескорыстные жертвователи, доноры системы, в чьих глазах тирания обретает священный ореол. И до тех пор, пока они смотрят на деспота как на божество (а не как на человека, пусть даже с высоким статусом), режим будет держаться непоколебимо.

Свет во тьме

Мы не будем сейчас углубляться в психологию данного процесса. Мы можем только констатировать, что к концу XV столетия в сознании и общем эмоциональном настрое русских людей произошли некоторые серьезные сдвиги в сравнении с временами, предшествующими монгольскому нашествию. Я не исключаю того факта, что постоянные набеги ордынцев, всякого рода карательные акции, бесконечные «разборки» между князьями, постоянные унижения способствовали усилению нервозности в обществе, что, конечно же, делало его внушаемым и падким на всевозможные химеры. Иначе говоря, ордынцы косвенно содействовали становления российской автократии. В то же время надо учитывать (на что обращают внимание некоторые историки) тот факт, что самодержавный проект с самого начала, еще до пришествия монголов, попытались реализовать не где-нибудь, а на северо-востоке Руси, где население, скажем так, не отличалось особой просвещенностью (в отличие от жителей Киева или Великого

Новгорода). Среди дикарей, как было отмечено выше, цивилизованному (пусть относительно) человеку очень легко возомнить себя Господом-Богом. И не просто возомнить – но и внушить дикарям мысль о своей божественной природе, нагнать на них священный трепет.

В развитие сказанного обратим внимание на один эпизод из истории Киевской Руси, который почему-то до сих пор не получил в нашей литературе должной трактовки. Речь идет о так называемых «восстаниях волхвов», дважды происходивших в течение XI столетия. Первый раз восстание произошло в 1024 году, при Ярославе Мудром: «В тот же год восстали волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: "Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает, за что"».

Обратим внимание: восстание волхвов с избиением «старшей чади» происходит в Суздале. Расправа над людьми совершается из-за каких-то языческих предрассудков. Однако русский князь не разделяет этих суеверий, а проблема решается чисто рационально: в Суздаль подвозится хлеб.

Следующая попытка волхвов поднять восстание происходит спустя 47 лет, в 1071 году: «Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что "мы знаем, кто запасы держит". И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та - мед, а та - рыбу, а та - меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей 300».

Расправу над знатными женами прекращает крещеный воевода Янь Вышатич. В тексте приводится его диалог с волхвами о природе человека. Волхвы показывают себя дуалистами, на манер богомилов или манихеев. Что касается воеводы, то он выдвигает рациональные аргументы против метода выявления виновных, практикуемого волхвами: «Поистине ложь это; сотворил Бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только Бог знает».

Обратим внимание на то, что волхвы не только вызывают у людей суеверный страх, не только осуществляют суд и расправу, но и забирали себе имущество убиенных. И происходят эти безобразия, как и в первом случае, опять на окраинах тогдашней Руси. Хотя, судя по летописи, баламутить народ волхвы пытались и в Киеве: «В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря ему: "Бес тобою играет на погибель тебе". Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести».

Новгород тоже не оставался в стороне: «Такой волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: "Предвижу все" и, хуля веру христианскую, уверял, что "перейду по Волхову перед всем народом". И была смута в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: "Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует Богу, пусть ко кресту идет". И разделились люди

надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: "Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?". Тот ответил: "Знаю все". И сказал Глеб: "А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?" - "Чудеса великие сотворю", - сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись».

Итак, обратим внимание, что русские князья и воеводы, в отличие от невежд из простонародья, не склонны поддаваться суевериям. Волхвы для них — шарлатаны и обманщики. В их проклятия и способность к предсказанию они не верят и надсмехаются над ними. Показателен случай с убийством новгородского волхва. Глеб недаром расспрашивает того, как он оценивает свои собственные ближайшие перспективы. Волхв обещает сотворить великие чудеса. Князь же, убив его, тем самым совершил разоблачение: прорицатель-то «не настоящий». Действительно, если бы кудесник мог предвидеть будущее, наверное, он был бы в состоянии предсказать и свою смерть.

Приведенные примеры показывают, что Русь в то время находилась в управлении людей достаточно просвещенных и рациональных. Поэтому далеко не случайно, что в крупных русских городах, где не без помощи князей утверждается светский (по тем временам) взгляд на мир, пропаганда волхвов не имеет успеха, в отличие от непросвещенных окраин.

Естественно, летописцы связывают такое поведение князей с принятием православия. Хотя не исключено и обратное: обращение к православию как-то связано с психологическим неприятием языческих суеверий, разносимых и поддерживаемых в обществе целой когортой кудесников, магов и чародеев, коих на Руси, несомненно, было в ту пору великое множество.

Отметим, что в раннем средневековье христианство, впитавшее некоторые элементы интеллектуальной культуры греко-римского мира, по отношению к варварским народам действительно выполняло просветительские функции. В означенный период с суевериями по мере возможности боролись практически во всей христианской Европе. Русские князья в данном вопросе мало чем отличались от современных им западноевропейских монархов. Христианское учение было хорошим подспорьем для земных владык при покорении новых территорий, населенных народами, чуждыми всякой учености. Причем процесс этот начался еще в римскую эпоху, при покорении Галлии и Британии, еще до появления христианства. Здесь, скорее всего, мы имеем дело не столько со столкновением разных религиозных традиций, сколько с разными по духу цивилизациями. С одной стороны, дух греко-римского рационализма, с другой — дух слепого преклонения перед невидимыми силами.

Воины против магов

В истории Европы, как я уже сказал, данная коллизия проявилась при завоевании римлянами территорий кельтов, затем, уже в раннем средневековье — при насаждении христианства среди западных славян, литовцев, пруссов, саксонцев. Далее этот процесс продолжился во время колонизации европейцами других континентов. Причем сам импульс берет начало в греко-римской рационалистической традиции, враждебной по отношению к тому, что принято называть варварством и суеверием.

Сохранились впечатляющие описания того, как римские полководцы (заметим, еще не принявшие христианства) уничтожали кельтские капища. В 61 году управлявший

Британией Светоний Паулин отправил войска на остров Мону, где находилось главное святилище друидов. Остров был завоеван, капища разрушены, священные рощи вырублены. Примечательным является то обстоятельство, что друиды полагались на поддержку богов - в чем они были абсолютно уверены, якобы получив благоприятные предзнаменования. Увидев надвигающегося на остров неприятеля, друиды стали посылать в адрес римлян проклятия, вводя тем самым своих суеверных соплеменников в состояние религиозного исступления. Но на римских командиров эти заклинания серьезного впечатления не произвели, и они приказали солдатам атаковать.

В данном случае нельзя не увидеть сходства между поведением римских командиров, выступивших против авторитета друидов, и поведением русских князей, отринувших авторитет волхвов. Для мировой истории случай не уникальный. Прецеденты, когда земные правители поднимали руку на носителей магической власти, имели место в разные времена и у разных народов. Фрезер в «Золотой ветви» приводит пример, когда эфиопский царь Эргомен, получивший греческое воспитание, с отрядом солдат уничтожил жрецов в Золотом храме. Так было покончено с практикой, когда цари Эфиопии добровольно расставались с жизнью по приказу служителей храма. Норвежские конунги, как повествуют саги, испытывали ненависть к колдунам и запрещали своим потомкам общаться с ними. Когда Харальд Прекрасноволосый узнал, что один из его сыновей – Рёгнвальд Прямоногий – обучился ведовству и сам стал колдуном, он послал к нему Эйрика Кровавая Секира, своего любимого сына, чтобы тот положил этому конец. Эйрик с честью выполнил веление отца: «Он сжег Рёгнвальда, своего брата, в его доме и с ним восемьдесят колдунов. Его очень хвалили за этот подвиг».

Надо отметить, что в старину обожествленные цари от старости обычно не умирали: их жизнь обрывалась насильственно в силу чисто магических представлений. Как мы понимаем, эти представления навязывали обществу служители культа, которые часто по совместительству слыли еще великими магами и хранителями тайных знаний. Правители, пытаясь покончить с этой практикой, вынуждены были вступить в конфликт с жреческой или колдовской корпорацией, лишив носителей «сокровенных» знаний не только безусловного авторитета, но и всяческих судебных полномочий, в том числе и в отношении своих собственных персон. Данный конфликт, разумеется, неизбежно вел к десакрализации власти, когда правителя должны были оценивать исключительно по человеческим меркам.

Пример норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого в этом плане весьма показателен. Можно сказать, что социальные условия в Скандинавии, как это некогда было в Элладе и Риме, способствовали выработке чисто светского взгляда на мир. Началось все, как мы понимаем, с правящей верхушки. Скандинавским правителям приходилось действовать в обществе, в какой-то мере рационально организованном в силу исторически сложившихся экономических и правовых отношений. То есть не среди «дикарей», а среди людей, в достаточной мере рассудительных и практичных. Таким людям трудно было внушить возвышенные мистические иллюзии. С ними приходилось договариваться, что создавало почву для политической рациональности.

Как мы знаем, главным сословием, главной экономической опорой Швеции и Норвегии были свободные землевладельцы — бонды. Это люди, не знавшие угнетения, свободно распоряжавшиеся собственностью, руководствующиеся личными интересами, а потому наделенные трезвой хозяйственной логикой. Бонды без всякого внешнего принуждения были способны к самоорганизации и самоуправлению. В «добром царе» они не нуждались, а потому признать над собой верховную власть они могли только, так сказать, на взаимовыгодных условиях. И конунгам приходилось с этим считаться.

Вот как Олав Святой добивался своего права быть конунгом Норвегии: «Он говорил долго и красноречиво и в заключение предложил бондам выбирать: сделаться его людьми, подчиниться ему или биться с ним. Бонды вернулись к своему войску, рассказали обо всем и стали совещаться о том, что им следует предпринять. Посовещавшись между собой некоторое время, они решили подчиниться конунгу и скрепили свое обещание клятвами» (XL). Как видим, здесь выстраиваются чисто договорные отношения между властью и обществом, а агрессивность конунгов сдерживается обычным политическим прагматизмом. Какой бы властью они ни обладали, она в любом случае была обусловлена определенными обязательствами перед своими подданными.

По отношению к другим европейским странам Скандинавия в те времена была тем же, чем Соединенные Штаты были для Европы в новой истории. Скандинавские страны, надо сказать, не знали этнического многообразия, смешения культур и обычаев, а главное — они не знали того чудовищного социального расслоения, что установилось в феодальной Европе. Попытки навязать феодализм в Норвегии или Швеции были обречены на провал: в странах со столь суровым климатом материальное благополучие общества и успех самих конунгов напрямую зависели от свободного труда крепких хозяйственников. Лишить бондов их прав, лишить их заинтересованности в собственном труде означало лишить государственную власть экономической базы. Просто некому было бы строить замечательные корабли, шить одежду и паруса, ковать оружие и доспехи, снабжать войска провиантом. Да и некому было бы рожать детей в таких количествах, растить их сильными и здоровыми, чтобы собирать отряды для военных походов. Превратить свободных тружеников и владельцев земли в крепостных, как это происходило во Франции и в Англии, было равнозначно тому, чтобы подорвать источник жизнеобеспечения: общество быстро пошло бы путем одичания.

В странах, где каждый кусочек земли приходилось отвоевывать у дикой природы, где требовалось недюжинное упорство, чтобы вырастить нормальный урожай, феодальный грабеж населения моментально породил бы волну эмиграции, когда самые упорные и трудолюбивые отправились бы на поиски новых земель, а вместо них остались бы только наименее надежные, непригодные ни к труду, ни к ратным подвигам. Поэтому конунгам, невзирая на то, что их честолюбие нередко оплачивалось человеческими жизнями, приходилось считаться с интересами бондов. Им хватало здравомыслия, чтобы не переступать через край ради зыбких химер.

Несмотря на буйный и неистовый характер, скандинавские конунги, борясь за авторитарную власть, все же обладали рассудительностью толковых политиков, обладающих незаурядной выдержкой, когда дело касалось государственных вопросов. На это косвенно намекают некоторые фрагменты саг. Весьма красноречив один пассаж, характеризующий облик пожилого Харальда Прекрасноволосого: «...обычаем у него было, когда он почувствует ярость или его охватит гнев, сдержать себя, дать гневу улечься и рассмотреть дело спокойно» (XXXVIII). Их отношения с бондами выстраивались достаточно рационально. По крайней мере конунги не требовали от подданных воспринимать себя как богов, не требовали ритуального поклонения, падения ниц пред августейшими особами или чего-либо подобного, так часто встречающегося в традиционных культурах. Их агрессивность и ярость имели свои пределы, диктуемые политическим прагматизмом.

Чисто земные отношения

Нужно особенно подчеркнуть этот момент: там, где имеет значение личный интерес, совмещенный с повседневным трудом и свободным обладанием собственностью, где нажитое состояние передается по наследству, там очень зыбкая почва для массовой одержимости и всевозможных помешательств на почве сомнительных проповедей. Крепкий хозяйственник по природе своей рационалист и скептик. Разумеется, религиозная традиция, непонятно как и кем установленная, давала о себе знать, но ее инерция была слабой. Народы Скандинавии, как и другие народы Европы, тоже верили в магическую силу своих правителей, тоже приносили жертвы, в том числе и человеческие, нередко доверяли гадалкам и прорицателям, верили в приметы, но у них был очень важный ограничитель, своеобразный иммунитет от мистической психопатии — все та же хозяйственная рациональность, возникшая на почве свободного распоряжения собственностью. Этот ограничитель действовал не хуже любого оберега и до принятия христианства служил главной защитой от чрезмерных увлечений магией и мистицизмом, а стало быть, и защитой от власти агрессивных маньяков и безумных проповедников.

Нечто подобное мы наблюдаем у греков и римлян в известный исторический период. Но та же тенденция, надо полагать, с определенного времени охватила и германские народы, а потом перешла и на славян. Что-то подобное предпринималось со стороны кельтской знати, выступавшей против авторитета друидов. Но здесь, похоже, не обошлось без влияния Рима.

Подчеркиваю, что указанная тенденция наметилась еще до возникновения христианства. И нельзя сказать, что именно крещение вынуждало светских правителей поднимать руку на древнюю языческую традицию и ее непосредственных носителей. «Язычество», в данном случае, термин отвлеченный. Римляне тоже были «язычниками», хотя с воодушевлением разрушали друидические капища. Мало того, римские авторы еще и с отвращением описывают изуверские культовые практики кельтов. Иначе говоря, и без принятия христианства можно испытывать негативные чувства к религиозным культам варварских народов. Христианство, надо полагать, давало дополнительный (и весьма весомый аргумент) в пользу искоренения архаических обычаев.

Поэтому борьбу европейских правителей с пережитками прошлого уместно вписывать именно в контекст борьбы за десакрализацию власти. То же самое мы можем увидеть и в действиях русских князей, расправлявшихся с волхвами. У норманистов, конечно же, может возникнуть искушение связать такие действия с «варяжской» составляющей наших древних правителей. Однако в тот же период аналогичное поведение наблюдалось у польских и чешских князей, точно так же, с тем же рвением искоренявших древние обычаи вместе с их носителями

Правители, пренебрежительно относящиеся к колдовству и ко всяким магическим манипуляциям, могли полагаться только на физическую силу и соответствующим образом устанавливали свою власть. В случае деспотизма с их стороны противодействие могло быть аналогичным, то есть народ воспринимал таких поработителей именно как поработителей, не питая ни малейших иллюзий относительно характера их власти. Иначе говоря, подданные в такой ситуации тоже не испытывали по отношению к власти никакого священного трепета и при малейшей возможности готовы были на силу ответить тем же. Именно так создавалась почва для взаимных договоренностей между правителями и подчиненными, поскольку конфронтация не могла продолжаться вечно. Рано или поздно возникал вынужденный компромисс, на который шла сама власть. В итоге устанавливались правила взаимоотношений между властью и обществом, что находило

свое отражение в законах. Это происходило не сразу, но социально-политическая ситуация развивалась таким образом, что другого выбора не было. Другой выбор — это массированное воздействие на общественное сознание, давление на психику подчиненных, переворачивание всего с ног на голову, когда угнетатель становился в глазах народа благодетелем. Именно так происходило дело во многих традиционных культурах, где жестокость представителей власти только лишний раз убеждала народ в их божественном происхождении. Но именно от таких практик начинали отказываться в некоторых европейских странах.

Чем объяснить этот «революционный» поворот со стороны земных владык? Был ли тут дополнительный личный мотив? Скорее всего, поворот во многом диктовался обычным человеческим здравомыслием и рассудительностью. На обожествленных правителей, как была сказано, возлагаются весьма обременительные «священные» обязательства, кои простому смертному явно не под силу. Он вынужден совершать некие чудеса, отвечать за погоду, за урожайность, за удачи (именно удачи) на войне, отвращать прочие опасности. Только так, собственно, и проверяются его сверхъестественные способности (точнее то, что священному владыке приписывается по статусу).

Понятно, что если у правителя все в порядке с головой, если он не маньяк, не псих, если он сам не поддался иллюзии насчет своей необыкновенной сущности, то он так или иначе попытается снять с себя хотя бы часть «божественной» ответственности. И дело даже не в том, что стоящие на страже «священной» традиции всякие маги, жрецы, волхвы и прорицатели в какую-нибудь лихую годину могут призвать правителя принести самого себя в жертву богам. Совсем не исключено, что волхвы, истязавшие «старшую чадь» во время неурожая, в более ранние времена подбирались со своей расправой и к более значимым фигурам, и возбуждали против них народ. Согласно сагам, уже в исторические времена шведские крестьяне во время неурожаев готовы были отправлять на тот свет конунгов, считая (по старой традиции) именно их ответственными за голод. Такую ответственность возложили на себя сами основатели священной династии Инглингов, коих считали живыми богами, влияющими на плодородие. Но, как я уже показал, в Скандинавии конунги решили покончить с этими предрассудками. А голод они объясняли вполне рационально, ссылаясь на недостаток земельных ресурсов. Надо полагать, на Руси было что-то похожее. Но, еще раз повторю, даже и без этой практики священный ореол мог дорого стоить земному владыке. И правитель, находясь в здравом уме, прекрасно давал себе в том отчет.

Представьте себе чувства монарха, «исцеляющего» больных прикосновением руки. Ведь здравомыслящий венценосец прекрасно осознает реальную цену подобных «чудес». Долго ли может продолжаться такой спектакль? Много ли в стране найдется невменяемых, способных поверить в факт чудесного исцеления? А ведь еще эти несчастные связывают с волей правителя и иные блага, которых он им на практике гарантировать, конечно же, не может в силу естественных причин. А если вдруг чудесного исцеления не получилось, да еще произошла чума или иная напасть? Что тогда? Ведь священный трепет в народе вмиг может смениться неожиданным открытием: «А царь-то – не настоящий!». Обычно для таких случаев у обожествленных особ был достаточно надежный запасной вариант — перенос вины на другое лицо. Скажем, чума произошла оттого, что в страну прибыли «нечистые» инородцы, коих надлежит немедленно уничтожить. Или кто-то из ближайшего окружения монарха занимался каким-то непотребством, из-за чего высшие силы разгневались. Но бесконечно действовать таким путем тоже было невозможно. Сколько ни переключай внимание на кого-то, авторитет священного правителя начинает снижаться. И в самом деле, если его божественный дар

постоянно пасует перед какой-то пришлой нечистью, то где гарантии, что высшие силы – на его стороне?

Их сказанного следует, что претензия на священный статус требует от властителя невероятного психического напряжения. Необходимо постоянно поддерживать в обществе иллюзию своих особых качеств. Конечно, над этой задачей трудится целая когорта «специалистов», но надо иметь в виду, что обаять народ довольно сложно, если августейшая особа исполнена скепсиса в отношении себя самой, точнее — в отношении своих сверхъестественных возможностей. В общем, обожествляемый правитель сам должен находиться в состоянии некоторого исступления и хотя бы частично быть в плену указанной иллюзии. Иначе никакого массового воодушевления не получится.

Я совершенно уверен, что даже откровенные мошенники, водящие за нос простодушных поклонников, имеют о себе высокое мнение, считают себя, скажем так, не совсем обычными людьми. А уж если кто-то желает, чтобы перед ним падали ниц целые народы, то тут самомнение выходит далеко за рамки здравой рассудительности. На каком-то этапе своей жизни такой человек вдруг осознает, что он «гений» или носитель какого-то «божественного начала», убеждает себя в том (или его кто-то убеждает) и страстно желает, чтобы люди это признали. То, что здесь мы имеем дело с маниакальным состоянием психики, несомненно.

Желание побыть Господом-Богом

Данное обстоятельство необходимо иметь в виду, поскольку при становлении тоталитарных систем психоз охватывает не только простых людей, но и тех, кому они поклоняются. Здесь иррациональная стихия, подобно урагану, действует одновременно с двух сторон – и «снизу», и «сверху». И лично мне не понятно, откуда идет первоначальный импульс. Карл Юнг считал, что харизматический лидер персонифицирует некие бессознательные позывы народа. Будто бы люди проецируют на него определенные «архетипы» (в юнгианском понимании). По Юнгу, ситуация, возникшая в нацистской Германии, развивалась с фатальной неизбежностью. Дескать, в глубинах коллективного бессознательного немецкой нации пробудились вот эти самые «архетипы», народ завелся, и тут ему подвернулся Гитлер, с коим немцы связали свои надежды на светлое будущее. Не до конца понятно только, почему именно Гитлеру выпала такая ответственная роль? Почему «архетип» не спроецировался, например, на Гинденбурга? Не потому ли, что Гинденбург и не мечтал о такой роли, и в число мистических «спасителей» нации себя не включал? А вот с Гитлером было все подругому. Он еще с юных лет мнил себя посланником высших сил и страстно стремился к всенародному признанию. Короче говоря, психическое состояние вождя так или иначе влияет на ситуацию, и я бы не переоценивал фатальность данного процесса. Можно многое списать на коллективное бессознательное, но есть конкретные персоны, которые осмысленно задают народной стихии определенный вектор.

Теперь спроецируем указанный принцип на русскую историю. Что у нас получается? В Киевской Руси на определенном этапе правители начинают утверждать некоторые принципы рациональности. Можно, при желании, назвать это эпохой христианского просвещения. В XI веке это отчетливо выражалась в борьбе с волхвами, выступавшими, судя по летописям, защитниками старых магических взглядов на мир, когда человеку могли поставить в вину неблагоприятное природное явление. Нет никаких сомнений, что здесь мы имеем дело со старыми языческими практиками. Вспомним еще раз, что когда-то и шведских конунгов пытались во время неурожая принести в жертву. Правда, среди

возмущенных не было влиятельных фигур, способных поднять восстание. Наверное, именно потому, что сами конунги заблаговременно позаботились о том, чтобы такие «духовные» авторитеты в обществе не появлялись. На Руси, надо полагать, была похожая ситуация. И древние правители здесь, скорее всего, также «отвечали» за урожайность. То есть объявлялись «священными» владыками. Не исключено, что в практике этих владык бывали случаи, когда за капризы природы ответственность несли не они, а некие «вредители» из числа заметных людей. С ними-то и устраивали расправу.

В XI веке в Ростово-Суздальских землях, судя по всему, в народе такие представления были достаточно сильны. Мало того, эта практика активно поддерживалась теми, кого летопись именует волхвами. И если в столице их авторитет был уже не значителен, то на окраинах они пользовались достаточным влиянием, чтобы учинить массовые расправы. Князья, как мы видим, пытались покончить с этой практикой, выдвигая против нее вполне рациональные аргументы. Вспомним слова Ярослава Мудрого: «Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает, за что». И надо отметить, что с волхвами расправляются не как с конкурентами за души верующих. То есть в действиях князей не было каких-либо сугубо миссионерских мотивов. Речь шла именно об утверждении более рационального, более просвещенного взгляда на мир, где старым суевериям и предрассудками не было места. Подтверждением сказанному является то, что чуть позже, в XII – XIII веках княжеская власть выступает уже против расправ над волхвами, которых на сей раз простой народ, со своей стороны, начинает обвинять в природных неурядицах. Собственно, не имело значения, кого в каждом конкретном случае объявляли «вредителем». Главное, что князей не устраивал сам пережиток. И это очень важно. Ибо в данном случае был отчетливо обозначен курс на десакрализацию самой власти (отразившийся, в частности, в появлении кодифицированного права – «Русской правды»).

И вот во второй половине XII века великий князь Андрей Боголюбский, особо полюбивший именно окраинные земли, где когда-то орудовали волхвы, зафиксировал прямо противоположный тренд (выражаясь по-современному). Нельзя сказать, что был он в этом плане большим оригиналом. Еще раз обращаю внимание, что и в Западной Европе претензии отдельных королей на «священный» статус были выражены не менее отчетливо. Однако добиться полной автократии в ту пору никому из них не удалось. Причины понять не сложно. Русским князьям – при всем их честолюбии – совсем не по рангу было претендовать на лавры самодержца при здравствующем византийском императоре. У европейских королей была другая, куда более существенная преграда – католическая церковь, ревностно следившая за христианским благочестием земных владык. На фоне священнической власти королевская власть фактически лишалась сакральных черт, становясь чисто «человеческой», светской. В соответствии с христианскими принципами власти, светский правитель не мог претендовать на душеспасительные функции, на решение вопросов вероисповедания и культа. Католическая церковь, разумеется, работала на авторитет королевской власти, но, как мы знаем из истории, автократические тенденции королей, а тем более их заявки на некое божественное происхождение, церковные иерархи пресекали по мере сил. Почитание «божественных» королевских родов в Западной Европе (как и на Руси) было не более чем языческим пережитком.

В общем, при первом приближении и Русь, и Западная Европа находились в ту пору практически в едином, так сказать, культурном поле. Что же произошло потом? Как всегда, самым простым объяснением является версия о проклятом ордынском «наследии». Я бы спешить не стал. Самодержавие – такой же «продукт» Орды, как советская власть –

«продукт» сионизма. Тут выбор версии – на ваш вкус. Мне такие трактовки, честно говоря, не интересны.

На мой взгляд, природа российской автократии (со всеми ее чудовищными издержками) гораздо сложнее. Мало того, при ее становлении не обошлось и без западных поветрий. Дальше я постараюсь показать, что в российской политической системе (как позже – в советской) как будто нашли свое видимое выражение самые сокровенные мечты европейских деспотов и маньяков. То, что мы называем своим «особым путем», в течение нескольких столетий пытался навязать западному обществу целый легион свихнувшихся проповедников и прожектеров. Образно говоря, Россия стала некой теневой стороной Европы, воплощением тех безумных проектов и идей, что в самой Европе не реализовались в полной мере. Речь, конечно же, не идет о прямом идеологическом вторжении. Культурное поле, как было сказано, изначально было практически одинаковым. Просто произошло так, что отдельные компоненты, ставшие в европейских странах маргинальными, в России вышли на первый план, получив, так сказать, полную легитимность.

Глава VI ТАЙНЫЕ ВЛАСТИТЕЛИ ДУШ

Неоднозначная Европа

У нас как-то вошло в привычку ассоциировать западную культуру с рационализмом, прагматизмом, либерализмом, демократией. То, что этому противоположно — религиозный фанатизм, традиционализм, автократия — мы, не моргнув глазом, приписываем Востоку. Соответственно, обнаруживая в русской истории перечисленные «восточные» элементы, их источник по привычке ищут где-нибудь в Азии. Сколько уж трудов написано на тему того, как Россия «отказывалась» от западных ценностей, уподобляясь азиатским деспотиям.

Слушая подобные сентенции, невольно задаешься вопросом: «А что, на Западе не было религиозного фанатизма, традиционализма, попыток установления автократии?». Куда мы денем альбигойские войны, самосожжение катаров, выступления фанатиков-таборитов, анабаптистов, цвиккаукских пророков, разгул оккультизма в эпоху Возрождения? А как насчет немецких романтиков, на дух не переносивших этот самый рационализм и прагматизм? Куда мы поместим немецких идеалистов вроде Шеллинга, которых можно в один ряд поставить с русскими апологетами «особого пути»? Да и откуда выпал на наши головы сам этот «особый путь»? У нас патриоты любят с придыханием говорить о «Русской идее», даже не задумываясь, что эта идея прямиком вышла из того же немецкого идеализма, и что мессианские претензии русского народа (в устах наших доморощенных философов) есть все те же перепевы немецкой философии.

А откуда мы взяли учение «научного коммунизма», под знаменем которого семьдесят лет противостояли тому же Западу с его либерализмом? Не странно ли: доктрина, рожденная в тиши европейских библиотек, в конечном итоге была повернута против самой же Европы? Красные флаги, как известно, впервые взвились в Европе и в Америке. Но коммунистическая власть, принявшая этот флаг в качестве официального

государственного символа, одержала победу в России и в азиатских странах. И оттуда стала угрожать Западу.

Так вот, есть ли у нас основание считать, что так было только в XX веке? Не было ли чего-то похожего еще раньше, во времена становления российского самодержавия, в XV – XVI веках? А если брать еще более ранний период – с XI по XIII столетие, то не наблюдались ли и здесь какие-то общие с Западной Европой идейные течения?

Я сформулирую свое видение ситуации таким вот образом: на протяжении столетий рациональная и прагматичная часть Европы выталкивала на периферию темную стихию религиозных фанатиков и идейных маньяков, приносивших энергию своего исступления на русские земли, где этот импульс соединялся с местной темной стихией, удваивался и накрывал бурлящей волной ростки рационализма в русском обществе. В результате отсюда, из России, здравомыслящая и рациональная часть людей перемещалась на Запад, а все иррациональное и темное начинало цвести пышным цветом в силу отсутствия серьезных препятствий и противодействия. Именно так Россия становилась теневым отображением Западной Европы. Маргинальное — там, обретало полную легитимность - здесь.

Может ли нас удивлять подобная схема, если в XX веке она выявилась наглядным образом? Кто надоумил большевиков осуществить мировую революцию? Разве не были они воодушевлены «единственно верным» учением Маркса? Где до революции они находили поддержку и идейную подпитку? В Африке, в Средней Азии? Да нет же — в самой демократичной части Европы! В Европе и в Америке коммунистический интернационал потерпел фиаско, зато как шквал хлынул в полусонную Россию, разбудив легион местных маньяков и сумасшедших мечтателей.

Другой пример. Кто надоумил Пол Пота бросить вызов современной цивилизации и превратить свою страну в концлагерь? Жрецы вуду, алтайские шаманы? Нет – культурно рафинированные французские философы. Мелких деспотов хватает по всему миру, но деспот с «идеей» - это уже несколько иной феномен. Вожди кхмеров без западной философии, опираясь только лишь на свои местные обычаи и традиции, вряд ли бы рискнули на впечатляющий социальный эксперимент. Действовать в рамках устоявшихся местных традиций – значит просто воспроизводить опыт прошлого. А это - что-то привычное и банальное. Западная философия привносила в социальный проект элементы новизны, оригинальности. Точнее, она сама задавала «проектное» решение ситуации. Отсюда, собственно, не просто шокирующий, а прямо-таки «образцовый» результат. Скажем, гаитянский деспот Франсуа Дювалье, опираясь на традицию своих предков, вряд ли превзошел королей Дагомеи, хотя бы по уровню оригинальности. По степени влияния и полноты власти его можно поставить разве что с главарями сицилийской мафии. По всем параметрам это чисто «местечковый» феномен. А вот коммунист Фидель Кастро с полным правом может претендовать на мировой уровень. Устанавливать диктатуру под красным знаменем, как видим, намного круче.

Я не случайно перечисляю эти примеры. Российское самодержавие отнюдь не было примером местечкового деспотизма. Располагай великие князья только лишь легендами своего божественного происхождения, опирайся они только на местные обычаи и традиции, максимум, на что они могли надеяться в продвижении к полной автократии — так это на роль «первых парней» на деревне. Каждый из них осуществлял бы тиранию на небольшой территории, в отдельном княжестве. В принципе, любой боярин в своем уделе мог бы, при желании, вести себя как абсолютный владыка, мало чем отличаясь от мафиозного главаря или того же Дювалье. Но дело-то в том, что становление

самодержавной России осуществлялось в контексте мировых процессов. Соответственно, это был феномен мирового значения, как бы мы к нему ни относились.

Выражаясь по-современному, самодержавие на Руси реализовалось как социальнополитический проект. Это есть результат осмысленной стратегии, растянутой на целые
поколения. Как мы уже отмечали выше, в той же самой Европе было немало претендентов
на роль абсолютного правителя. Но именно русским князьям, еще раз подчеркнем,
удалось в этом деле преуспеть лучше, зайти намного дальше, чем их европейским
коллегам. В общем, стремление к автократии было мировым феноменом, получившим
яркое воплощение на русских землях. Впору спросить, что этому посодействовало?

Зеркальное отражение Запада

В данном случае я напрямую увязываю успехи российской автократии с принципами европейского конституционализма, ограничивающими власть монархов. Ничего парадоксального здесь нет. Точно так же успехи буржуазной демократии увязаны с торжественным шествием коммунизма по России и азиатским странам. Просто те движения и идейные течения, что затухали на Западе или влачили там маргинальное существование, выталкивались на восток, и там, войдя в резонанс с местными архаическими обычаями и представлениями, начинали действовать с удвоенной силой. Данный феномен я обозначаю как Резонансный Эффект.

Давайте вспомним, как оживилось в «лихие девяностые» фактически полуподпольное русское национальное движение, приняв идейную инъекцию западных идеологов Консервативной революции. Никакие писатели-деревенщики не смогли бы воодушевить местных националистов так, как это сделали труды Эволы, Генона, Хаусхоффера или Юнгера. Могу точно сказать, что на протяжении последних двадцати лет русское национальное движение получало идейную подпитку не от наших доморощенных радетелей «благочестивой» старины, а именно от того, что проникало с Запада. Книжки, за которые в современной Германии можно схлопотать реальный срок, здесь издавались и расхватывались на «ура». Известно также и о прямых контактах наших националистов с представителями западных право-радикальных организаций. Это есть наглядный пример Резонансного Эффекта, наблюдаемый в современной России. Он хоть и не столь значителен по масштабу, но зато показателен.

Здесь я не буду вдаваться в социологию данного феномена. Скажу только, что Резонансный Эффект не отвечает за сам характер идей, а только за усиление их воздействия на общество. Возможно, знаменитое Римское право зародилось именно таким путем, когда идеи греческих философов школы стоиков, не нашедшие признания на родине, вошли в резонанс в римской политической практикой. Представим, что завтра в странах Западной Европы к власти придут какие-нибудь лево-радикальные маньяки и возьмутся за искоренение существующих правовых институтов. В этом случае совсем не исключено, что носители ценностей правового государства будут отброшены на периферию и войдут в резонанс с их российскими единомышленниками. И тогда, в силу Резонансного Эффекта, в России установится вполне «европейский» порядок.

Мы, конечно, вообразили экстремальный случай, хотя нельзя не заметить, что давление европейских левых на общественный порядок уже сейчас начинает отражаться в России зеркальным образом. Даже среди российских либералов появляются «классические» правые, критикующие новые европейские порядки, замешанные на левацкой идеологии. А авторы, вроде Тила Сарацина, вызывающие негодование в рядах официальнотолерантных европейцев, с восторгом воспринимаются русскими националистами. Но

если мы «отмотаем» назад на сто-двести лет, то увидим прямо противоположную картину. Мы увидим победное шествие буржуазной демократии с ее умеренно правой идеологией. Принято считать, что буржуазия заявила о себе как о реальной силе только в XVI столетии. Однако именно в ту пору заявила о себе и первая социалистическая реакция, и не где-то, а в Англии, родине либерализма. «Утопия» Томаса Мора, написанная под впечатлением практики огораживания, стала первым «философским» вариантом социалистической идеологии, хотя истоки «философского» социализма уходят еще дальше, к учению Платона. Это говорит о том, что в европейской культуре социализм имеет не менее прочные основания, чем буржуазная демократия.

Тем не менее, именно буржуазной демократии удалось на несколько столетий определить лицо Западной Европы, вытеснив социалистические проекты на периферию. Прошло четыреста лет со времени написания «Утопии» Мора, когда социализм обозначил свою грандиозную победу в отдельно взятой стране. Этой страной оказалась не Англия (родина «Утопии»), не Германия (родина «научного коммунизма»), а Россия — родина бесчисленного количества мечтателей о земном рае. То, что «местные» мечты вошли в резонанс с социалистическими идеями европейских доктринеров — дело совершенно очевидное.

Разумеется, буржуазная демократия, как и социализм, не появилась ниоткуда. По большому счету, она оказалась своего рода предельным воплощением тех рационалистических тенденций, что были отмечены выше. Именно в буржуазной демократии власть окончательно утрачивает священный ореол, обретая чисто человеческое измерение. Эта тенденция также уходит вглубь времен, и надо полагать, что с самого начала она вступила в противодействие со всевозможными борцами за чудесное построение рая на земле, чьи идеи, в конечном итоге, нашли свое воплощение в социалистических экспериментах — как в нашей стране, так и на Востоке.

Социализм Московии

Как мы уже показали, власть самодержца, выдаваемого за земное божество, автоматически предполагает установление социалистического уклада, поскольку абсолютизм в его предельном, крайнем, доведенном до логического завершения воплощении, не допускает экономической самостоятельности подданных (что в корне противоречит принципам буржуазной демократии). Известно, что правителям Московии удалось осуществить данный социалистический принцип в полной мере. К этому порывался еще благоверный князь Андрей Боголюбский, но только при великом князе Василии III (отце Ивана Грозного) собственность удалось полностью сосредоточить в руках монарха.

Герберштейн в «Записках о Московии» недвусмысленно свидетельствует: «Он довел до конца также и то, что начал его отец, именно: отнял у всех князей (principes,-) и у прочей (знати) все крепости [и замки] Даже своим родным братьям он не поручает крепостей, не доверяя им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет комунибудь быть при дворе его или идти на войну или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все это за свой счет».

Иными словами, Московия сполна осуществила социалистический идеал в его «дофилософском», «священном» архаическом варианте. Учитывая то обстоятельство, что здесь была перечеркнута рационалистическая тенденция Киевского периода (о чем говорилось в предыдущей главе), то уместно говорить не только о переломе тенденции, но

и о том, что в реальности стало причиной успешного воплощения откровенной автократии. Ссылки на Орду, еще раз скажу, ничего не объясняют. Российское государство, отметим, в ту пору освобождалось от ордынской зависимости. Чего бы тогда, что называется, не шагнуть в Европу? Вспомним, что когда страны Восточной Европы освобождались от опеки Кремля, они разом двинулись к западной демократии. Почему «освободившаяся» от Орды Московия не двинулась по «европейскому» пути? Устанавливать причинную связь на основе произвольных ассоциаций (когда московский царь напоминает вам ордынского хана) – не самый лучший путь для исследователя. Здесь я не могу не согласиться с доктором Яновым.

Учтем и то обстоятельство, что и в самой Московии были носители рационалистической (назовем ее так) тенденции. При молодом Иване Грозном (обратите внимание — уже после правления абсолютного деспота Василия III) им удалось провести вполне «европейские» по духу реформы (речь идет о судебной системе). И здесь доктор Янов также совершенно прав, когда видит в этих реформах вполне «европейское» начинание. Однако «сакральный» тренд оказывался более сильным. За счет чего? Орда уже мелькала на дальнем плане, и никому не приходило в голову искать там образцы религиозного благочестия. Иван Грозный, напомним, не ездил поклоняться «мощам» Батыя. А вот мощи благоверного князя Андрея Боголюбского были для него настоящей священной реликвией. Откуда тогда дул ветер самодержавных перемен?

Формально, как мы знаем, московские цари считали себя преемниками византийских императоров (данный тезис мы еще разберем подробно). В этом смысле можно сослаться на влияние Византии и поставить точку. Однако Византия влияла и в киевский период русской истории, но данное обстоятельство не отменяло тенденции к десакрализации власти, о чем было уже сказано. Андрей Боголюбский за свои автократические замашки поплатился жизнью. А вот Василий III уже построил своих бояр по струнке. Что случилось на этот раз? Как бы там Византия ни влияла, чисто практические интересы элиты — вещь куда более значимая, чем все идеологические абстракции. Откуда появился такой невероятный священный трепет перед великим князем, признание за ним прав карать и миловать, вершить «божью волю» и по своему усмотрению распоряжаться собственностью бояр?

Еще раз обратимся к Герберштейну. Вот что он пишет о власти Василия III: «Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей».

Согласитесь, что добиться такого беспрекословного подчинения можно только в условиях религиозного исступления подданных. Ведь прежде чем смиряться с волей государя, надо признать ее фактическую тождественность воле Бога. Иными словами, смирение перед царем достигается не потому, что в нем видят «преемника» византийских императоров, а потому, что видят в нем земное воплощение божества. До Византии в ту пору и простолюдинам, и боярам не было никакого дела. Слишком уж это было далеко и малоинтересно. А царь – вот он, рядом. И важно не то, что он чей-то преемник, а то, что он олицетворяет Божью волю. Преемство – вещь чисто формальная. А реальная абсолютистская власть строится не на формальностях, а на настроениях масс, на готовности людей признать волю правителя карать и миловать по своему усмотрению. Английская королева-мать - преемница тех самых монархов-чудотворцев, что когда-то прикосновением руки «исцеляли» золотуху. Но в наше время подобных сеансов

исцеления мы не увидим. Почему? Потому что настроения в обществе далеко не те, чтобы лечить болезни таким вот образом.

Допустим, московского царя сочли преемником византийских императоров. И что? Русские бояре так трепетали перед этими императорами, что теперь готовы были броситься в ноги к их преемнику и отдать ему всю свою собственность? Вряд ли. Находись они в здравом уме, выполнять бы этому преемнику чисто декоративные функции. В принципе, некоторым боярам так и хотелось. Но произошло иначе. И не потому, что на Руси трепетали перед далекими басилевсами, а потому, что трепетали перед образом Бога, и образ этот перенесли на самодержца. И византийская монархическая традиция за это не в ответе. Но об этом мы поговорим ниже.

Средневековые зачинщики мировой революции

А теперь обратим свой взор в Европу. Что в те времена могло хлынуть оттуда, чтобы русские сторонники «сакрального» тренда могли получить дополнительный заряд энергии?

Для начала снова углубимся в XI век, когда на Руси некие загадочные волхвы поднимали восстания. Как мы уже отметили, эти смутьяны придерживались дуалистических воззрений на природу человека, свойственных тогдашним еретикам – гностикам, манихеям, богомилам, катарам (альбигойцам). «И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил» - объясняют волхвы воеводе Яню Вышатичу. Почему нам интересен данный фрагмент? Интересен он как раз потому, что именно с XI века в Европе началась серьезная активизация упомянутых еретических движений. Наверное, далеко неслучайно, что в том же XI столетии большое «языческое» восстание произошло в Польше, подавленное князем Казимиром. Галл Аноним в своей «Хронике деяний князей и правителей польских» пишет: «... рабы поднялись против своих господ, вольноотпущенники – против знатных, возвысив себя до положения господ; одних они в свою очередь превратили в рабов, других убили, вероломно взяли себе их жен, преступно захватили их должности. Кроме того, отрекшись от католической веры, о чем мы не можем даже говорить без дрожи в голосе, подняли мятеж против епископов и служителей Бога; из них некоторых убили более достойным способом – мечом, а других, как бы заслуживающих более презренную смерть, побили камнями».

Еще более впечатляющим было восстание на землях прибалтийских славян, недовольных насильственным утверждением христианства. Выступления начались уже в конце X века и дважды повторились в XI веке. По свидетельству Гельмольда, славяне воспользовались ситуацией, когда саксонский герцог вступил в конфликт с германским императором. Их выступление, если верить Гельмольду, привело к ужасающим кровавым эксцессам: «Старцы славянские, которые хранят в памяти все деяния язычников, рассказывают, «что больше всего христиан оказалось в Альденбурге. Перерезав всех их, как скот, священников они оставили на поругание. Главный из них в этом городе носил имя Оддар. Вместе с остальными он был предан такой мученической смерти: разрезав железом кожу на голове в форме креста, вскрыли таким образом у каждого мозг, потом связали им руки за спиной и так водили исповедников божьих по всем славянским городам, пока они не умерли. Так, превращенные в зрелище для ангелов и людей, они испустили дух посреди своего [мученического] пути как победители» (гл. I; 16)

Однако еще раз подчеркнем, для нас важнее то обстоятельство, что именно с XI века в Европе начинают активизироваться представители дуалистических ересей – павликиане, богомилы, катары и им подобные. Николай Осокин в своей книге «История альбигойцев и их времени» указывает: «...около первой четверти XI века дуализм заявляет себя решительнейшим образом». В Италии манихейство было известно еще в период Римской империи, но с VII века упоминания о нем исчезают. И только спустя три столетия еретики вновь начинают заявлять о себе. Ближе к XI столетию еретическое движение уже открыто бросает вызов католической церкви, демонстрируя собственную организацию и проникая за пределы Альп, в Южную Францию.

Что повлияло на эту активизацию, сказать сложно. Возможно, как-то сказалось ожидание конца света в 1000 году. Возможно, сказался приток в Европу еретиков-дуалистов с территорий Византии. Принято считать, что дуалистические ереси (то есть признающие существование двух противоположных и враждебных друг другу начал бытия — доброго и злого) зародились на основе гностических и манихейских воззрений. Очень часто ересь богомилов и катаров рассматривают в качестве некой разновидности манихейства, замешанной не только на неправильно понятых библейских символах, но и впитавшей в себя некий комплекс языческих воззрений. Богомильство, возникшее в Болгарии в X веке, принято даже называть «славянским христианством». Во всяком случае в указанный период некоторые православные авторы не различали еретиков и язычников. Николай Осокин в упомянутой книге прямо заявляет о влиянии славянского элемента на распространение дуалистических ересей в тогдашней Европе.

Как мы упоминали выше, волхвы, баламутившие народ в ростово-суздальских землях, также демонстрирую откровенно дуалистический взгляд на природу человека, присущий тем же манихеям и богомилам. Да и сам автор «Повести временных лет» в некоторых местах невольно скатывается к дуализму. Мало того, излагая суть христианского учения от лица некоего «философа», якобы беседовавшего с князем Владимиром, он приводить богомильский сюжет о Сатанаиле. К чему бы это? Непонятно. Скорее всего, данный факт свидетельствует о том, что дуалистические сюжеты в то время были в большом ходу, и даже проникали в среду иноческой братии. Осокин настаивает на том, что дуализм был исконно присущ мировоззрению славянских народов, а потому дуалистические ереси так легко приживались в славянской среде. Вполне может быть, что и само христианское учение интерпретировалось в подобном ключе, порождая такие вот «национальные вариации» христианства, чем в немалой степени способствовало переложение Священного Писания на национальные языки.

По большому счету, нам не столь уж важен сам источник ересей: насколько там был силен гностический или манихейский компонент, и насколько – компонент языческий. Намного важнее для нас степень их влияния на общественную и политическую жизнь того времени. Тема эта достаточно изучена, и нам надлежит лишь напомнить известные факты и привести их в систему.

Как пишет Осокин, предводитель болгарских еретиков создал свою собственную и достаточно влиятельную церковь. В «Синодике царя Бориса» упоминаются шесть влиятельных богомильских проповедников, каждый из которых выдавал себя за Христа и ходил в окружении «апостолов». Читаем у Осокина: «Наиболее известным из них был Василий: он давно прославился искусством проповеди и тайной влияния на человеческие сердца. Он был уже в летах, когда вышел на проповедь. Василий носил иноческую рясу, но оставался врачом по ремеслу во все продолжение своей пятидесятилетней проповеднической деятельности. Он назывался то апостолом Петром, то самим Спасителем». Василий был сожжен на костре по приказу императора Алексей Комнина,

так и не сумевшего переубедить еретика после длительной дискуссии. Однако богомильская церковь от этой потери не пострадала и продолжила свое распространение.

Как правило, историки не придают данному факту решающего значения, относя его к неким типичным коллизиям средневековья. Дескать, боролись ортодоксы с еретиками, ну и что? Дело, вроде бы, обычное для тех времен. Однако то, что еретические движения (а в данном случае речь идет о дуалистических ересях) представляли собой глобальную тенденцию, в расчет обычно не принимается. А ведь по размаху это было некое подобие Коммунистического Интернационала.

В XII веке ересь охватила практически всю Западную Европу – Италию, Францию, Англию, Германию. Учение альбигойцев было популярно не только на юге Франции, где, по сути, был их оплот. Как пишет Осокин, в Шампани (то есть на севере страны) этим учением заразилось высшее сословие. Даже священники не могли устоять перед красноречием еретических проповедников. В Англии катары не скрывали своего учения перед королем и епископом, вступая в дискуссии с католическими ораторами. В Германии монахи даже опасались сталкиваться на улицах с еретиками, боясь пострадать от их рук. По мнению Осокина, конец 60-х годов XII века можно считать началом полной самостоятельности еретической церкви.

Исследователи особое внимание обращают на болгарское влияние. Болгария – родина богомильства - была своего рода «еретическим Ватиканом», тайным центром руководства еретическими общинами. В средние века в таком руководстве никто не сомневался, да и современные почитатели манихейства говорят о том же. Существует сообщение о сектантском соборе 1167 года, на котором председательствовал еретический «папа» Никита. Он жил в Болгарии и, согласно источникам, ставил епископов альбигойских епархий. К тому времени в Европе насчитывалось до шестнадцати дуалистических церквей, возглавляемых еретическими епископами.

Осокин утверждает, что после знаменитого публичного диспута между вождями катаров и католическим духовенством, произошедшем в 1165 году в городе Ломбер, еретики «явно заявили свое полное отторжение от Римской церкви, свою собственную организацию, свою связь с иною властью, с иным источником». Тогда в Альбижуа из далекой Болгарии приехал богомильский патриарх Никита. В мае 1167 года неподалеку от Тулузы, в Сен-Феликс-де-Караман, и произошел «торжественный съезд духовенства Альбигойской церкви со всех провинций, на котором Никита председательствовал». На этом съезде, в частности, был заключен союз между всеми церквями богомильскими, жившими отдельно. По словам Осокина, «то были церкви: Греческая, Македонская, Болгарская, Далматская, Ломбардская, Французская. Здесь были решены также частные вопросы о разделе церквей Тулузы и Каркассона. Раздельная линия шла из Сен-Понса на Кабаред, Отпуль, Сейсак, Верден, Монреаль и Фанжо. Под этим кадастровым актом подписались известнейшие из катаров; он был написан в двух копиях и положен на хранение в городской архив» - пишет Осокин.

Меня, честно говоря, удивляет легкомысленное отношение историков к данному факту. Это то же самое, что описывать историю XIX – XX веков, не придавая значения революционному коммунистическому движению. Подумаешь, какие-то там коммунисты и социалисты, какой-то Третий Интернационал... А как быть с волной социальных потрясений, с установлением большевистской диктатуры в бывшей царской России, с дальнейшим противостоянием Запада и стран Социалистического лагеря? Но ведь нечто подобное осуществлялось и в средние века. Еретические движения породили в Европе мощную волну социальных потрясений – до XVI столетия включительно. И как раз ближе

к XVI столетию на далекой восточной окраине европейского мира появляется деспотическое государство с социалистическим укладом, признавшее за собой некое мировое значение и противопоставившее себя остальной Европе. Речь идет, как вы уже догадались, о Московии.

Европейский выбор «особого пути»

Мы как-то не даем себе отчета в том, что на протяжении указанного периода в самих Европейских странах решался вопрос о том, какой способ земного устройства наиболее предпочтителен. И если кто-то считает, будто европейцы с давних времен являются какими-то генетическими носителями рациональности, то он просто-напросто подвержен предрассудку. Рациональный и прагматичный европеец, обладающий некими гражданскими добродетелями и признающий некие фундаментальные права человека — это есть плод модернизации. А до модернизации европейские крестьяне и горожане, а также и представители европейской знати, мало чем отличались от своих русских современников. В русском народе ошибочно ищут какую-то «душу Востока», упорно не замечая, что эта самая «душа Востока» несколько столетий пребывала в европейцах, и только к началу XVII века (не без усилий со стороны католической церкви) была кое-как выдавлена оттуда. Окажись тогда Европа под властью идейных маньяков и сумасшедших проповедников (европейского же «разлива»), мы бы сейчас с пиететом (или иронией) говорили о «загадочной» немецкой или французской душе.

Вот картинка из жизни XII века, приведенная на страницах книги Осокина. Она красноречиво показывает тогдашние умонастроения простых европейцев. На территории Бретани и Нидерландов проповедовал некто Танхелин, очень любимый народом фландрским. Он ходил в монашеском одеянии, окруженный телохранителями. Перед ним несли меч и знамя. «Огромные толпы слушали его поучения, произносимые под открытым небом на полях и площадях. Его считали за пророка или ангела, ниспосланного с неба, он сам полагал себя носителем Духа Святого» - пишет Осокин.

Придя в Антверпен, Танхелин сменил рясу монаха на царскую багряницу. «С короной на голове, - продолжает Осокин, - он ходил во главе трех тысяч человек, фанатически преданных ему. Обоготворение Танхелина доходило до того, что воду, в которой он искупался, пили, считая ее святой».

Впечатляющая картинка, не так ли? Некий проповедник-еретик объявляет себя носителем Святого Духа, надевает корону и царскую багряницу, окружает себя толпой фанатичных почитателей, считающих его воплощением божества. Ничего не напоминает?

Идем дальше. Один из современников Танхелина — Эон де Стелла — происходил (обратите внимание) из царского рода. Читаем у Осокина: «Изумленным современникам личность Стеллы представлялась демонической; говорили, что он питает воздухом своих многочисленных спутников, что в каждое мгновение он по своему желанию может иметь хлеб, рыбу, мясо, но эта пища не насыщает, а только возбуждает голод, и что каждый, кто только раз попробовал ее, уже тем самым попадает под его власть. Стелла выдавал себя за ангела и даже Христа, а учеников — за апостолов. Когда пленного, связанного на реймском соборе 1148 года, его стал лично допрашивать папа, то получил в ответ: «Я тот Эон, который должен был прийти в мир судить живых и мертвых, а вселенную преобразовать огнем». В руке он держал жезл в виде вил с двумя зубцами наверху».

По Европе тогда странствовало немало таких «богов». На альбигойских проповедников смотрели в ту пору как на сверхъестественных существ. Осокин пишет: «Внешность таких

людей, величавая походка, их манера говорить напоминали жрецов Востока и судей еврейских. И далее: «Входя в чье-либо жилище и оставляя его, эти святые люди наделяли дом своим благословением». Владельцы замков с трепетом раскрывали перед ними ворота, почитая за великое благо лично прислуживать этим «святым» за обедом. При их входе в помещение все присутствующие падали ниц и получали благословение (запомните это — падали ниц, включая представителей знати!).

У Осокина находим очень важное для нашей темы свидетельство: «Обыкновенные «радения» русских людей Божьих и молоканской секты, имеющей разительное сходство по характеру и учению с альбигойцами, напоминают собрания, описанные в актах инквизиции XIII столетия и в сочинениях Эрменгарда, Алана, Еврара, Райнера и Монеты Кремонского». Так начинают прорисовываться истоки «загадочной» русской души. Бродячие проповедники с их духовными наставлениями, песнями и пророчествами уже давно воспринимаются как некая особенность русского культурного «ландшафта». Калики перехожие, создатели «духовных стихов» и всякие искатели «царства Горнего» с подачи философствующих литераторов давно уже считаются каким-то атрибутом нашей национальной традиции. Русская душа, дескать, исконно тяготеет к мистицизму, возвышенным грезам и поискам рая на земле. Одержимость «духовными» проблемами у нас часто связывают со спецификой русской «ментальности». Но, как видим, точно такие же возвышенные грезы на протяжении столетий распространялись по всей Европе целым легионом странствующих «божьих людей».

До XVI века включительно странствующие проповедники и аскеты всех мастей были в европейских странах таким же обычным явлением, как на Руси - калики перехожие. После победы католической церкви над альбигойской ересью мистически одержимые сектанты никуда не исчезли и с не меньшей настойчивостью продолжали усиливать протестные настроения по всей Европе, особенно устремляясь туда, где возникали социальные обострения.

В конце XIII-начале XIV веков в Западной Европе стала набирать популярность секта «апостольских братьев», основанная итальянским полубезумным фанатиком Джеральдо Сегарелли. Аскетические движения тогда были в моде, и Сегарелли пытался на свой манер, в меру своего понимания возродить идеал апостольского служения Богу. Невзирая на недовольство представителей церкви, он раздавал своим последователям «благословение» на миссионерские странствования, даже не делая различий между полами. Авторитету секты способствовало то обстоятельство, что общественное сознание той поры находилось под сильным впечатлением от учения Иоахима Флорского о наступлении эры Святого Духа (запомним этот момент – про эру Святого Духа).

Иоахим Флорский, подобно калике перехожему, долгое время посвятил странничеству, посетив святые места. В своих предсказаниях он предрекал скорое пришествие антихриста, что, правда, должно было быстро окончиться благодаря Божьему суду. Так человечество якобы войдет в эру Святого Духа или время вечного Евангелия, когда произойдет высшее уразумение новозаветных истин (запоминаем, запоминаем!). Во время этой эпохи, мечтал проповедник, наступят мир и свобода, и смиренный народ не будет знать разделения на «мое» и «твое». Собственно, подобными апокалиптическими настроениями жила значительная часть населения средневековой Европы.

Важно учесть, что подобные настроения очень сильно подогревали социальные волнения, придавая им характерную социалистическую направленность. Так, близкая «апостольским братьям» секта «Братьев свободного духа» проявила себя в организации борьбы против «власти Антихриста» (как они называли власть римского папы). «Свободные духи»,

поднявшие антипапское восстание в Умбрии в 20-е годы XIV века, устраивали разграбление церквей, подвергая насилие над монахинями, чем они очень гордились (а теперь вспомним, кто на Руси грабил церкви по имя установления «священной» власти).

В XV столетии радикальные сектанты приняли активное участие в восстании гуситов. Надо сказать, что само гуситское восстание имело ярко выраженные социальные и политические причины и по форме напоминало национально-освободительное движение. Как мы знаем, участники восстания были неоднородны по своему социальному составу, а равно и по своим убеждениям. Казнь Яна Гуса послужила поводом к массовым выступлениям против немецкой знати и католического духовенства. Само движение вполне могло обойтись и без крайних утопических призывов. В принципе, в итоге и возобладало более здравое, более рациональное направление. Крайние идеологические установки привносились как раз радикальными сектантами, хлынувшими в Чехию из разных краев Европы. Они-то и несут ответственность за тот вандализм, что имел место во время восстания.

Известно, что идеологи таборитов – радикального крыла гуситских повстанцев – в своей пропаганде выходили за рамки практических задач самого национально-освободительного движения, делая замах на реализацию глобальных преобразовательных действий. Так, они предвещали ни много ни мало - установление Царства Божьего на земле, обещая, по сути дела, мировую революцию. По их взглядам, все верные должны сосредоточиться в пяти городах и из этих городов «править всей землей». Те города, что откажутся подчиниться восставшим, обещано было «разрушать и сжигать, как Содом». Здесь, безусловно, слышны отголоски эсхатологического учения Иоахима Флорского, которым вдохновлялись «апостольские братья».

Понятно, что восстание чешского народа для радикалов-утопистов было только поводом для возобновления массового противодействия папской власти. Не удивительно, что табориты не ограничились одной только Чехией, совершая свои вылазки и в другие страны. Практически вся Центральная Европа подверглась опустошению. В программе таборитов значилось уничтожение собственности, всех политических институтов, а равным образом и отмена самого права. Также провозглашалось полное истребление всех господ, дворян, рыцарей и разрушение храмов. Многие, примкнувшие к их рядам, бросали свое имущество, расторгали браки и все общественные связи.

Особенно отличилась в этом движении секта адамитов, генетически связанная с «Братьями свободного духа». Об адамитах писали, что они убивали всех подряд, сжигая по ночам села, города и людей. Себя они, как пишут современники, называли ангелами Божьими, а Иисуса Христа — своим братом. На островке при реке Люшниц они основали свою общину, где практиковали «райский» образ жизни: обобществили жен, ходили нагими и совращали окрестности. Кроме того, молва приписывала им не только участие в оргиях, но и занятия колдовством. В конце концов их радикализм вступил в такое противоречие с подлинными целями восстания, что Ян Жижка вынужден был напасть на остров и перебить значительную часть сектантов. Немалую роль в противодействии сектантскому радикализму сыграли и реальные интересы умеренного крыла восставших, представленного зажиточной частью крестьянства и бюргерства.

Однако со временем сектанты перенесли свою деятельность в другие страны Европы. В XVI веке неожиданно заявляет о себе движение анабаптистов, немало посодействовавшее крестьянскому восстанию в Германии. Как и следовало ожидать, вожди радикальной реформации ставили перед своими последователями глобальные задачи, замешанные на эсхатологических чаяниях необразованного населения. Речь опять шла о мировой

революции, о радикальном преображении мира. Мартин Лютер еще до начала Крестьянской войны обнаружил, что в Реформацию вливаются проповедники радикального толка, руководствующиеся, на его взгляд, не словом Священного Писания, а собственными субъективными переживаниями, выдаваемыми за пророческие откровения. Их подлинные цели не вызывали у него никакого сомнения. Эти деятели, считал Лютер, хотели уничтожить все власти, чтобы самим стать господами мира.

Томас Мюнцер – один из главных вдохновителей крестьянских восстаний – объявил о грядущем падении княжеской власти в Европе, которую он сравнивал с «пятой империей» из сна Навуходоносора. Исходя из его полемики с Лютером, свои «пророческие» откровения он ставил выше, чем толкования Библии. Такие пророчества понимались Мюнцером как «божественные» указания свыше, посылаемые Богом своим «избранным». Именно им, по мысли новоявленного пророка, должна перейти вся полнота власти в наступающей эпохе, где они составят свою особую церковь, отделенную от «безбожников». Сопротивление воли «избранных» расценивалось как сопротивление воле самого Бога. Таких несогласных Мюнцер призывал безжалостно уничтожать.

Наиболее показательным для нас примером является народное восстание в Мюнстере 1534-1535 годов, связанное с именем Иоганна Лейденского. Как известно, Иоганн Лейденский прибыл в Мюнстер со своим спутником по поручению еретического «пророка» Яна Маттиса, возомнившего себя воплощением Еноха. В задачу миссионеров входило объявить жителям Мюнстера, где была уже довольно влиятельная анабаптистская община, о долгожданном наступлении «Тысячелетнего царства».

Напомним, что, укрепив свою власть в Мюнстере, анабаптисты потребовали всем либо креститься заново, либо покинуть город. Иначе говоря, каждому горожанину предлагалось либо стать членом секты и безоговорочно признать власть ее пророка, либо эмигрировать, оставив свое имущество. Вооруженные сектанты врывались в дома тех, кто не соглашался принять второе крещение, и в лютую метель выдворяли людей за городские стены, успев их еще и ограбить. Одновременно в Мюнстер отовсюду стекались еретики, вдохновленные «пророческим видением» Яна Маттиса, будто этому городу суждено стать Новым Иерусалимом.

Одержимость эсхатологическими предчувствиями была настолько сильной, что сам Маттис в порыве вдохновения отважился выйти навстречу вражеским отрядам, отчего был изрублен ландскнехтами. После его нелепой смерти Иоганн Лейденский был провозглашен «Царем Христом» или «Иоганном Праведным, Царем Нового Сиона, сошедшим с небес на землю». Причем, как и следовало ожидать, свою власть «Царь Христос» собирался распространить на все страны.

Окопавшиеся в Мюнстере анабаптисты всерьез готовились к завоеванию мира, а их «священный» самодержец раздавал приближенным земли на Востоке и Западе. По примеру восточных монархов Иоганн Лейденский завел себе гарем из семнадцати жен, имея при этом, как и положено по древней традиции «священного» правления, одну старшую жену — красавицу Диверу (бывшую когда-то женой Маттиса и перешедшую «по наследству» Иоганну). О нем рассказывали, что трижды в неделю он судил народ, сидя на высоком престоле среди Соборной площади в золотой короне, усыпанной драгоценными камнями. В руках он держал, подобно настоящему правителю, державу и скипетр. Когда «Царь Христос» ехал по городу на своем коне, все, кто с ним встречался, падали ниц и поклонялись ему как божеству (вот она вам — Европа!).

Чтобы поддерживать высокий тонус в обществе, новый правитель устраивал регулярные празднества с пением и плясками, во время которых некоторые из приближенных показывали признаки мистической одержимости. Однако объективных поводов для веселья у народа было мало. В Мюнстере царил разгул вандализма: разрушались монастыри, церкви, разбивались статуи, уничтожались иконы, картины, рукописи, мощи святых выбрасывались на улицу. По приказу «Царя» все имущество горожан было обобществлено, в городе из-за осады начался голод, а всякий, не согласный с новой «священной» властью, рисковал подвергнуться казни. С заговорщиками и недовольными самозваный монарх расправлялся с нечеловеческой жестокостью. Казни совершались почти каждый день и по разным поводам. Часто практиковалось обезглавливание, причем страсть к отсечению голов демонстрировал сам «Иоганн Праведный».

Правда, весь этот «священный» ужас длился по историческим меркам не так уж долго — чуть больше года. Мировая революция не состоялась: войска епископа Вальдека взяли Мюнстер, «Царь Нового Сиона» попал в плен и был казнен на том самом месте, где он устраивал свои «священные» суды.

Таким образом, в Европе грандиозный социальный эксперимент был провален. Однако то, что анабаптистам удалось сделать только в масштабе одного немецкого города, к востоку от Германии было осуществлено в масштабе целой страны, причем в том же столетии. Мы говорим сейчас о Московском царстве.

Глава VII ВСЕЛЕНСКАЯ МИССИЯ МОСКОВИИ

О преемстве «Третьего Рима»

О том, что Москва во время великого князя Василия III была провозглашена «Третьим Римом», знает у нас любой школьник. Мессианская «формула» инока Филофея – любимый девиз нынешних российских державников. В отечественной литературе давно уже укоренился сюжет о том, будто Московская Русь настолько вдохновилась своим «преемством» с Византией, что на волне этого вдохновения принялась отстраивать великую державу. Если следовать нашим авторам, то весь русский народ – от мала до велика – пребывал в эйфории от того, что императорский престол «переместился» из Константинополя в Москву.

Разумеется, в узком кругу московских книжников такое «преемство» утверждалось как некая аксиома. Митрополит Зосима уже в 1492 году объявил великого князя Ивана III «новым царем Константином нового града Константинополя — Москвы и всея Руси». Вопрос лишь в том, насколько обоснованной была такая претензия с точки зрения существовавших в тогдашнем христианском мире установлений? Излиться в восторге перед своим государем — дело нехитрое. Только были ли у московского митрополита на тот момент законные основания для таких громких заявлений? Что тут было раньше — культ самодержца со всем объемом положенных ему почестей или официальная передача столь почетного титула? То есть вначале заявляем о своей вселенской миссии, а формальности утрясаем, так сказать, задним числом (и то по возможности). Или вначале

по всем правилом перенимаем императорскую эстафету и лишь после этого определяем соответствующий круг обязательств?

Напомним, что официальное «утверждение» московского царя в этой должности со стороны патриарха и епископата Вселенской церкви произошло уже после того, как наши самодержцы явили своим подданным свой царственный облик. Так, грамота от Вселенского патриарха о признании за Иваном Грозным царского титула пришла в Москву спустя 15 лет после его официального венчания на царство, совершенного московским митрополитом. То есть народ уже успел вовсю отпраздновать это событие, не заботясь о том, что думает по этому поводу далекий патриарх. И не только отпраздновал, но и многократно воздал своему владыке соответствующие его «божественному» статусу почести.

Конечно, о далеком «Царьграде» народ чего-то слышал, но вот чтобы прийти в состояние душевного подъема от идеи «Третьего Рима», надо было очень сильно «возлюбить» своего собственного, московского владыку. Причем, невзирая на мнение каких-то там греков. Иначе говоря, царя на Руси «возлюбили» не оттого, что он был объявлен «преемником» византийских императоров. Причинная связь здесь обратная: народ готов был признать это «преемство» именно из-за этой самой слепой «любви» к своему владыке. Собственно, чего уж там было мелочиться, если в образе московского самодержца люди видели чуть ли не самого Бога. Здесь и не надо было ссылок ни на какую Византию. Народ падал ниц перед царем по другим причинам. Уж если малоизвестный актер Иоганн Лейденский сумел в глазах единоверцев стать «Царем Христом», то что уж говорить о потомке «божественного» Рюрика?

Еще раз особо подчеркну: если народ видит в монархе Господа-Бога или некое воплощение Всевышнего, то это уже есть ДОСТАТОЧНОЕ ОСНОВАНИЕ для безусловного подчинения такому правителю. Предельное основание! Не надо никаких идеологических спекуляций о «преемстве» власти. В самом деле, чего такого серьезного могла здесь прибавить апелляция к византийским императорам, когда московский самодержец в глазах людей и без того был воплощением божества? Бог и византийский император – тут совсем неравнозначные фигуры. Не так ли?

Могу предвидеть возражение: мол, правители Московии потому и возвеличились до уровня исполнителей Божьей воли, что на них стали смотреть как на «подлинно христианских» правителей, законно «наследующих» власть императоров Византии. Не будь этого «преемства», не стали бы на них переносить божественные атрибуты. Обычно именно так рассуждают наши сведущие в религиозных вопросах патриоты-книжники. Они, конечно, признают, что русский народ несколько переусердствовал, но в целом де его преклонение перед самодержцами было основано на исключительно христианском миропонимании. В общем, тиражируется идеологическая догма о том, будто чисто православный по духу народ с благоговением принял чисто православных владык в лице своих же правителей. То есть православная Русь настолько сильно стремилась к исполнению своей великой исторической миссии, а именно – стать оплотом истинной веры, что в порыве религиозных чувств приняла идеал безропотного служения истинным (якобы) «помазанникам Божиим» в лице московских владык.

Идеологема «Третьего Рима» уже обыграна на разные лады в нашей патриотической литературе и воспринимается сторонниками «особого пути» как совершенно реальный исторический факт. Даже люди, равнодушные к идеологии, именно под этим углом зрения воспринимают события пятисотлетней давности. Собственно, ведь именно тогда и

свалился на нашу голову этот самый «особый путь», и многим до сих пор кажется, что в основе его лежит все та же приверженность русских православию. Именно православию.

Странно, что у православных сербов, болгар, румын, молдаван, греков, грузин никакой миссионерской тяги не наблюдается, хотя участвуют они в таких же службах, так же молятся и исповедуются. Но вот чтобы указать чего-то там всему Миру, быть светочем и надеждой человечества — таких претензий для этих народов из православной веры не вытекает. Причем надо заметить, что правители Болгарии когда-то также претендовали на роль преемников Византии. Тем не менее, в наши дни совсем не приходится говорить о каком-то болгарском мессианстве. Эта страница истории других славянских народов, принявших когда-то православие, давно уже перевернута. А у русских до сих пор идет непрекращающаяся битва с «силами зла» во имя чудесного преображения земного бытия.

Как объясняют апологеты «особого пути», данная вселенская миссия была возложена как раз в связи с тем, что Московская Русь стала подлинной, истинной «преемницей» Византии. Якобы русский народ был сподоблен к этой роли еще до возвышения Московии, о чем будто бы предвещали некоторые авторы Киевского периода, такие, например, как митрополит Илларион (о чем мы еще скажем в своем месте – так ли оно было на самом деле).

И вот когда Византия пала, долгожданный момент настал — Московия переняла эстафету, будучи де самой верной хранительницей истинно православной веры. Соответственно, царь стал защитником и куратором всех православных народов, каким до этого был византийский император. И вполне закономерно, что бремя вселенской миссии выпадало только на долю тех, кто непосредственно падал к ногам самодержца, то есть на долю русских как подлинных ревнителей христианского благочестия. И именно факт этой близости к царю выделяет их на фоне остальных православных народов как особо «избранных», как первых среди всех православных, с коих и сам Господь будто бы спрашивает строже, чем с остальных. В самой Московии об этом заявлялось прямо, хотя подобный вывод неизбежно возникает уже из самого посыла о «призвании» Московской Руси быть хранительницей подлинного христианского благочестия.

У нас, разумеется, нет никаких сомнений в том, что уверенность в своей духовной исключительности во многом характеризовала умонастроения тогдашних московитов. Тут и доказывать ничего не надо — источники свидетельствуют об этом недвусмысленно. Русские действительно считали себя первыми среди православных, самыми что ни на есть «истинными» христианами. Такие мысли, во всяком случае, им внушались со стороны проповедников. Если даже сейчас, спустя пятьсот лет, вера во вселенское призвание «Третьего Рима» находит своих сторонников из числа национал-патриотов, то что уж говорить о тех временах? Вопрос лишь в том, мог ли пример православной Византии повлиять на подобное умонастроение? Да и было ли такое влияние по факту?

Отметим, что Византия осуществляла типично цивилизаторскую и просветительскую (в христианском смысле) миссию в отношении «варварских» народов, включая русских. Конкуренцию в духовных вопросах ей на тот момент составляла, как мы знаем, Римская церковь. И тот факт, что после гибели Византии один из курируемых ей народов решил самовольно поставить себя на место куратора, еще не говорит о том, что он полностью соответствовал этой роли и совершенно адекватно ее трактовал. Мнить о себе можно что угодно. Другое дело, насколько такое самомнение соответствовало православному вероучению – в том его виде, в котором оно было получено из Византии. Самые неисправимые еретики, как известно, также полагали себя «истинными христианами». Мало того, убежденность в своей духовной исключительности только дополнительно

подхлестывала их фанатическую приверженность собственным идеалам. Не так ли обстояли дела в тогдашней Московии?

Гибель Византии действительно повлияла на становление московской автократии. Правда, мне этот процесс видится в ином свете. Напомню одно очевидное обстоятельство: Византия реально сдерживала претензии своих подопечных на полную самостоятельность в духовных вопросах. А без такой самостоятельности никакая автократия не может состояться в принципе (точно так же Римская церковь сдерживала автократические претензии европейских королей, на чем мы еще остановимся). Вспомним, что Андрей Боголюбский, решивший поиграть в самодержца, попытался учредить собственную митрополию, что привело его к разногласию с византийскими ставленниками. Разумеется, после падения Византии решать такие вопросы стало легче. Мало того, можно было самостоятельно наполнить православие какими-нибудь «особыми смыслами», не опасаясь обструкции. Ученые греки, конечно же, могли кое-что «поставить на вид», но кем они были в глазах московитов после гибели империи? А тем более, насколько серьезен был их авторитет перед лицом московского самодержца, который чуть ли не напрямую «общался» с Всевышним и уже успел «получить» от Него столько милостей? По идее, это грекам теперь надлежало внимать со смирением московским царям. Недаром Иван Грозный отверг условие патриарха Вселенской церкви официально короновать его через посланного в Москву экзарха.

Сигизмунд Герберштей приводит на сей счет весьма любопытные факты. Читаем: «В Москве мы (НГ конфиденциально) узнали, что константинопольский патриарх по просьбе самого московита прислал некоего монаха, по имени [106] Максимилиан, чтобы он по здравом суждении привел в порядок все книги, правила и отдельные уставы, относящиеся к вере. Когда Максимилиан исполнил это и, заметив много весьма тяжких заблуждений, объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком, так как не следует ни римскому, ни греческому закону — итак, повторяю, когда он сказал это, то, хотя государь очень благоволил к нему, он, говорят, исчез, а по мнению многих, его утопили. За три года до нашего приезда в Московию некий греческий купец из Каффы, Марк, как говорят, сказал то же самое и также был схвачен и убран с глаз долой, хотя турецкий посол крайне настойчиво ходатайствовал тогда за него. Грек Георгий, по прозвищу Малый, казнохранитель, канцлер (cancellarius, Cantzler) и главный советник государев, примкнувший к этому мнению и защищавший его, был немедленно за это отрешен от всех должностей и лишился государевой милости».

Вот вам реальное отношение к «греческим учителям» в эпоху становления «Третьего Рима». Посланников константинопольского патриарха не ставили ни в грош. Все это красноречиво свидетельствует об уровне авторитета православной Византии в глазах московских самодержцев.

Таким образом, заявка на «Третий Рим» была именно заявкой на полную самостоятельность как в политических, так и в духовных вопросах. То есть Московия выдвинула претензию на объем полномочий, равный тому, что был у Византии, а не на свою культурную и духовную тождественность. Иными словами, московиты не претендовали на то, чтобы уподобиться грекам. Они претендовали на исключительную для себя возможность быть единственной авторитетной инстанцией в вопросах веры. И как единственная инстанция, они трактовали православие так, как им считалось правильным, ибо именно они, собственно, и решали, что теперь правильное, а что нет. Да, уцелевшие где-то греческие монахи и священники могли быть с чем-то не согласны, но, повторяю, кто они теперь были такие, чтобы учить «избранный» народ, заявивший о своей исключительной праведности?

Пафос духовной исключительности — это как раз то, что красной нитью проходит у идеологов «Третьего Рима» и апологетов «особого пути». И как раз на основании такой высоченной самооценки авторитет тех же православных греков был весьма шаток. Точнее — поставлен в зависимость от того, насколько сами греки разделяли идею высокого «призвания» Московии быть оплотом духовности. Если на сей счет возникали какие-то сомнения, то это автоматически расценивалось как отступление от «истинного» православия. По данному поводу выдумывать ничего не приходится. У нас и по сей день патриотические авторы упрекают греков в том, что те не испытывали должного пиетета перед образом Святой Руси. Какие ж они, дескать, после этого «православные»? Нет — надменные невежды, грубияны и чревоугодники. Ничего-то в них духовного и не было. А стало быть, никакие они нам не учителя. Точка.

Принцип тоталитарной секты

В общем, московских правителей обожествили не потому, что они сравняли свой статус с византийскими императорами. А потому, что после гибели Византии их стремление к автократии уже фактически ничем не сдерживалось. И в данном случае даже их претензия на роль «преемников» красноречиво свидетельствует об уровне их амбиций. Стремление к автократии в данной ситуации — первично. Это и есть исходный момент в выстраивании идеологии «Третьего Рима». Идеология явно создавалась под интересы автократического режима. Мессианская роль Московии обретала свой подлинный смысл исключительно в этом самодержавном контексте, поскольку неограниченная власть царя оправдывалась только его особой «духовной» ролью, которую он играл не только в отношении своих подданных, но и — через мировое значение своего Царства - в отношении всех остальных народов.

Разумеется, в рамках идеологии все выглядит так, будто царь вначале добровольно взваливает на себя бремя священной миссии, а неограниченную власть получает, так сказать, «в довесок» - как необходимый инструмент для реализации великих целей. И все это, дескать – исключительно из высоких нравственных побуждений. И никак иначе.

Как мы понимаем, на то она и идеология, чтобы вырисовывать такую благостную картинку. В реальности, как показывает практика, правитель вначале стремится к неограниченной власти, следуя исключительно собственным амбициям. А в качестве «довеска» здесь выступает как раз идеологическое обоснование этой власти. В нашем случае — учение о вселенском значении «Третьего Рима» и его главы. И способы обработки сознания подданных здесь мало чем отличались от того, что было в осажденном Мюнстере, где на престол воссел «Царь Христос Иоганн Праведный». От царей Московии этого самозванца отличало разве что отсутствие формальных признаков легитимности. Не был он ни царского рода, не утвержден ни Сенатом, ни коллегией курфюрстов, не венчан на царство ни православным архиереем, ни римским папой. Его фанатичным единоверцам, конечно же, до таких формальностей не было никакого дела. Но для международного признания вопрос легитимности не был пустым звуком. Чтобы «Царя Христа» признали остальные страны и народы, надо было ни много, ни мало — завоевать остальной мир. Или хотя бы ту его часть, которая угрожала прямой расправой.

У «Иоганна Праведного» завоевать весь мир не получилось, за что он и поплатился. Но, его пример отчетливо показывает, что при определенных обстоятельствах можно стать абсолютным владыкой в отдельно взятом городе, а при наличии сильной армии – даже абсолютным владыкой в отдельно взятой стране. А если к этому еще прилагаются

формальные основания легитимности, то вы в состоянии вести нормальный диалог с государями других стран, как бы они при этом ни относились к вашему деспотизму. Самодержцы Московии явили миру тот же пример, что и Иоганн Лейденский в Мюнстере, только в масштабе одной большой страны.

Теперь разберемся с тем, какие у нас основания так утверждать. Я вынужден еще раз отметить, что разобраться в данном вопросе нам мешают устоявшиеся идеологические штампы, которые с легкостью принимаются за некий исторический факт. А именно то, что Московия — «преемница» Византийской империи, что идея «Третьего Рима» является своего рода констатацией «факта» данного «преемства», и что претензия Московии быть хранительницей православия вытекает из самой же православной веры, принесенной на Русь из той же Византии. Все это, еще раз говорю, - сплошная идеология.

А теперь посмотрим, как было на самом деле. Здесь нет ничего тайного. Все источники открыты, и картинка там вырисовывается однозначная. Просто наши апологеты «особого пути» стараются в упор не замечать очевидных фактов.

Символы священной власти

Начнем с самого простого. У нас до сих пор принято считать, будто двуглавый орел был гербом Византийской империи, который потом позаимствовали (как «преемники») правители Московии и сделали его официальным символом. В реальности двуглавый орел был эмблемой Палеологов. и. как принято считать, впервые он был использован Иваном III, женившимся на Софье Палеолог, которая до замужества была (о, ужас!) ... католичкой. Но дело даже не в том, когда и при ком на Руси появился такой герб. Дело в том, что двуглавый орел – очень распространенный символ, и прийти на Русь мог откуда угодно, даже из Западной Европы. Там им пользовались десятки знатных родов – в Англии, Франции, Германии, Нидерландах, Швейцарии, Италии. А также – в Далмации, Сербии, Чехии, Польше, Пруссии, Албании, Армении. Можно еще вспомнить империю хеттов и древнюю Персию. То есть, никакой прямой связи между Византийской империей и российским двуглавым орлом нет. Официально византийские императоры этим символом не пользовались вообще. Зато хорошо известно, что двуглавый орел был гербом Священной Римской империи, а по большому счету – на католическом Западе - как раз символизировал императорскую власть. Кроме того, такой же символ использовали герметисты. У них он обозначал единение двух противоположных начал, подразумевая высшую стадию алхимической трансмутации, то есть воплощение совершенства. Этим же символом охотно пользовались масоны.

Итак, что у нас получается? «Преемники» басилевсов, претендующие оберегать православие от католиков, алхимиков и масонов, принимают в качестве герба символ, имеющий широченное хождение как раз у супостатов. Как-то плохо это увязывается с «высокими» нравственными мотивами беречь Святую Русь от «духовной заразы» в лице того же католицизма. Что-то здесь не стыкуется. Для тех, кто еще не заметил противоречия между идеологией «Третьего Рима» (в принятой ныне трактовке) и реальной практикой московских правителей тех лет, разъясню специально, на знакомых примерах. Ну вот, скажем, Советский Союз заклеймил фашистскую идеологию как нравственную заразу, борется с ней всеми доступными способами, оберегает подрастающее поколение от тлетворного влияния. И вдруг товарищи из Политбюро принимают в качестве нового официального символа орла со свастикой. Вы можете себе такое представить? Я – нет.

То же было и во времена московских самодержцев. Двуглавого орла, популярного и на Западе, они приняли. Однако могли ли они принять, скажем, латинский крест или иной атрибут Римской церкви? Вот уж вряд ли. Следовательно, двуглавые орлы не вызывали у них никаких религиозных ассоциаций, точнее — никаких ассоциаций с католицизмом. Католицизм они не признавали, соответственно — не признавали за папами права давать им «благословение» на царство. Но самым примечательным фактом является то, что почти в то же время германские императоры также пытались подчеркнуть свою самостоятельность и снизить влияние Ватикана на их политику. И как раз на это время приходится принятие двуглавого орла (вместо одноглавого) в качестве официального символа Священной Римской империи. Апелляция к императорскому Риму была, как видим, общим местом для всех владык Европы, и установить «родство» с языческим Августом-кесарем христианские монархи пытались независимо от своей конфессиональной принадлежности. И когда германские императоры называли свою власть «священной», они тем самым подчеркивали не свою приверженность католической церкви, а свою свободу (пусть относительную) от папской опеки.

Не к тому ли стремились правители Московии, когда свою власть практически буквально сблизили с проявлением Божьей воли? Если римский папа был «всего лишь» наместником Бога, то самодержец шел дальше, выступая для своих подданных чуть ли не самим Богом. Сакрализация царской власти в своем предельном воплощении имеет именно такой результат. Тем же путем шли, как мы уже показали выше, и сектантские вожди. Иоганн Лейденский, провозглашенный «Царем Христом», вряд ли уже нуждался в папском благословении. Вот вам предельное воплощение автократии, пусть в ограниченном масштабе. Совмещение с атрибутами царства атрибутов священства на практике исключает какую-либо опеку со стороны церкви. Что значит здесь авторитет архиерея, если сам государь «источает» благодать, если он становится носителем высшего права управлять не только телами, но и душами своих подданных?

Сторонники «Третьего Рима» не придают особого значения данному обстоятельству. Точнее, претензии московских самодержцев на духовную роль привычно трактуются ими как показатель необычайной преданности первых русских царей православию. Дескать, так ревностно стремились они угодить Богу, что взвалили на себя еще и такие обязанности по сохранению благочестия среди подданных. Если же отвлечься от этих идеологических догм, то подобная «ревность» - необходимое условие все той же автократии, доведенной до предела. Не «управляй» самодержцы душами своих подданных, то данная функция полностью была бы в руках архиереев. А вместе с ней – религиозный авторитет и возможность ставить условия монарху. Следовательно, монарх, стремящийся к безусловной автократии, должен быть первым не только среди светских начальников, но и среди тех, кто официально наделен духовной властью. Замкнуть, так сказать, на себя все нити влияния. Авторитет царя не должен быть ниже авторитета любого церковного иерарха, иначе его «божья воля» будет поставлена в зависимость от воли официального божьего служителя.

В свете сказанного оценим теперь взаимоотношения правителей Московии с Римской церковью. Еще раз напомним, что на протяжении средних веков именно католическая церковь выступала в качестве главного ограничителя абсолютистских притязаний для светских правителей. Точнее, стремилась к этому по мере сил и возможностей. Именно римские папы не позволили французским королям уподобиться турецким султанам. И именно благодаря им «священная власть» германских императоров не превратилась в полноценную автократию на византийский манер (а тем более на манер все тех же восточных деспотий). Не удивительно, что эпоха абсолютизма в Западной Европе приходится на тот период, когда авторитет и позиции католической церкви были серьезно

подорваны. Именно тогда, между прочим, придворные философы стали дружно сочинять теории о «божественном» происхождении королевской власти. Монархи Западной Европы, подчеркну еще раз, преследовали такие же автократические цели, что и их коллеги в далекой Московии. И, сумев вырваться из-под опеки католической церкви, они фактически вышли на магистральный путь к автократии, для чего им как раз не хватало обожествления собственных персон.

Следующим логическим шагом должно было стать расширение властных полномочий, что неизбежно вело к конфликту с влиятельной родовой аристократией и зажиточными слоями населения. Полное подчинение «больших людей» - вплоть до изъятия крупной собственности и ее тотального огосударствления — необходимый шаг, как мы говорили выше, к утверждению подлинного (подчеркиваю — подлинного!) самовластья государей. И в такой борьбе священный ореол владык является самым надежным подспорьем, поскольку благодаря ему монарх способен заручиться поддержкой тех, кто никогда не любит знатных и богатых — на простонародье, на незнатный и бедный люд. На «массы», как принято говорить в современной политологии. Или «чернь» - по-старому. В принципе, в некоторых странах (самый яркий пример — Франция) события в целом развивались как раз по этому сценарию. Тем не менее, в Европе власть королей не привела к созданию тоталитарных режимов на восточный манер. Почему?

Скорее всего, сказалось не только усвоение римских политических институтов, но и то, что европейские монархи находились в состоянии непрекращающейся конкуренции за мировое влияние, где самым главным подспорьем для них являлась не только преданность масс, но и реальные достижения в материально-практической сфере, включая достижения науки и техники. Не стоит забывать, что установление абсолютистских режимов совпало с началом модернизации. И одно дело – добиваться господства внутри страны, другое дело – бороться за мировое влияние. А здесь невозможно обойтись, например, без материальных ресурсов, без развитого производства, без современных кораблей и современных вооружений. Модернизация, в свою очередь, немыслима без творческих, предприимчивых и образованных людей, без растущей экономики и новейших изобретений. Загнать общество в состояние религиозного исступления, отдать общественное сознание во власть сумасшедших проповедников – означало проиграть на пути научно-технического прогресса, а следовательно – банально лишиться суверенитета в силу проигрыша более продвинутому конкуренту. Разгром англичанами испанской «непобедимой армады» наглядно показал, что самовластье - ничто без хороших боевых кораблей и совершенных методов управления.

Таким образом, модернизация, став магистральным путем развития «по-европейски», стала преградой к установлению автократических режимов. Почему именно Европа шагнула этим путем – вопрос отдельный. Мы констатируем здесь лишь факт. Главное, на что бы хотелось обратить внимание, так это на то, что захлестнувшие Европу процессы секуляризации наивно увязывать только лишь с либерализацией сознания правящей верхушки, а равно приписывать эту либерализацию тогдашним королям, отчаянно боровшимся за расширение своих полномочий. Короли на тот период избавлялись от влияния церкви не во имя некой «прогрессивной» идеологии, а исключительно ради усиления личной власти. Что касается общественного сознания, то именно в эпоху Реформации оно было проникнуто мистицизмом, суевериями и верой во всякие пророчества. В принципе, ничто не мешало государям на волне оккультных увлечений и религиозной одержимости поиграть в «живых богов». Как мы отмечали, некоторым авантюристам такая роль удавалась вполне. Но что бы это означало на практике? Массовое одичание, торжество мракобесия и крах экономики. Умные и предприимчивые

люди подались бы в соседние страны, после чего «живому богу» не долго бы осталось почивать на лаврах.

Конечно, из истории мы знаем, что европейские монархи не упускали случая продемонстрировать народу свою «божественную» природу. Но в то же время они не устраивали социалистических экспериментов, оставляя талантливым, образованным и предприимчивым людям возможность свободно осуществлять свою деятельность. Во всяком случае университеты, перешедшие под крыло королей, не стали рассадниками мракобесия. Но, еще раз повторим, процессы секуляризации диктовались не стремлением к установлению каких-то либеральных форм правления, и именно стремлением королей к самовластью. Просто им, королям, хватало ума, чтобы четко осознавать одну простую истину: их могущество заключается не в их мнимо «божественной» природе (во что они сами не верили), а в конкретных земных достижениях. Ремесла, торговля, наука и техника давали гораздо больше, чем надрывные апелляции к потусторонним силам. Чтобы победить врага, куда важнее было иметь толковых ремесленников и ученых, чем ораву безумствующих проповедников. Тем более что Европа, в которой на то время насчитывались сотни университетов, обладала достаточно высоким уровнем интеллектуальной культуры, чтобы поддерживать у властвующих особ достаточно трезвое состояние ума.

В общем, в условиях модернизации появились новые и достаточно серьезные механизмы сдерживания королевских претензий на «божественный» статус, нежели авторитет папского престола. Однако до этого времени именно папский престол выступал основным ограничителем королевской воли. Главным фактором здесь была самостоятельность церкви и ее высокий авторитет в обществе. Самостоятельность, за которую папы вели отчаянную борьбу с германскими императорами, объявившими свою власть «священной». Кто знает, как далеко могли бы зайти императоры, если бы у них на пути не было столь могущественного противника. Как я уже сказал, «божественный» ореол помогает монарху заручиться поддержкой масс, а эта поддержка, в свою очередь, дает возможность успешно противодействовать крупной аристократии и прочим «большим людям», подчиняющимся государю только на взаимовыгодных условиях. Подлинная автократия, как мы понимаем, никаких договорных отношений не примелет. Служение монарху приравнивается здесь к служению Богу, а стало быть, обладает ценностью само по себе. Данную формулу прекрасно понимал Иван Грозный и даже попытался ее растолковать английской королеве Елизавете. Однако европейским королям во времена средневековья было не так-то просто претендовать на такие «божественные» почести, учитывая, что за их деятельностью ревниво надзирает столь серьезная инстанция по религиозным вопросам, как католическая церковь. «Воссиять» подобным образом на фоне духовного авторитета папы мог только отчаянный авантюрист. И то ненадолго.

Два «Римских царства»

И вот теперь в свете сказанного оценим взаимоотношения московских правителей с римской церковью. В данном случае я не вижу смысла, вслед за Яновым, доказывать «европейскую» природу политики Ивана III. Дело в том, что в его эпоху еще не было той «Европы», которую наши либералы сегодня считают образцовой. И даже непонятно было, куда заведут европейцев их идейные шатания. На перепутье стояла не только Московия, но и многие европейские страны. Идеологическое противопоставление «прогрессивного» Запада «архаичному» Востоку началось разве что со времен Просвещения. А в эпоху позднего средневековья продвинутые европейские интеллектуалы воспринимали Восток как кладезь мудрости и хранилище тайных знаний. Особо ревностных почитателей Востока инквизиция даже отправляла на костер. Так

произошло, например, с Джордано Бруно, который, вопреки распространенным суждениям, никаким просветителем не был. Он увлекался восточной магией, почитал древнеегипетский культ Солнца, и даже предлагал его возродить.

В общем, апелляции к Востоку были в ту пору делом привычным и в какой-то мере - модным. Европейские короли еще с XIII века завидовали восточным деспотам, способным утолять любые свои прихоти без страха оказаться отлученными от церкви. Скажем, не положено было христианским государям заводить гаремы или менять по желанию жен. Какие же они владыки, если в их личную жизнь вторгаются священники со своими условиями? Положение восточных деспотов в этом вопросе было куда привлекательнее. Короче говоря, и правители Московии, и их западные коллеги могли с одинаковым интересом взирать на тогдашний Восток. Было бы это «по-европейски» или нет – вопрос риторический.

Теперь как раз под указанным углом зрения рассмотрим отношение правителей поднимающейся Московии к римской церкви. Как мы знаем, традиционная, державнопатриотическая точка зрения объясняет неприятие «латинства» и папского престола со стороны московских самодержцев исключительно их преданностью православию. Однако этому объяснению противоречит парадоксально-либеральная версия доктора Янова насчет «реформаторских» устремлений первого «собирателя Руси» - Ивана III, который посмел замахнуться на церковные владения. Разумеется, данный шаг великого князя еще можно как-то состыковать с его «антилатинством». Был де этот князь непримиримым противником церковного землевладения. Хорошо, уступая доктору Янову, сочтем великого князя «реформатором». Однако странно то, что Иван Грозный, на которого Янов навешивает все обвинения в установлении тоталитаризма, с церковью церемонился еще меньше. Как видим, что-то во всех этих гипотезах не срастается. Если московские властители и впрямь были трепетными и смиренными чадами православной церкви, то их бесцеремонное обращение с ней как-то уж сильно контрастирует с приписываемой им ролью защитников истинной веры. С другой стороны, если возвышение над церковью означает некий реформационный шаг в сторону либерализации (как по своей советской привычке считает доктор Янов), то где эта «либерализация» в правлении Ивана Грозного?

На самом деле указанное поведение московских правителей вполне укладывается в обозначенную нами канву. Достаточно только отбросить идеологические штампы, как все встанет на свои места. Речь идет именно о безграничном усилении личной власти, на пути к которой самостоятельное и авторитетное священство (в лице церкви) выступает серьезной помехой. Самостоятельное и авторитетное священство умаляет авторитет монарха. Чтобы добиться безграничной власти, подчеркнем еще раз, нужно добиться безграничного авторитета во всем, а именно - возвыситься в том числе и над священством, стать его главой, соединить в едином лице и атрибуты царя, и атрибуты первосвященника. Именно так осуществляется подлинная сакрализация монархической власти. Церковь, в данном случае, либо сохраняет свою независимость, либо идет на уступки, полностью «ложится» под царя. Чего добились, в конечном итоге, московские самодержцы? А добились они ровно того, что полностью подмяли под себя иерархию русской православной церкви. Могли ли они то же самое сделать с иерархами римской церкви? Судя по всему, вряд ли. Здесь даже могущественные Габсбурги оказались бессильными. Что бы ни вытворяли европейские короли с римскими папами, католическая церковь – как целая разветвленная организация, обладающая авторитетом в обществе - не становилась их бессловесным инструментом. Она могла время от времени ослаблять свое влияние на властвующих особ, но до эпохи Просвещения ее позиции не были эфемерными.

Поэтому не было никакого резона у московских правителей принимать условия римских пап и получать от них «благословение» на царство. Тем более, учитывая основные тенденции эпохи, их европейские коллеги тоже начинали задирать голову. Участие Габсбургов в Контрреформации часто трактуют как попытку задавить «прогрессивные» силы в угоду папскому престолу. Однако не стоит забывать, что их императорский статус уже никак не зависел от папской воли, и политику они проводили вполне самостоятельную. Авторитет самой римской церкви к тому времени уже основательно пошатнулся, а в распространении лютеранства представители императорского дома ничего хорошего для себя не видели, поскольку лютеранство усиливало позиции «больших людей», да и вообще, всячески содействовало снижению «священного» ореола королевской власти.

Так что Габсбурги выступали отнюдь не в роли защитников авторитета католической церкви. Скорее, наоборот — выступая «за веру» на стороне Контрреформации, они усиливали свой собственный «священный» авторитет. По большому счету, борьба с Реформацией давала веское основание для вмешательства в решение «духовных» вопросов, что всегда является неотъемлемой обязанностью подлинно «священной» власти. Главное, чтобы проявлять здесь собственную инициативу, и всячески это подчеркивать. Короче говоря, позиция Габсбургов в сложившейся ситуации была вполне прагматичной и соответствовала их программе по созданию «единой Европы» под единой «священной» властью в лице императора. Беря на себя инициативу по защите католицизма, они, безусловно, возвышались в глазах простых верующих над церковной иерархией, неспособной собственными силами образумить отступников-протестантов. В случае благополучного исхода такой борьбы у правящего дома был хороший шанс стать подлинно «священными» владыками Европы, полностью подчинив церковь своему влиянию.

Не будем также забывать, что за такой статус германские императоры боролись со времен раннего средневековья. А право назначать епископов и покровительствовать папам было у них еще со времен основания Священной Римской Империи. Так что участие в Контрреформации как будто возвращало все на круги своя. Правда, начавшаяся модернизация поставила на этой проекте жирный крест. Но это как раз и был так называемый «европейский путь», ведущий к десакрализации королевской власти.

Не то, как мы знаем, происходило в России. В том смысле, что здесь проект по созданию «священного» государства привел к более впечатляющим результатам. И скорее всего, Московия руководствовалась здесь не столько примером Византии, сколько примером все той же Священной Римской империи. Похоже, что именно оттуда был заимствован в качестве герба знаменитый двуглавый орел. Моя гипотеза, конечно же, не претендует на оригинальность, поскольку в литературе такие версии высказывались. Просто в данном случае я стараюсь отделить идеологические догмы от фактов и логики. У нас Святую Русь принято отделять от западных политических традиций, полагая, будто претензия на святость своей страны и государства есть что-то особо русское, точнее – православнорусское. А тем временем к западу от России простиралась еще одна страна, претендующая на святость – Sacrum Imperium Romanium. То есть Священная Римская империя. Латинское «sacrum» можно переводить и как «святая». На Руси это государство называли «Римское царство». Иначе говоря, если его название переводить на тогдашний русский манер, то получится – «Святое Римское царство». А если, с другой стороны, понимать саму Русь как «Третий Рим», то мы получим еще одно «Святое Римское царство» во главе с московским самодержцем. И самое примечательное, что у обоих «Римских царств» был одинаковый герб – двуглавый орел (который, вспомним, в Византии официальным символом не был). Причем, совпадение было даже в некоторых мелких деталях. Так,

характерные зубчики кремлевских стен и башен в форме «ласточкина хвоста», появившиеся как раз при Иване III, были архитектурной чертой Гибеллинов – приверженцев власти германских императоров. Вот вам и Святая Русь!

Все только что сказанное показывает нам, куда на самом деле смотрели московские правители, чем вдохновлялись и к чему стремились. Еще одна примечательная деталь. Как было упомянуто выше, Иван Грозный придерживался легенды о связи Рюрика, призванного новгородцами на княжение, с римским родом Августа-кесаря. Разумеется, сам он не был изобретателем этой легенды, поскольку она была известна еще во времена его отца, великого князя Василия III. Ее изобретение приписывают тверскому монаху Спиридону-Савве. Однако для нашей темы важно то, что Иван Грозный открыто называл себя «немцем», поскольку, согласно легенде, Рюрик пришел из Прусской земли, где в свое время по распоряжению Августа поселился его родственник Прус.

Как следует из источников, Иван Грозный не только верил в свое «немецкое» происхождение, но даже гордился им. Известно высказывание англичанина Флетчера, посетившего Московию во время царствования Федора Ивановича: «Иван Васильевич, отец теперешнего царя, часто гордился, что предки его нерусские, как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови». Своих русских подданных, со слов англичанина, он считал «ворами». Немцев же, как свидетельствует лютеранский пастор Одеборн, царь Иван любил и давал им важные поручения и назначения. Он же, еще до царя Петра, ввел моду на неметчину. Насколько это соответствовало действительности, вникать пока не будем. Достаточно заявок Ивана Грозного на свое происхождение от германской знати.

При таком понимании своего происхождения Ивану Грозному ничто не мешало полагать себя «родственником» германских императоров, хотя бы тех же Габсбургов. Вот вам и еще одна составляющая нашего «Римского царства». Известно, что Иван Грозный считал себя равным германским императорам, и в порыве мании величия даже отказывался назвать «братом» шведского короля, не считая его себе ровней. Германский император — другое дело. Он «брат» московскому самодержцу не только по сану, но и по крови. Оба — «немцы». Мало того, если верить Антонию Поссевино, однажды, отсылая письма туркам, Иван Васильевич приказал именовать себя (помимо прочих титулов) еще и «германским императором».

При определенных обстоятельствах Габсбурги могли бы с чистой совестью объявить себя «законными» владыками «Третьего Рима», достаточно было Ивану Грозному оставить на сей счет соответствующее распоряжение. Что-то подобное, если я не ошибаюсь, как раз и было накануне Смуты, когда речь зашла о престолонаследии. И ведь все было бы в точном соответствии с теми же принципами, опираясь на которые, московские правители осуществляли «собирание Руси»: «вотчина моя эта!». Собственно, все формальности были бы соблюдены. Даже герб не пришлось бы менять.

Понимаю, что сторонники «особого пути» ни за что не смирятся с такой постановкой вопроса. Мы так уверовали в свою духовную самобытность и в чистоту русского православия, что любой намек на связь идеала Святой Руси с какой-то там «духовно чуждой» нам неметчиной воспринимается как кощунство. Однако совпадение гербов, названий государств и легендарная «римско-немецкая» родословная московских самодержцев - это лишь внешние признаки глубинных процессов. Если покопаться в идеологии, воцарившейся на просторах поднимающейся Московии, то мы сможем обнаружить и другие, куда более существенные проявления якобы чужеродной нам неметчины (а шире — «европейщины»).

Глава VIII ТАЙНАЯ СТОРОНА «СВЯТОЙ РУСИ»

Запретный «Восток»

Не подлежит, конечно же, никакому сомнению, что вся неметчина московских самодержцев не соответствовала той практике правления, что была в самой Германии. Оба «Римских царства» как-то отчетливо отличались друг от друга. «Священный» статус германских императоров (хотели они того или нет) был все-таки некой условностью, как и их «императорские» полномочия. В России же сложилось все по серьезному. Уж если власть царя признали «священной», то подданные демонстрировали данное обстоятельство наглядно — падали ниц перед своими владыками как перед живыми богами. И уж если царь брал на себя обязательство по «спасению» людских душ, то заявку свою обозначал конкретно — в души он лез с полным осознанием на то своих прав.

Мы, по привычке, такую практику прочно связываем с так называемым влиянием Востока, даже не удосуживаясь уточнять, о каком «Востоке» может идти речь. То ли это «наследие» Византии, то ли речь идет о тлетворном влиянии Орды. Или может, турки подбросили нехороший пример (ведь недаром же Иван Пересветов восхищался турецким султаном). Собственно, не важно: и там, и там — Восток. На этом все объяснения заканчиваются.

Выше я уже говорил о том, что этот самый умопомрачительный, загадочно-мистический «Восток» невесть с каких времен преспокойно существовал на том же Западе, и лишь со временем был выдавлен на периферию возрастающей мощью рациональности. Причем на эпоху Ивана Грозного пришлась как раз кульминация этой схватки. Запад стоял на пороге модернизации, и его выбор в пользу разума, в пользу наук и просвещения (в широком смысле слова) становился все более и более очевидным. А раз так, то позиции тех, кто традиционно, на «восточный» манер апеллировал к потустороннему и сверхъестественному, становились довольно шаткими. Если, например, в средние века вещать о скором наступлении Страшного суда было совершенно нормально и вполне обыденно, то с наступлением Нового времени подобные пророчества становились уделом маргиналов. Но на исходе средневековья, когда, как мы сказали, наступила кульминация борьбы за разумное начало, влияние мистиков и сумасшедших было достаточно велико.

Если говорить по существу, то Реформация наполовину была коллективным помешательством на почве мистицизма, и не где-нибудь, а именно в Германии. Отметим, что Германия была той европейской страной, где на протяжении столетий – вплоть до XIX века – рационалистические тенденции принимались в штыки со стороны не самых последних мыслителей. Точнее, как раз на немецкой почве появились когда-то самые яркие ниспровергатели рационализма. Это – исторический факт, известный любому человеку, мало-мальски знакомому с историей западной философии. Германия породила известнейших мистиков, значительно повлиявших не умы не только современников, но и жителей последующих веков. Нет никакой нужды доказывать, насколько сильна была у немцев тяга к мистицизму. Он проявлялся и явно, и завуалированно. Мистицизмом пронизано творчество немецких романтиков, мистицизм скрывается даже за наукообразными построениями корифеев немецкой классической философии – Гегеля, Шеллинга, Фихте.

Это – к вопросу о подлинном характере той самой «неметчины», что проникала на территорию Руси и поселялась в сознании людей, хоть как-то связанных с умственной деятельностью. На Руси долгое время не было ни университетов, ни академий, но это отнюдь не означает, что на ее просторы не проникали из той же Европы те или иные идеи. И пока мы источник идейного влияния упорно связываем исключительно с «Востоком», от нашего внимания все время ускользает западный след.

В нашем сознании как-то так укоренилось, будто претензия Московской Руси на особую духовную миссию не может быть связано с западным влиянием по определению. Как же, считает у нас любой почвенник: ведь на Западе в ту пору начиналась секуляризация, обмирщение, усиление светского начала и прочие проявления «бездуховности». А православная Московия, наоборот, всеми силами противодействовала этому «бездуховному» натиску, прочно держась за свою святоотеческую традицию. В принципе, даже любой западник абсолютно уверен в том, что Запад де просыпался тогда от «религиозного мрака», в то время как в Московии всячески противодействовали этому «светлому» влиянию. Ведь по мысли западников, влияние Европы обнаруживает себя исключительно в социальном и техническом прогрессе. Но уж никак не в консерватизме и не в одержимости религиозными идеями. Несмотря на противоположность оценок, существо вопроса понимается в обоих случаях совершенно одинаково. Ну никак, дескать, не мог образ Святой Руси (как он понимался в самодержавной Московии) сформироваться под воздействием западного влияния, поскольку влияние это было напрочь лишено всяких апелляций к святости. Других влияний, похоже, мы не предусматриваем.

Разумеется, за давностью лет многое из того, что было когда-то получено извне, со временем начинает восприниматься исключительно как свое, родное. И не просто родное, а совершенно «особенное», ради чего все силы положить не жалко. Далеко углубляться не стоит. Можно сослаться на совсем свежие примеры. Возьмем историю с коммунистическим учением, которое большевики притащили прямиком из Западной Европы, из все той же Германии. Но не успела отгрохотать гражданская война, как советская власть тут же ощетинилась против Запада, заявив об особой миссии Советской России. Ничего не напоминает? Социализм и учение Маркса вмиг стали «своими» и «родными». А пару поколений спустя самые «идейные» коммунисты из народа уже никак не ассоциировали свои «передовые» идеи с Западом, где они впервые и появились в форме «единственно верного» марксистского учения. Даже сам Маркс в сознании «идейных» русских коммунистов отодвигался в сторонку.

После крушения СССР искренне преданные социализму товарищи стали относиться к коммунистической идеологии как к нашему национальному духовному наследию. И попробуйте объяснить им, что Маркс был ярым русофобом, что первомайский праздник Труда был придуман в буржуазной Америке. В среде «идейных» коммунистов такие ссылки давно уже воспринимаются как дурной тон. Одержимость идеалом здесь сильнее любых аргументов. И уже не Германия, не Европа, не Америка считаются родиной учения об освобождении пролетариата, а именно Россия, русский народ. Чаще всего, конечно же, это произносится в качестве возвышенной метафоры. Однако некоторые очень «идейные» товарищи понимают такую трактовку буквально. А ведь, по историческим меркам, времени от создания учения до его практического воплощения в отдельно взятой стране прошло не так уж и много.

Пример с учением Маркса в этом плане весьма показателен. Отрицать, что оно родилось на Западе, невозможно. Как невозможно отрицать и того, что его активные носители и распространители из числа русских революционеров до своего прихода к власти в России слонялись по Европе как по своей родной земле. А в результате страна победившего

социализма семьдесят лет противостояла под красным флагом той же самой Европе. И никто этому не удивляется. Чего же тогда удивительного в том, что все наше почвенничество, претендующее на «особый путь», зародилось таким же образом?

Давайте в этой связи вспомним славянофилов. Они были откровенными почвенниками, постоянно апеллировали к православной традиции, критикуя западную рациональность и тамошние «римские институты». Не удивительно, что славянофилы почитали Московию и критиковали петровские реформы из-за сближения с Западом, способным якобы погубить нашу национальную самобытность. В порыве своих патриотических чувств некоторые из них даже рядились в косоворотки. И в то же время, как верно заметил Бердяев, славянофилы были людьми чисто западной культуры, получив образование в европейских университетах. Там они, собственно, и нахватались своих «почвеннических» идей, особо популярных в ту пору не где-то, а в Германии. Исторический процесс славянофилы понимали не иначе, как по Гегелю, а представления о славянских народах почерпнули в просветительских трудах Гердера. Да и их апелляции к православию были не столь уж однозначны. Славянофилы, например, были помешаны на идее объединения церквей. В ту пору это идея была очень популярна среди масонов (как и вообще все идеи объединения народов). Владимир Соловьев, хорошо знавший природу подобных учений, в одном месте (сноска в статье «Русская идея») прямо заявляет, что славянофил Хомяков воспринял идеи философа Борда-Демулена об «идеальном христианстве», придав им «ложную видимость греко-российского православия».

Тест на ересь

Что из сказанного следует? Если даже в просвещенном XIX веке некие защитники старины и апологеты национальной самобытности могли вот так запросто выдать идеи какого-то западного философа под видом православия, то что уж говорить об эпохе становления Московского царства! Много ли тогда было умников, способных разобрать то или иное учение по косточкам? Как мы упоминали, на Руси тогда не было ни университетов, ни академий. Это на Западе, в Европе, еретика могли, что называется, «вычислить» по отельным фразам и утверждениям. Потому что в Европе развивалась богословская традиция, изучалась философия, логика. В монастырях читались и переписывались труды корифеев философской мысли, проводились семинары, диспуты. Все это было в порядке вещей. По части гуманитарного образования средневековье было не таким уж и темным. Показательный пример. Когда Фома Аквинский (XIII век) прибыл в составе делегации (на пути в Рим) в какой-то захолустный монастырь Санта-Мария ди Фосса Нуова, тамошняя братия, узнав, что среди гостей оказался знаменитый «доктор Томас», тут же предложила ему организовать семинар.

Насколько известно, сам доктор Фома за свои увлечения Аристотелем мог бы преспокойно попасть в ряды еретиков, если бы заблаговременно не убедил парижского епископа в том, что философия Аристотеля не только не вредит Священному Писанию, но и наоборот — может стать замечательным подспорьем для его правильного толкования. Надо сказать, что далеко не всем мыслителям так везло. Задолго до Фомы Аквинского настоятель Мальмсберийского монастыря Иоганн Эриугена был убит монахами за свое «неправильное» учение о природе.

В противоположность Западной Европе, на Руси монахи не испытывали особой тяги к созданию собственных богословских и философских сочинений. Оттого-то нам так трудно сейчас понять, какими, собственно, мыслями и настроениями жила долгие годы иноческая братия русских православных монастырей, как там понимали само православие. Ведь

внешне отличить православного аскета от какого-нибудь странствующего богомила было практически невозможно. А свои сокровенные мысли в подробностях мало кто из них излагал. Кроме того, монахи долгое время шатались от одного монастыря к другому, и трудно было разобрать, кто были по жизни эти странники – действительно ли монахи, или те же богомильские проповедники? Скитальцев, разносящих религиозные идеи, в те времена, как мы уже говорили, было полно и в Европе. Но там по поводу своих взглядов принято было объясняться. Благо, было перед кем. И тогда становилось ясно, кто перед нами – истинный католик или же еретик.

А перед кем надо было объясняться на Руси? Особенно в условиях, когда каких-то объяснений и не требуется. Когда участие в ритуале, посты, молитвы и земные поклоны были исчерпывающим доказательством принадлежности человека к православию. На Западе открытое расхождение какого-нибудь богослова с установленными догматами влекло за собой осуждение в ереси, и никакими ритуальными действиями, никакими молитвами и никакой аскезой оправдать такое расхождение в глазах церковных властей было невозможно. Заблуждение ума с точки зрения католической церкви было обстоятельством куда более отягчающим, чем временные телесные слабости или отклонения воли.

Торжество рациональности первым делом закрепилось именно в западной церковной традиции. Заблудших призывали к покаянию. В противном же случае их ждал костер. Но чтобы выявить заблуждение, необходимы были его наглядные подтверждения. А таким подтверждением могла быть только приверженность к конкретно изложенному учению или же, в более серьезных случаях, создание такого учения. В развитой интеллектуальной среде подобные наглядные подтверждения своих взглядов – явление распространенное, ибо страсть к интеллектуальному творчеству неизбежно прорывает молчание. Здесь наружу вырывается слово, которое, как известно, не поймаешь.

На Западе таких творцов было достаточно, и не все из них получили похвалу от церкви. Выше мы уже упоминали учение Иоахима Флорского, жившего во второй половине XII века. Иоахим Флорский — это такой Гегель средневековья. Его учение о смене исторических эпох - эпохи Отца, Сына и Святого Духа - очень сильно отозвалось в умах и сердцах европейцев. Однако католическая церковь была совсем не в восторге от такой популярности, поскольку наиболее страстные почитатели Иоахима оказались в числе яростных еретиков и противников католицизма. И это при том, что сам Иоахим никогда не выступал против церкви и во всех отношениях был примерным монахом. В то же время его эсхатологические идеи приводили к выводам, сильно расходившимся с официальной церковной доктриной. Иоахим утверждал, будто мир находится в состоянии перехода от эпохи Сына к эпохе Святого Духа. Новая эпоха ознаменуется объединением церквей (знакомо?) и торжеством «Вечного Евангелия». Исчезнет разделение между людьми, исчезнет собственность, и вся земля будет покрыта монастырями. То есть установится рай на земле.

Тема земного рая уже разбиралась нами в самом начале. В принципе, Иоахим Флорский не был особенно оригинален, поскольку представления о смене исторических эпох и установлении некоего Божьего царства на земле были распространены по всему христианскому миру и звучали в произведениях разных авторов. По сути дела, здесь мы опять сталкиваемся со все тем же «райским» архетипом, что обнаруживался в разные времена у многих народов. Эпоха Святого Духа есть, по большому счету, лишь одно из его наиболее ярких для тогдашней Европы выражений. Именно поэтому, в силу универсальности и психологической значимости данного архетипа, пророчества о наступлении новых «светлых» времен (с акцентом на неизбежную предшествующую им

борьбу с силами зла) вызывают такой сильный отклик в общественном сознании. Указанным обстоятельством всегда стремились и стремятся по сию пору воспользоваться многочисленные сектантские проповедники. Причем совсем не важно, с помощью какой символики такие пророчества излагаются. В Европе еретики объявляли себя «истинными христианами», поскольку именно христианская символика в глазах простых людей обладала, так сказать, легитимностью. В Китае или в Индии подобные идеи излагались с помощью иных символов, но суть их от этого не менялась.

В этой связи уместно было бы спросить: а какую символику для выражения подобных взглядов стали бы использовать в православной Руси? Разумеется, символику, близкую православию. Тем более учтем, что многие еретики совершенно искренне считали себя «истинными христианами», обвиняя именно католицизм в отступлении от истины. Православие само по себе трактуется как «истинное христианство». Кроме того, в упомянутую эпоху православные наставники истово осуждали католическую церковь как раз за всё то же «отступление» от истины. Войти по этому вопросу в резонанс с западными еретиками было не сложно. Ненависть к «латинянам» в идейном плане неплохо объединяла тех и других. Что касается догматических вопросов, взглядов на мир и человека, то, как мы заметили, на Руси в ту пору их подробно не разбирали. Авторов, подобных Иоахиму Флорскому, здесь долгое время не было вообще. Насколько верно – с канонической точки зрения – иноки и миряне трактовали само православие, остается загадкой. Ритуальные практики играли более важную роль, нежели мыслительная деятельность.

Случай с Иоахимом Флорским тем и показателен, что безупречность в плане соблюдения внешнего благочестия сама по себе никак не гарантировала безупречность в плане осмысления христианского учения (с церковной позиции, разумеется). Если бы Иоахим за всю свою жизнь, наполненную постами и молитвами, ничего не написал, у церкви к нему не было бы никаких вопросов. Примерный католик во всех отношениях! Но, еще раз подчеркнем, что католическая церковь внимательно — очень внимательно — следила за тем, о чем думают ее подопечные, какие мысли выражают, какие идеи распространяют. Отношение к интеллектуальному творчеству, еще раз отмечу, было серьезным. Возможно именно потому, что на Западе данная сфера деятельности была весьма развита.

Стоит ли говорить о том, что на Руси, да еще в условиях ордынского разорения, мыслительная деятельность была не на высоте? Отсюда, с другой стороны, вытекало и небреженное отношение к богословским и тому подобным вопросам. Из-за низкой образованности клира и монашества понимание догматических основ православного учения было, скорее всего, весьма относительным. А значит, сама церковная власть вряд ли могла адекватно играть роль авторитетной инстанции, способной правильно оценивать какие-либо идейные течения. Кроме того, в головах у самих церковным иерархов тоже могло быть не больше порядка, чем в головах у их подопечных.

«Благочестивое» невежество

Антонио Поссевино, свидетельствующий о временах Ивана Грозного, указывал, что русские, почерпнув в старину греческую веру, уже во многом с ней расходятся. У него находим весьма примечательное высказывание: «Раньше митрополит московский утверждался константинопольским патриархом. При нынешнем государе он уже больше им не утверждается, и хотя многие исполняли эту обязанность, в конце концов были или убиты, или сосланы в монастыри. Считают, что перестали искать этого утверждения после того, как отец нынешнего государя, Василий, заключил в тюрьму греческого священника, вызванного от константинопольского патриарха. Когда этот священник узнал, что

московиты **расходятся в догматах веры** (выделено мной – О.Н.) и в некоторых обрядах не только с латинянами, но и с греками, он откровенно высказал это Василию. После этого он так и не смог освободиться из заключения (кстати, турецкий султан в своих письмах возражал против этого не очень решительно) и там, говорят кончил свои дни».

В другом месте Поссевино пишет о московитах следующее: «Все они, включая и монахов (а у всех здешних монастырей один устав и одна одежда), удивительно невежественны в науке, касающейся происхождения их вероучения. Некоторые даже не могли ответить, кто основатель их устава, когда мы у них об этом спрашивали». Он также обращает внимание на то, насколько ревностно в Московии относятся к проявлениям внешнего благочестия, оставляя при этом в полном пренебрежении вопросы образования. По его словам, если человек, научившийся грамоте, пожелает продолжить учение дальше, то тем самым он не избежит подозрения, и подобное стремление не окажется безнаказанным. Собственно, продолжить учение можно было только на Западе, и факт отсутствия в Московии учебных заведений такого уровня красноречив сам по себе. Поссевино дает свое объяснение московскому обскурантизму: «Таким путем, по-видимому, великие князья московские следят не столько за тем, чтобы устранить повод к ересям, которые могли бы из этого возникнуть, сколько за тем, чтобы пресечь путь, благодаря которому кто-либо мог бы сделаться более ученым и мудрым, чем сам государь».

К чему мы так подробно разбираем здесь этот вопрос? А к тому, что на том же Западе ни одно учение, в той или иной мере отклоняющееся от установленных догматов, не могло просто так заявить о себе от лица католицизма. За этим там очень внимательно следили, и некоторым авторитетам пришлось потратить немало умственных усилий, чтобы доказать свою лояльность церкви. Поэтому явные еретики вещали от имени некоего «истинного христианства», вступая в открытую конфронтацию с католической церковью. А вот на Руси — в силу указанных выше обстоятельств — под видом «православия» вполне могло утвердиться то, что с православным вероучением напрямую никак связано не было. Данное обстоятельство вскрылось позднее, во времена Раскола, когда не без помощи ученых греков в русском православии были обнаружены кричащие несоответствия с каноническим учением. Одним из таких кричащих несоответствий как раз и были популярные легенды о мессианском призвании православной Руси, о чем по сию пору со вздохом говорят апологеты «особого пути».

В частности, в 1667 году на Большом Московском соборе была подвергнута осуждению «Повесть о белом клобуке», с которой была напрямую связана мистическая доктрина «Москвы - Третьего Рима». Считается, что противники никонианства, выступившие как защитники «благочестивой старины», были особо огорчены таким отношением к популярному преданию, на котором, в общем-то, и выстраивалось идеологическое обоснование русского мессианства. Аввакум в своих письмах царю Алексею Михайловичу открыто ссылался на эту легенду как на непререкаемый источник истины, изобличая при этом «греческие» увлечения никониан: «Ведаешь ли, писано се во Истории о белом клабуце и, ведая, почто истинну в неправде содержиши? Сего ради открывается гнев Божий на вас и бысть многажды ты наказан от Бога и все царство твое, да не позналися есте» (Аввакум, 95).

Надо сказать, что старообрядцев – прямо или косвенно – в нашей патриотической литературе преподносят как носителей и хранителей каких-то сокровенных идей, причем независимо от того, соответствовали эти идеи догматам веры или нет. И это очень показательный факт, наглядно демонстрирующий, что утвержденные догматы для почитателей «Святой Руси» - совершенно не указ. Если же называть вещи своими

именами, то русское мессианство содержит в своей идейной основе откровенно еретический компонент, истоки которого проследить не так уж сложно.

Мессианская эстафета

Самое интересное, что здесь давно уже нет никакой загадки, даже для тех, кто искренне разделяет учение о русском мессианстве. Например, Сергей Зеньковский в своем известном труде о старообрядчестве, не моргнув глазом, отсылает нас к Иоахиму Флорскому и его последователям. Он напоминает о том, что учение об особом духовном призвании Руси получило в конце XV столетия серьезную проработку в трудах таких авторитетов, как Иосиф Волоцкий и архиепископ Новгородский Геннадий. Оба, как пишет Зеньковский, «разработали теорию исключительного значения России в судьбах всего христианского мира» (запомним – ВСЕГО ХРИСТИАНСКОГО МИРА!). Так, Иосиф Волоцкий в предисловии к своему «Просветителю» заявлял, что «...яко древние нечестие превзыде русская земля [во времена язычества], так ныне благочестием всех одоле». Архиепископ Геннадий – друг и сподвижник преподобного Иосифа – считается составителем и распространителем упомянутой «Повести о белом клобуке», где прямым текстом заявлено, будто «...в третьем же Риме, еже есть на русской земле — благодать Святого Духа воссия».

Зеньковский по этому поводу делает такое, вполне резонное замечание: «Учение о «третьем царстве», как царстве Святого Духа, которое еще придет на землю вслед за царством Бога Отца, царством Ветхого Завета и закона — и царством Сына, царством Нового Завета и временем спасения, — зародилось в учении хилиастов еще в первые века христианства. Оно было распространено в раннем Средневековье и в Византии. Тем не менее, можно предполагать, что более близкие, непосредственные, источники этой доктрины, развитой в Белом Клобуке, были скорее западного, чем непосредственно Византийского происхождения».

Далее, как и следовало ожидать, он упоминает Иоахима Флорского и его последователей. Уместно привести следующее высказывание: «Эта доктрина царства Святого Духа, возвещавшая конец нашей грешной эры и наступление нового духовного и святого века, несомненно проникла с Запада и оживилась в связи с ожидаемым в 1492 году окончанием исторического мира». Правда, по мнению Зеньковского, знакомство с этой доктриной происходило, так сказать, по открытым, «легальным» каналам – либо через католических монахов, либо через посланцев архиепископа Геннадия в Рим. Ничего темного и сомнительного вроде и не было (если, конечно же, не считать сомнительным такое внимание приверженцев «наичистейшего» православия к учению не совсем духовно чистых «латинян»). Тем не менее, важно само признание того, что за образом Святой Руси скрывается хилиастическая доктрина о наступлении царства Святого Духа. Была ли она «католической», как пишет Зеньковский, сути дела не меняет. Главное, что она преспокойно пришла с Запада – с того самого Запада, которому в течение пары столетий надрывно противопоставляли свое «благочестивое» царство московские самодержцы. Настолько противопоставляли, что даже после общения с заезжими католиками демонстративно омывали руки в золотой чаше, смывая «нечистоту», исходящую от неверных. Поссевино, например, не скрывал своего возмущения этим «позорным» обычаем, коему продолжал следовать Иван Грозный (вслед за своим отцом Василием III).

Таким образом, даже такие лояльные православной традиции авторы, как Сергей Зеньковский, открыто признают, что представление о русском мессианстве ни в коей мере не навеяно фактом «переноса» самодержавного престола из Византии в Московию. Иначе говоря, между учением о вселенском призвании Святой Руси и греческим православием

нет никакой прямой связи. Русское мессианство - этот наш «особый путь» - поднималось на дрожжах хилиастических идей, бурливших в средневековой Европе. Причем, вопреки высказываниям Зеньковского, учение о царстве Святого Духа отнюдь не было всего лишь отвлеченной «католической теорией» (по его выражению). Во всяком случае, эту «теорию» на протяжении многих веков пытались осуществить на практике самые непримиримые противники католицизма. Как мы знаем, претензии радикальных еретических сект на построение своего земного «царства Божия» так или иначе основывались на пророчествах о наступлении новой эпохи.

Мы уже видели на примере немецких анабаптистов, какую роль играли такие пророчества в деле мобилизации недовольного населения против существующих порядков. Самое важное, что авторитет этих пророчеств (как и авторитет самих «пророков») абсолютно никак не увязывался с догматами веры. «Пророк» якобы непосредственно получал «откровение» свыше, будучи «избранником» Бога. Следовательно, его утверждения сами по себе имели статус неоспоримой истины, не нуждающейся ни в каком дополнительном обосновании с позиций Священного Писания или церковных канонов.

К чему вели все эти еретические «откровения», было уже показано выше. Несмотря на массовое распространение ересей, эксперименты по установлению рая на земле были обречены на поражение. Во всяком случае — в зоне влияния католической церкви, обладавшей серьезным инструментарием для ликвидации столь дерзких начинаний. И лишь в одной европейской (на тот момент) стране подобный эксперимент дал весьма впечатляющий результат, закрепленный почти на два столетия. О какой стране идет речь, можно и не гадать. Конечно же, речь идет о самодержавной Московии.

Фактически, еще задолго до появления «научного коммунизма» в Европе было несколько попыток осуществить самую настоящую мировую революцию. Еретики, напомним, ставили перед собой глобальные цели — преобразовать мир, объединить все человечество (а как иначе, коль речь шла о новой мировой эпохе). Коммунисты, собственно, ничего оригинального не открыли, а только «по-научному» перефразировали старые еретические учения. И все те же катары, богомилы, дольчиниты, адамиты и анабаптисты были их предшественниками (о чем, кстати, уже достаточно много написано).

Вырисовывается знакомая картина: средневековая Европа бурлит от социальных протестов, легионы борцов за «новый мир» (то есть за рай на земле) время от времени нагоняют жути на верных католиков, однако вожделенное царство Святого Духа никак не проявляется наглядным, зримым образом. Иоахим Флорский загадывал это событие на 1260 год, однако, в силу реальных обстоятельств, его последователям приходилось регулярно отодвигать в будущее эту волнующую дату.

И тут вдруг в отдельно взятой стране сие событие как будто свершилось! Или почти свершилось. Точнее – страна была на пороге воплощения долгожданной мечты: царство Святого Духа начинается с Московской Руси: ««...в третьем же Риме, еже есть на русской земле — благодать Святого Духа воссия». Потому как русский народ «ныне благочестием всех одоле». А поскольку данное событие, как мы отметили, имело мировое значение, то отсюда на Святую Русь возлагалась упомянутая миссия по объединению всех народов в Духе Святом. В общем, русскому народу надлежало осуществить мечту всех радикальных европейских сектантов, безуспешно пытавшихся объединить все народы мира. Инструментом такого объединения должна была выступить Русская держава, то есть Московия – как «образцовое» государство, скрепленное властью «священного» владыки, обязанного исполнять эту мессианскую роль.

Возвышенные цели и горькие плоды

В общем, вот так неожиданно у товарища Ленина, «творчески» переосмыслившего марксистское учение о мировой революции, обнаруживаются далекие предшественники, столь же творчески переосмыслившие популярные в тогдашней Европе идеи. Мне, конечно, могут возразить тем, что Иосиф Волоцкий и архиепископ Геннадий боролись за самостоятельность русской православной церкви и даже и не думали оправдывать самодержавный деспотизм (именно так рассуждает Зеньковский). Однако это обстоятельство не меняет сути дела. Если уж проводить аналогию до конца, то стоит заметить, что идеологи социалистической революции также ни о каком деспотизме в стиле товарища Сталина не помышляли. Наоборот, русская революционная интеллигенция была помешана на идеалах свободы (как, впрочем, и провозвестники царства Святого Духа — они тоже помышляли о торжестве свободы).

Учение Маркса, как мы знаем, вообще заявляло об отмирании государства при победе коммунизма, и даже называло коммунистическую формацию «царством свободы» (опять совпадение с царством Святого Духа!). Ленин писал о «диктатуре пролетариата», совершенно не имея в виду единоличное правление коммунистического вождя. Но, как мы знаем, светлая теория очень часто расходится с практикой, хотя практику проницательные люди вполне могут предвидеть благодаря непредвзятому осмыслению выкладок теоретиков. У серьезных мыслителей в дореволюционной России не было никаких иллюзий насчет реальных плодов победы социализма. Вероятность небывалого деспотизма они угадывали со стопроцентной точностью, поскольку любые претензии на преображение мира сулят торжество деспотизма, а деспотизм, в свою очередь, на практике всегда персонифицируется. Уже само стремление навязать миру, обществу некий идеал является наглядным отражением деспотической установки, какие бы благие намерения при этом ни декларировались.

С другой стороны, надо понимать, что великими тиранами наподобие Ивана Грозного или Сталина не становятся по одной лишь прихоти. Личные побуждения к власти сами по себе такого результата не дают. Чтобы стать в глазах народа живым богом, необходимо, чтобы народу на сей счет кто-нибудь сделал серьезные внушения, целенаправленно промыл людям мозги. Кто будет этим заниматься, известно. Этим как раз и занимаются указанные проповедники, властители, так сказать, людских душ. На данном поприще они выступают как реальная сила, содействующая укреплению неограниченной власти тирана. И при определенных обстоятельствах правитель даже может стать игрушкой в их руках. Тут многое, конечно же, зависит от его личных качеств. Но в любом случаи они нужны друг другу.

Так что нет ничего удивительного и противоречивого в том, что красивая и возвышенная легенда о мессианской роли Третьего Рима на практике оправдывала царский деспотизм. У нас, например, по сию пору преступления сталинского режима пытаются оправдать масштабом задач, которые ставила перед собой советская власть. Уничтожение людей во имя «великой цели» в глазах целой когорты патриотов не считается преступлением. Что говорить о событиях пятисотлетней давности. Так называемое «собирание Руси» воспринималось как дело вполне «богоугодное». И не суть важно, насколько сами правители Московии верили в легенду о своем историческом призвании. Возможно, они в это верили совершенно искренне – что только прибавляло им энтузиазма. Однако что больше всего занимает нас в этой истории – так это сам источник вдохновения. Ведь вдохновлялись, подчеркну еще раз, - еретической идеей! И даже если (по примеру Сергея Зеньковского) вы назовете ее «католической теорией», то это тоже вряд ли положительно скажется на репутации Московской Руси как хранительнице «чистой» православной веры.

Что эта за «чистота» такая, если католические богословы умудрились здесь так сильно наследить своими теориями? Да еще в такое время, когда благочестивые московиты воротили нос от «латинян» как от прокаженных. В общем, компромиссная гипотеза Зеньковского, явно не желавшего связывать русское мессианство с западными ересями, суть вопроса не меняет. Идея об историческом призвании Московии не имеет никакого отношения к православному вероучению. И это главное. Напомню еще раз, что на церковном соборе 1667 года легенда о Белом Клобуке была официально признана «лживой». И наверное, для таких выводов были веские основания.

Московские «пророки»

Нельзя не обратить внимания на то, что все эти возвышенные тирады в адрес Третьего Рима по форме и по сути своей выступают как пророчества - с явной претензией на самостоятельную значимость. То есть без всякой связи со Священным Писанием и догматами веры. Я уже говорил про Аввакума, ссылавшегося на легенду о Белом Клобуке как на источник истины, с коим самодержец обязан считаться так, будто речь идет о религиозном откровении. Еще раз напомню, что подобного рода «откровения» были в ходу у еретических проповедников. Аввакум в этом плане мало чем отличается от какогонибудь анабаптистского «пророка». Достаточно прочитать его письма, чтобы убедиться в этом. В одной из «Бесед» он вещает: «... Я, братия моя, видал антихриста тово, собаку бешеную, – право, видал, да и сказать не знаю как. <...> Знаю я по писанию о Христе и без показания, скоро ему быть» (260). В споре с дьяконом Федором он открыто заявляет: ««...а я небесные тайны вещаю – мне дано!» (С. Зеньковский, 373).

Царя Алексея Михайловича Аввакум стращает небесными карами прямо как реальный посланник Всевышнего: «Сего ради открывается гнев Божий на вас и бысть многажды ты наказан от Бога и все царство твое, да не позналися есте». (95). В другом месте он идет еще дальше, заявляя царю: «Видишь ли, самодержавне? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне Сын Божий покорил за темничное сидение и небо и землю; <...> небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь — Бог мне дал, якож выше того рекох». (97). Его сыну — царю Федору Алексеевичу - он делает такое внушение: «Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от Спаса; то ему за свою правду». (99).

Вот так вот просто: «слышал я от Спаса». Одним словом — «божий избранник», «пророк». Зачем ему вникать в какие-то церковные догматы, коль он и без того на прямой связи с Господом? Чем, в таком случае, Аввакум отличается от анабаптистских проповедников — таких же «пророков» и «избранников»?

А ведь именно люди, подобные Аввакуму, как нельзя лучше передают мироощущение провозвестников Третьего Рима, поскольку являются их принципиальными идейными последователями. В литературе, посвященной радикальному расколу, давно уже стало общим местом подчеркивать преданность русских раскольников мессианским идеалам, принятым в Московском царстве. У Сергея Зеньковского читаем: «Почти что совсем забыт тот факт, что именно старообрядцы сохранили и развили учение о особом историческом пути русского народа, «святой Руси», православного «Третьего Рима» и что в значительной степени благодаря им эти идеи снова уже в прошлом и этом столетиях заинтересовали русские умы». Об этом же пишет и такой уважаемый авторитет, как Георгий Флоровский: «Мечта раскола была о здешнем граде, о граде земном, — теократическая утопия, теократический хилиазм. И хотелось верить, что мечта уже сбылась, и «Царствие» осуществилось под видом Московского государства». (67 – 68). В том же духе рассуждает другой авторитет - Василий Зеньковский (не путать с Сергеем Зеньковским): «Поспешное усвоение священного смысла царской власти, вся эта

удивительная «поэма» о «Москве — Третьем Риме» — все это цветы утопизма в плане теократическом, все это росло из страстной жажды приблизиться к воплощению Царства Божия на земле. Это был некий удивительный миф, выраставший из потребности сочетать небесное и земное, божественное и человеческое в конкретной реальности» (т. 40).

Как видим, авторитетные авторы дают исчерпывающую характеристику той идеологии, на которой возвышалось московское самодержавие: «теократический хилиазм», «мечта о граде земном», «утопизм». Обычно такие термины адресуют упоминавшимся средневековым ересям. Правда, в нашей литературе нехорошее слово «ересь» к идеологии «Третьего Рима» стараются не применять. Просто де у русских духовных вождей была «страстная жажда» воплотить Царство Божие на земле (знакомый тон, не правда ли?). Что же, в таком случае, было у западноевропейских еретиков? Их, насколько нам известно, за такую же «страстную жажду» могли преспокойно отправить на костер. На Руси, как я уже отмечал, такой серьезной инстанции, способной «квалифицированно» отделить зерна от плевел, не было. А если быть точнее, то у нас на «распознание» еретиков претендовали как раз те деятели, которые сами и утверждали «удивительные мифы» о воплощении Царства Божия на земле. Напомним, что самыми главными борцами с ересями на заре московского самодержавия были Иосиф Волоцкий и архиепископ Геннадий. Себя они к еретикам, конечно же, не причисляли, зато активно содействовали воцарению в русском православии легенд, впоследствии официально признанных «лживыми».

Мы не можем, конечно же, утверждать, что вся русская православная церковь оказалась в руках еретиков-хилиастов. То есть нельзя говорить о том, будто важные места в церковной организации заняли какие-то сектанты. Речь, специально подчеркну, идет о проникновении в ряды клира и монашества определенных идей, расходящихся с догматами православного вероучения. Те же идеи широко циркулировали и на чисто бытовом уровне, среди мирян. Просто в силу невысокого уровня интеллектуальной культуры, в силу отсутствия серьезной богословской традиции какая-либо сомнительная «теория» вполне могла избежать критической оценки. Иначе говоря, большинство людей — включая и мирян, и церковников — искренне считали себя православными, даже разделяя идеи, весьма далекие от догматов веры. В такие тонкости, судя по всему, тогда мало кто вникал.

Другой вопрос: были ли в рядах русской церкви «сознательные» еретики, вроде упоминавшихся богомилов или анабаптистов (кстати, генетически тесно между собой связанных)? Исключить этого нельзя. Вполне возможно, кому-то из сектантов удавалось проникать в монастыри и даже в число священнослужителей и там, под видом православия, распространять свои идеи. Ведь как-то проникли в церковь антитринитарии («жидовствующие»), открыто ничем не выдавая свою причастность к ереси (если, конечно, раздутое против них дело не является преувеличением преподобного Иосифа)? Курбский в своем произведении об Иване Грозном говорит о каких-то заволжских «лютеранах». В принципе, еще раз подчеркну, ничего странного в такой инфильтрации еретиков нет. Такое было и у католиков. На Западе немало святейших особ втайне (а иногда и открыто) увлекались оккультизмом, алхимией, магией, изучали гностические трактаты. Католическая церковь в этом плане тоже не без греха. Хотя здесь, еще раз упомянем, был серьезный внешний цензор, препятствующий тому, чтобы запретные увлечения выдавались за суть католического вероучения.

На Руси в этом плане ситуация отличалась. Проникнув, например, в ряды монастырской братии, еретик мог распространять свои взгляды под видом православия, не сильно-то и рискуя быть обличенным в лжеучении. В таких условиях его последователи (если они появлялись) распространяли воспринятые ими идеи, нимало не сомневаясь в их

правильности. Таким образом, за долгие годы русское православие наполнялось разными взглядами и идеями, сомнительными с точки зрения канонического учения. Но кто их там специально классифицировал, кто разбирал, кто оценивал? Как я уже показывал, расхождение с догматами не создает помехи для чисто обрядовой стороны религиозной жизни. А на Руси (и по сию пору в России) принадлежность православию определялась, прежде всего, по соблюдению обрядов. Не важно, что там у человека на уме, не важно даже, насколько он в своей жизни придерживается заповедей. Куда важнее, придерживается ли он утвержденного распорядка, насколько ревностен он в соблюдении ритуала. Так называемое «обрядоверие» - здесь очень удачный термин. Ведь на Руси и само благочестие соизмерялось с количеством земных поклонов, молитв и постов.

Поэтому, если принятая «теория» не вступала в противоречие с ритуальной практикой, не нарушала установленный распорядок, то она вряд ли подвергалась сомнению. Если же говорить о московском «теократическом хилиазме», то эта идея в глазах московитов приобретала дополнительную ценность именно в силу того, что возвеличивала ритуальную практику, выдвигала участие в религиозных обрядах на первый план. Ведь «благочестивому» русскому народу, взвалившему на себя мессианское бремя, надлежало молиться, поститься и бить земные поклоны намного чаще, чем это было у тех, кому не выпала такая историческая миссия. А учитывая то обстоятельство, что Святая Русь должна была воплотить Царство Божие на земле, вся жизнь здесь должна была рано или поздно превратиться в одну непрерывную церковную службу. Идея «вечной литургии» была, кстати, основным компонентом нашего «теократического хилиазма». Накануне раскола ее пытались реанимировать так называемые боголюбцы, в число которых входил и протопоп Аввакум. В их действиях, по сути, заключалась попытка отвернуть общество от соблазнов обмирщения, то есть от обычной светской жизни, повернуть людей в сторону того самого «благочестия», коим и должна выделяться Святая Русь как воплощение Царства Божия на земле.

К чему бы свелась на практике такая «райская жизнь», можно понять из наставлений Аввакума боярыне Морозовой: «Дни наши не радости, но плача суть. Вспомни: когда ты родилася, не взыграла, но заплакала, от утробы исшед матерни. И всякий младенец тако творит, прознаменуя плаченное сие житие, яко дние плача суть, а не праздника». (109). Это говорит протопоп, то есть (по статусу) наставник мирян! Хотя ощущение такое, будто это игумен обращается к братии. То есть в поучениях Аввакума угадываются вполне отчетливые сектантские интонации. Так среди мирян вполне мог вещать какой-нибудь богомильский проповедник. И совсем не исключено, что Аввакум и его сподвижники из числа боголюбцев не являлись каким-то экстраординарным случаем в истории русской церкви. Скорее всего, на Руси такой аскетический пафос был обычным явлением для разных проповедников, излагавших простым людям взгляд на суть «истинно православной» (в их понимании) жизни. И длилось это несколько столетий, пока, наконец, из-за Раскола такие проповедники не оказались в самом подобающем для них месте – в староверческих сектах.

Глава IX КОРНИ «НАРОДНОГО ПРАВОСЛАВИЯ»

Альбигойцы и раскольники

Сопоставим два исторических эпизода. Первый – из истории разгрома альбигойцев (катаров), XIII век. Свидетельствует католический хронист Петр Сернейский:

«Затем в укрепленный город зашел наш граф, и как добрый католик, желающий, чтобы каждый получил спасение и приобщился к знанию истины, он пошел туда, где были собраны еретики, принявшись уговаривать их обратиться в католическую веру. Но поскольку не последовало никакого ответа, он приказал вывести их за укрепления; там было сто сорок еретиков в сане «совершенных», если не больше. Был разведен большой костер, и всех их туда побросали. Нашим не было необходимости даже их туда бросать, ибо, закоренелые в своей ереси, они сами в него бросались».

Второй эпизод относится к раскольничьим гарям, конец XVII века. Свидетельствует Аввакум в своей «Книге Бесед»:

«А по Волге той живущих во градех, и в селех, и в деревенках тысяща тысящими положено под мечь, нехотящих принять печати антихристовы. А иные ревнители закона суть, уразумевше лесть отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающеся во дворы з женами и детьми и сожигахуся огнем своею волею».

Обратим внимание: сжигаются раскольники «своею волею». Аввакум по этому поводу приходит в... восторг:

«А в Нижнем преславно бысть: овых еретики пожигают, а инии распалившеся любовию о правоверии, не дождавшись еретического осуждения, сами в огонь дерзнувше...».

Сергей Зеньковский приводит еще несколько свидетельств: «"В нижнегородской области многие бо тысячи огнем во овинах и избах сгореша, в луговой стороне в морильнях от своих учителей закрыты померли", — сообщал Фролов. Правительственные сообщения, к сожалению, подтверждают эти рассказы старообрядческих писателей. "В том же году, в Нижегородском Закудемском стану во многих селах и деревнях крестьяне к Божьим церквям не приходили и пенье церковное и таинств не принимали, и во всем от раскольников розвращалися, и многие по прелести их с женами и детьми на овинах пожигалися", — доносили царские власти с Волги».

Описывая фанатизм сектантов, Зеньковский отмечает, с каким энтузиазмом они шли на смерть: «Участники гарей, обнявшись, прыгали с крыш верхних горенок изб в пламя костров. Охвативши друг друга, девушки с разбегу бросались в огонь, дети тянули в огонь родных, отцы и матери шли на гари с младенцами в руках» (Зеньковский С. А., с. 470 – 471).

Как мы знаем, сопротивление никоновским преобразованиям носило массовый характер, доходя до описанных выше крайностей. Впечатление такое, что в России происходила масштабная акция по искоренению ереси, наподобие того, что было в Западной Европе во время альбигойских войн или во время Реформации. Имеем ли мы право на такие параллели?

Примечательно, что у того же Зеньковского мы находим сравнения наших раскольников с западными сектантами. Аналогии с катарами и анабаптистами здесь, в принципе, напрашиваются сами собой. Зеньковский даже сравнивает осажденный Соловецкий монастырь с осажденным Мюнстером, в котором держали оборону фанатики-анабаптисты. Разумеется, здесь возникает закономерный вопрос: было ли такое совпадение случайным, или же между русскими раскольниками и западными сектантами действительно существовала какая-то связь, какое-то принципиальное сходство во взглядах на мир? Была ли у них общая идеология и единые истоки?

Надо сказать, что у нас как-то не любят слишком серьезно развивать данную тему. Например, читая Зеньковского, я так и не получил внятного ответа на поставленный выше вопрос. Немалую долю вины за фанатизм и изуверство он возлагает на отца Капитона и лесных старцев, правда, совершенно не размышляя о том, откуда они взялись на русской земле, и в чем была причина их влияния. Хлыстов он вообще отделяет от старообрядческого движения, считая данную секту вредным иностранным поветрием, подмазавшимся к расколу. Но с чего бы это вдруг люди, жившие в православной среде, пустились в крайности, словно умалишенные?

Обычно наши авторы за ответом в карман не лезут. Просто, мол, все фанатики склонны к крайним реакциям, вплоть до самоубийства. Но ведь дело-то не в психологии религиозного фанатизма. Дело в том, что ко всем этим крайностям, к самоубийствам призывали не только невесть откуда взявшиеся проповедники, но и представители русской православной церкви, до раскола находившиеся, так сказать, на вполне легальном положении. Аввакум происходил из священников и в числе каких-то сектантов не значился. Фанатизм, с которым он осуществлял свою пастырскую деятельность, обычно приписывают его личному характеру, а не следованию какому-то запретному учению. Неужели только из-за своего темперамента он стал так восхищаться гарями? А как же тогда традиционно христианское осуждение самоубийств? Ведь и в числе сторонников раскола были проповедники, которые считали самосожжение весьма сомнительным («не по закону») актом именно с христианской точки зрения. Чем тогда объяснить массовые самоубийства? Уж явно не православным взглядом на мир. Но что тогда это были за взгляды, и откуда они появились?

Пожалуй, наиболее красноречивым фактом является то, что среди тех, кто призывал к самосожжению, были иноки Соловецкого монастыря. Сказать о том, будто монахи плохо понимали суть православного учения, было бы с нашей стороны как-то неосмотрительно. Это простые крестьяне, не видавшие в глаза ни Священного Писания, ни трудов святых отцов, еще могли находиться в заблуждении на сей счет. Но монахам-то уж впору было понимать основные положения своей веры. А категорическое осуждение самоубийства – как раз одно из них. И тем не менее, в рядах иноческой братии (да еще такого знаменитого в те времена монастыря, как Соловки) были сторонники самосожжения. О чем это свидетельствует? Только о том, что среди монахов были сознательные последователи учения, далекого, по сути, от православия и традиционного христианства вообще. Если это так, то здесь уже напрашивается аналогия не с осажденным Мюнстером, а с замком Монсегюр — священной цитаделью катаров.

Вскрытие бездны

Очень часто авторы, пишущие о расколе, все его крайности пытаются объяснить возникшей ситуацией. Дескать, власть повела себя грубо, задела людей за самое живое, вот люди и отреагировали на эту грубость так эмоционально, что в состоянии аффекта

стали бросаться в костер. Как мы уже неоднократно слышали, русский человек, мол, настолько был привязан к «отеческим преданиям», настолько искренне был уверен в ценности идеалов старой веры, что отказ от них со стороны царя и церковных иерархов неизбежно вел к состоянию массового исступления. Сами идеалы, вроде как, здесь были не причем. Если даже имели место какие-то лжеучения, то серьезного значения им не придается. Однозначно считается, что особой погоды они не делали. Главная причина, объясняют нам, - это «реформы» Никона и все то, что с ними было связано. Без них была бы тишь, гладь и всеобщая благодать. Иначе говоря, не стали бы устраивать в стране пересмотр «отеческих преданий», не пустился бы народ в крайности. А так якобы власти сами все замутили, заварили кашу. Вот и пошло в народе брожение.

Обычно именно с расколом у нас принято связывать появление целой волны сектантских движений, охвативших Россию в конце XVII столетия. В одном современном исследовании читаем следующее: «Именно в течение этого века страна сталкивается с новыми для русской культурной традиции явлениями: религиозным сектантством, массовыми социально-утопическими и эсхатологическими движениями, политическим и религиозным самозванством. Предшествующие поколения русских, в отличие от обитателей Западной Европы, ничего подобного не знали (Панченко, с. 103). Флоровский даже утверждал, будто «старовер» есть «очень новый душевный тип» (Флоровский, с. 67).

Что ж получается: как минимум полтора столетия до раскола все эти утопические и эсхатологические представления фактически существовали на уровне официальной идеологии, а после раскола они вдруг стали представлять в культурном плане что-то «новое»? Идеи, значит, были старыми, а их сектантское оформление оказалось новым. А может, новизна заключалась только в смене официального отношения ко всем этим идеям? То есть «плюс» сменился на «минус», и то, что когда-то было легальным (или хотя бы просто терпимым), перешло в категорию отвергнутого. Оформилась внешняя цензура, способная четко и недвусмысленно квалифицировать тех, кто претендовал на причастность к «истинной вере». Отсюда и происходит переход ревнителей старины в оппозицию, и как неизбежное следствие такого процесса – чисто сектантские (то есть закрытые) формы организации. Допустим, если до раскола священник мог увещевать паству в духе протопопа Аввакума, не опасаясь навлечь на себя подозрения в ереси, то после раскола официальное отношение к таким наставлениям крайне изменилось. То же касается и монастырской братии. Не все теперь считалось согласным с православной верой. К тому же, хождения из монастыря в монастырь были также запрещены. Да и вообще, всякие странствующие проповедники или какие-нибудь отшельники, совершавшие на свой манер «духовные подвиги», стали попадать под более пристальное внимание властей, чем это было раньше. «Божьих людей» на Руси всегда было много, но теперь не все из них попадали в разряд православных. Власть стала намного внимательнее следить за тем, какие идеи циркулируют в обществе. А результаты наблюдений стали тщательно протоколироваться. Отсюда у нас и возникает впечатление, будто с конца XVII века на Россию хлынул поток сектантских утопических и эсхатологических учений. В действительности этот поток существовал и раньше, просто после раскола он стал рассматриваться более пристрастно, в другой оптике. И со стороны властей в отношении некоторых идей и движений стало намного меньше лояльности, чем было прежде.

Безусловно, если бы церковь не начала борьбу за канонический порядок, то те же лесные старцы долгое время почитались бы как истинно православные подвижники. Только благодаря возникшей коллизии был вскрыт огромный пласт религиозных воззрений, долгое время не привлекавший пристального внимания ни со стороны властей, ни со стороны исследователей. Долгие годы, целые столетия в русском обществе, включая церковь и высшие сословия, скрывался целый букет различных по своему происхождению

учений и направлений, и только раскол вскрыл эту оболочку, выплеснув наружу все то, что вылилось в раскольничьи толки и движения. Иными словами, многообразие старообрядческого сектантства не явилось результатом оформления протестных движений в борьбе против никонианства. Все то, что мы находим в раскольничьих сектах, вне всяких сомнений, существовало задолго до Никона. Просто религиозная реформа бескомпромиссно вывела это все за рамки закона. И теперь из-за некоторой аберрации исторического видения появление сект кажется внезапным и неожиданным. Причина тут проста: долгое время данный вопрос не был на Руси столь актуальным, чтобы кто-либо серьезно обращал внимание на то, какими идеями и настроениями живут русские люди, считающие себя православными.

Как мы уже упоминали, раскольники сохраняли преданность идее Третьего Рима, мечтали о построении Царства Божия, верили в историческое призвание Святой Руси. По мысли Флоровского, ничто так сильно не встревожило староверов, как отступление от этих идеалов царя. Ведь именно с ним – со «священным» самодержцем связывалось вступление страны (и далее – всего человечества) в эру Святого Духа. Царь же, к их глубочайшему сожалению, фактически отказался от возложенной на него миссии. Это примерно то же самое, как если бы советский генсек, обязанный вести народы к торжеству коммунизма, выступил бы с таким заявлением: «Товарищи, мы долго шли ошибочным путем. Пора бы уже вернуться к той жизни, какую ведут в окружающих нас странах». В принципе, староверы оказались в той же ситуации, что и российские коммунисты после развала СССР. Когда верхушка страны открыто отказалась от социализма и обратилась к «общечеловеческим ценностям», особо идейные товарищи испытали шок.

С тех пор коммунистическое движение, подобно расколу, закономерно распалось у нас на всякие «толки» и «согласия». Вместо одной, некогда могучей партии теперь существует десяток (или же десятки) разных коммунистических организаций, иной раз непримиримых не только по отношению к власти, но и по отношению друг к другу. И я бы не спешил с тем, чтобы назвать нынешнего идейного коммуниста, мечтающего о возрождении СССР и восхваляющего Сталина, каким-то новым душевным типом. Тип этот старый, я бы сказал — весьма древний. В том-то все и дело, что и староверы, и идейные коммунисты являются носителями совершенно архаичных форм сознания. Просто время от времени меняется мир вокруг них, а вместе с ним меняется и общественный статус этих людей. Но абсолютно не меняется их психология!

Не так давно мне довелось пообщаться в одном поселке с таким вот, довольно уже пожилым, идейным коммунистом, который сетовал на то, что теперь в продуктовых магазинах он вынужден платить деньги за хлеб не государству, а «буржуям». Я абсолютно уверен, что и во время НЭПа точно такие же идейные товарищи были весьма недовольны легальным существованием лавочников, и готовы были сжить их со свету. Разница только в том, что тогда, в 1920-е годы, идейным товарищам было проще осуществить свою мечту, поскольку на их стороне было само государство. Нынешним коммунистам в этом плане вряд ли уже повезет.

Со староверами – та же картина. До раскола такие люди могли хоть как-то институализироваться – пойти, например, в священники, в монахи. «Отеческие предания» можно было провозглашать прямо и открыто. После раскола такая возможность была утрачена. Вот вам и почва для ухода во враждебную государству секту. Но, подчеркиваю, само содержание проповедей и учений не представляло ничего принципиально нового. Точно так же нет ничего нового в призывах нынешних коммунистов-маргиналов ликвидировать капитализм и вернуться к плановой экономике. Все это мы уже слышали с

детства. Мозги идейных товарищей не поменялись – поменялся мир вокруг идейных товарищей.

То же самое было и с религиозным сектантством, якобы заявившим о себе только в XVII веке. Вряд ли оно несло в себе что-то новое. Все идеи, все учения и даже ритуальные практики, распространяемые сектантами, наверняка были хорошо знакомы русскому обществу.

Тем не менее, в нашей литературе теократический хилиазм, на котором были помешаны раскольники, стараются рассматривать как некую производную от исторических событий — от укрепления московского самодержавия, от реального возвеличивания страны. Мысль простая: народ де проникался идеями исторического призвания Руси и русского народа, наблюдая реальные успехи своего государства. Тем самым нас лишний раз пытаются убедить в том, что идеология русского мессианства сама по себе ни с каким сектантством не связана, а очень органично, так сказать, вырастает из самой жизни русского народа и государства. Сергей Зеньковский, например, полагал, будто мессианские идеи, изложенные в учении о Третьем Риме и в легенде о Белом Клобуке, приобрели широкую популярность только к концу XVI века, особенно после появления московского патриаршества, то есть на волне духовного подъема и гордости за свою православную державу. А до этого они якобы имели распространение лишь в очень узком кругу церковной иерархии и письменников. Такой вывод он делает на основании того, что именно на конец XVI и первую половину XVII века приходится более тридцати списков «Повести о Белом Клобуке», тогда как в более раннем периоде их количество ничтожно.

Лично я не улавливаю прямой связи между количеством распространяемой идеологической (по сути) литературы и степенью ее популярности. Кто жил во времена СССР, тот меня поймет. Во второй половине 1980-х у нас в стране было издано такое количество произведений Ленина, что ими были завалены все книжные магазины и полки библиотек. Ленинские труды выходили во всяких вариация, в разных переплетах, в разных сборниках. А кроме того было несметное количество книг о самом пролетарском Вожде. Однако на росте популярности социалистических идей это совсем никак не отразилось. Скорее, все происходило наоборот – социализм терял популярность. Примерно такая же ситуация, я думаю, была и в Московии. Возможно, появление большого количества списков «Повести о Белом Клобуке» в большей степени свидетельствует о неутомимой работе тогдашней официальной пропаганды, чем о том, что такими произведениями зачитывалось тогдашнее население.

Но даже если и зачитывалось, что с того? Что было тогда читать на досуге московским грамотеям, кроме официально одобренных легенд? Данный факт, на мой взгляд, только лишний раз подтверждает то, что мессианская легенда была на государственном уровне принята в качестве ведущей идеологической догмы. Иначе при тех порядках вряд ли могло быть.

Кроме того, необходимо еще учитывать и способ устной передачи идей, характерный для тех времен. В конце концов, откуда-то необразованные средневековые крестьяне узнавали про Христа и Деву Марию. Ведь не из книг же они черпали свои религиозные представления. Кто-то же их учил. Так и с мессианскими легендами. Идеи об историческом призвании Русского царства и исключительности «русской веры» могли спокойно передаваться в народной среде из уст в уста. И совсем не исключено, что народ был в курсе об этих идеях еще до официального утверждения самодержавной власти.

Кстати, Зеньковский на сей счет приводит отрывок из популярного в народе «Стиха о Голубиной Книге», где говорится о том, что: «Наш царь над царями царь, Светла Русь земля — всем землям мать». Правда, он тут же делает уточнение, будто «замечания о царе, скорее всего, были внесены в него в шестнадцатом веке». Сам же стих сложился еще в киевский период, а в XIII веке перешел в разряд апокрифических книг. Было ли там сказано про царя над царями с самого начала, либо это лишь поздняя вставка — исключительно из области предположений. Зеньковскому такое предположение необходимо для того, чтобы скрыть все намеки на отреченный, чисто еретический источник нашей мессианской легенды. Хотя, с другой стороны, хотелось бы понять: зачем вставлять в апокриф фрагмент официальной идеологии? Неужели читатели запрещенных книг настолько прониклись лояльностью к самодержцам, что решили им подыграть? Или Зеньковский намекает на то, что стих был отредактирован представителями церкви — прямо в соответствии с «генеральной линией»?

А может, процесс развивался в обратном направлении: именно любители апокрифической литературы и были распространителями учения о русском мессианстве, о русском царе, который «над царями царь»? Пример с «Голубиной Книгой» особо важен в том плане, что этот весьма популярный стих имеет отчетливые богомильские корни, как и многие известные древнерусские апокрифы. Александр Веселовский – один из самых уважаемых авторитетов в этой области - прямо указывал: «Мы вообще склонны приписать влиянию богомилов большинство отреченных книг, обращавшихся в средние века, преимущественно переводных. Эти еретики были всех более распространены и глубже других повлияли на средневековое общество. Они были рьяные пропагандисты, проповедь веры была их призванием, требовалась самою сущностью ереси; мы видели, что даже сходиться с мирскими людьми строгим богомилам позволено было лишь под условием — обратить их в свою веру». (Веселовский А. Калики перехожие).

Интересно, что в трудах наших философствующих литераторов, особо взыскующих по русской духовности, часто встречается тезис о том, будто «подлинное» духовное учение, «подлинное» христианство русский народ получил как раз от странствующих еретиков, якобы своей страннической жизнью и нестяжанием давших народу наглядный образец апостольского служения Богу. Стоит ли говорить, что такой взгляд на природу «истинной веры» сам по себе откровенно еретический? Но именно тем он и красноречив, что русскую духовность и в наши дни пытаются настойчиво увязать с той традицией, что на протяжении нескольких столетий открыто противостояла догматическому вероучению. Сам факт широкого распространения в народной среде отреченных сказаний и апокрифических сюжетов не подлежит сомнению, и в научной литературе он всесторонне рассмотрен. Однако не достойно ли удивления то обстоятельство, что, несмотря на формальную причастность простых русских людей официальному православию, несмотря на общение с церковными пастырями, присутствию на службах, участию в официально установленной обрядности, в народной среде так активно распространялись запретные темы? Нет никаких сомнений, что в данном случае имела место целенаправленная пропаганда со стороны антицерковной еретической оппозиции.

«Совершенные» в русском варианте

Как мы знаем, главную роль в формировании сюжетов «народного» христианства играли странствующие сказители, более известные как калики перехожие. Собственно, вопрос с каликами достаточно сложен, поскольку состав этих странников был неоднороден, а данные источников противоречивы. Нас в данном случае интересует та часть калик, что под видом нищих странников распевали на папертях и перекрестках духовные стихи,

основанные на апокрифических материалах. Без этих персонажей практически невозможно представить нашу народную культуру, и в каком-то смысле российские литераторы, вдохновляющиеся простонародным христианством, совершенно справедливы в своей оценке роли духовных сказителей Руси.

Вопрос о происхождении калик перехожих в отечественной фольклористике рассмотрен весьма основательно. Пожалуй, нам тут нечего прибавить к тому, что писал о них в своих трудах Веселовский. Как мы уже показали, он проводил параллели между каликами и странствующими богомильскими проповедниками. По его мнению, первые калики приходили на Русь из Византийского юга, центра богомильской проповеди. Их заповеди, отмечает ученый, соответствуют главным заветам богомильских «совершенных». Как и богомилы, калики отказываются от земных благ, объединяются в братства, странствуют целыми ватагами, выбирают себе вожака («атамана»), а наиболее выдающихся из них некоторые былины именуют «Христом с апостолами». По своей организации они напоминают тайные духовные ордена или некую религиозную корпорацию, что дополнительно подчеркивает сектантский характер самого движения.

К тому же калики слывут и целителями. В былине они поднимают на ноги Илью Муромца, сиднем сидевшего тридцать лет. Болгарские богомилы тоже имели репутацию искусных целителей. Причем в распространенном сюжете к Илье калики приходят вдвоем. По двое, как мы знаем, обычно странствовали богомильские и альбигойские «совершенные». Не удивительно, что, согласно Веселовскому, приписываемые западным катарам еретические песни напоминают русские духовные стихи, полные отреченного содержания.

Сторонники концепции Веселовского прямо объявляют калик перехожих богомильскими «совершенными», появившимися в Киевской Руси уже в XI веке — как раз в то время, когда началась активизация еретических движений в европейских странах. Нельзя исключить и того, что между странствующими проповедниками-певцами и странствующими волхвами, поднимавшими в русских землях народные восстания, есть определенная связь. Мы уже говорили о том, что подобные ереси содержат значительную компоненту дохристианской традиции, а в число их активных адептов и проповедников могли включаться служители старых языческих культов. В этом случае между волхвами, истязавшими старшую чадь, и каликами перехожими обнаруживается достаточно устойчивая связь. Согласно отрывку из «Повести временных лет», волхвы выражали идеи, подозрительно схожие с богомильским учением. Если данный факт сопоставить с тем, что и калики имеют какое-то отношение к богомильству, то такая связь вряд ли окажется случайной.

Стоит обратить внимание на аскетический пафос духовных стихов, скептическое отношение к миру, погрязшему в неправде, негативное отношение к богатым, и мы без труда поймем, какими эмоциями побуждались волхвы и их сторонники, избивая зажиточных горожанок. Если следовать указаниям «Стиха о Голубиной Книге», то в мире воцарилась несправедливость, поскольку Правда его покинула:

Правда пошла на небеса, К самому Христу, Царю Небесному; А Кривда пошла у нас вся по всей земле, По всей земле по свет-русской, По всему народу христианскому. Учитывая богомильскую сущность странствующих проповедников, подобные настроения, надо полагать, распространялись ими уже с самого начала, то есть уже с XI века. Иными словами, «божьи люди» в образе странствующих проповедников укореняли в народном сознании как раз те представления, что настойчиво внушал своей пастве Аввакум: ««Дни наши не радости, но плача суть». А кто в этом мире радуется больше всех? Ну конечно же, люди зажиточные, с достатком. Они-то как раз и есть те, кто живет не по правде. Если присовокупить к этому тезису упомянутый аскетический пафос, прославление бедности и обличение богатства, то любое счастливое обустройство в здешнем мире будет неизбежно увязано с торжеством кривды, с несправедливостью. Отсюда закономерно вытекает вывод о неправедности материального достатка, а равным образом и любого стремления к нему. Правда — на небесах, а «совершенные» - ее земные выразители. Сами они как бы и не от мира сего. Следовательно, все, желающие жить по правде, следуют путем «совершенных», организуя свою жизнь по «небесным» законам. Тем они и будут отличаться от мира, погрязшего в неправде, где на всем стоит печать земного несовершенства.

Вот вам и идейная основа для выстраивания образа «светлого» Русского царства, где воцарится благочестие, и утвердятся «небесные» законы. Простой народ получал от таких проповедей нравственное обоснование для своей ненависти к богатым и успешным (как носителям кривды). Правитель же находил оправдание для своей свободы от земного суда, договорных отношений и прочих земных институтов, ограничивающих власть. Иван Грозный в этом плане идеологически был подкован великолепно, открытым текстом заявляя, что судить его правление по земным меркам никак нельзя, поскольку его царская воля находится исключительно в подчинении Бога и с земными (то есть материальными) интересами его подданных не связана по определению. И вообще, не царское это дело – вникать в земные заботы людишек. Царь, дескать, творит «божью правду», а людишки не понимают ее лишь в силу своей земной испорченности и несовершенства. Неспроста он начал играть в игумена, доказывая тем самым свою причастность миру иному. Разве может обычный мирской человек быть проводником небесной правды в этот мир, скреплять мир горний с миром дольним (а такова, вспомним, центральная идея теократического хилиазма)? Так что Иван Грозный, изображая инока, вел себя в полном соответствии с утвержденной доктриной.

Поэтому Александр Дворкин был не совсем прав, когда утверждал, будто опричнина Ивана Грозного была навеяна примером католических духовных орденов. На мой взгляд, царь здесь брал пример как раз с богомильских «совершенных». Неспроста он с таким пиететом относился ко всяким юродивым, в чьем облике было много чего от странствующих проповедников. Не исключено также, что в его ближайшем окружении были откровенные еретики. Поссевино на сей счет указывал, будто служивший при царе голландский врач был анабаптистом и своими разговорами настраивал самодержца против римского папы. Но, еще раз напомню: в нашей литературе такая постановка вопроса - о прямом влиянии еретических учений на русскую духовную и политическую традицию - пока еще отчетливо не прозвучала. Исследователи подходят близко, но в лучшем случае ограничиваются лишь намеками.

Вырисовывается интересная картина: фольклористы, этнографы и литературоведы обнаруживают в народных верованиях отчетливый след богомильства, однако историк практически не располагает ни одним стоящим документом, подтверждающим борьбу церкви и государства с этой ересью. А раз нет исторических свидетельств, значит историку сказать о русском богомильстве практически нечего, поскольку никаких событий на сей счет не зафиксировано. Именно событий. Однако, учитывая фольклорные данные, невозможно сомневаться в том, что богомильское учение на Руси было весьма

популярно. И отсутствие сколько-нибудь серьезной борьбы с ним может свидетельствовать не только о пассивности властей, но и о его широкой популярности среди влиятельных представителей русской элиты.

Веселовский, в частности, обращает внимание на то, что даже в «Повести временных лет», где от имени некоего «философа» излагается содержание Священного Писания, приведено упоминание противника Бога — Сатанаила. В канонической Библии этого нет, зато образ Сатанаила присутствует в богомильских легендах. Откуда данный персонаж появился в русской летописи? Сознательно ли он туда помещен или просто богомильские сюжеты к тому времени стали уже настолько привычными, что на отдельные детали даже не обращали особого внимания? Нельзя исключать и того, что русские книжники знакомились с богомильской версией еще до того, как брали в руки Библию. То есть рассказы о Сатанаиле вполне могли распространяться устно, подобно бабушкиным сказкам. Все это лишь говорит о том, что богомильство на Руси пустило глубокие корни задолго до возвышения Москвы, и на странствующих проповедников или каких-нибудь лесных отшельников многие русские люди смотрели как на настоящих христиан, на «православных».

Примечательно, что монахам запретили вести бродячий образ жизни только в 1682 году — возможно, в связи с тем, что как раз среди странствующих иноков были главные возмутители спокойствия. Хотя, может быть, здесь были и более фундаментальные причины, поскольку именно странничество всегда было типичным образом жизни еретических агитаторов. Отметим, что на богомильство власти обратили внимание еще в киевский период. Так, в 1073 году на Руси был принят первый список (индекс) отреченных (апокрифических) книг, помещенный в «Святославов сборник». То есть власть пыталась установить хоть какой-то канонический порядок еще в конце XI столетия, чтобы хоть как-то отделить еретиков от православных.

Подспорьем здесь могло служить сочинение Козьмы Пресвитера «О возникновение и сущности богомильства». В нем мы находим такое свидетельство: «Внешне еретики, как овцы: кротки, молчаливы и смиренны образом; от лицемерного поста они кажутся бледными. Речей своих открыто не говорят, громко не смеются, не проявляют любопытства, хоронятся от чужого взгляда и внешне все делают так, что их не отличить от правоверных христиан. "Внутри же суть волки и хищники", как сказал Господь. Видят люди такое их смирение и считают их правоверными и способными направить их к спасению. Они же подобны волку, который хочет схватить ягненка, и сначала вздыхают, потупясь, со смирением отвечают и проповедуют, притворяясь небесными жителями. А где увидят человека простого и невежественного, начинают сеять плевелы своего учения, хулят установления, данные святым церквам...».

Таким образом, отличить еретика-богомила от правоверного христианина было сложно даже человеку более-менее осведомленному в религиозных вопросах. Что касается простонародья, то здесь, по понятной причине, все принималось за чистую монету. Если еще учесть, что странничество долгое время дозволяется инокам, то в этом случае внешние различия между православными подвижниками и еретическими «совершенными» становились абсолютно незаметными. Также учтем и то обстоятельство, что богомильские проповедники нередко ходили в иноческой одежде. А со временем, судя по всему, все смешалось настолько, что и сами аскеты с трудом могли точно идентифицировать свою конфессиональную принадлежность, тесно увязывая свою религиозную практику с православной верой. Не исключено, что на Руси подобная аберрация произошла достаточно давно, по крайней мере за пару столетий до раскола. И такое распространение странствующих аскетов было не столько показателем

религиозного рвения русских людей, сколько индикатором неблагоприятных тенденций в области подвижнической жизни. У Козьмы Пресвитера, кстати, находим осуждение в адрес тех монахов, что также перемещаются с места на место или предаются аскезе по собственным прихотям. Упоминание о них он включает в контекст своего поучения против богомильской ереси. Он приводит такой факт: «Иные монахи, неистовые в своих речах, противятся писанию и, желая жить по своей воле, селятся в других местах, без причины оставляя прежние. Там они устанавливают свои законы, желая этим прославить себя на земле».

Интересно, что под это описание очень сильно подходит лесной старец Капитон Даниловский, на которого Сергей Зеньковский возлагает ответственность за раскольничьи гари: постригшись в юности, он все время перемещался с место на место, основывал собственные скиты и пустыни, устанавливая там свои особые аскетические (совершенно изуверские) правила. Причем аскетическая жизнь не мешала старцу иметь связи с царским двором (где он как раз и вызвал шок своим изуверством).

Интересен еще один момент. Говоря о самоуправстве сомнительных аскетов, Козьма Пресвитер заключает: «Они мнят себя великими святыми, а всех людей считают ниже себя... Установившись же на новом месте, они устраивают другие дома, в безумии бросив свои, покупают и продают, стяжая себе нивы и села...». Указание на стяжание недостойными монахами нив и сел наводит нас на кое-какие размышления, поскольку это имеет определенное отношение и к русской действительности. Не было ли выступление заволжских старцев против монастырского землевладения аналогичной попыткой предотвратить вырождение изначального духа христианского подвижничества? И тот факт, что победу одержали их противники, заручившиеся поддержкой властей, не свидетельствует ли он о том, что в Московской Руси официальную поддержку получила далеко не каноническая разновидность христианства, выдававшаяся за подлинное православие?

Напомним, что иосифляне были в числе тех, кто искренне воспринял легенду о Белом Клобуке, содержавшую не только сомнительный эсхатологический сюжет, но и ставившую под сомнение значение константинопольского патриархата. Иначе говоря, определенная часть русского духовенства открыто выступала против некогда авторитетной инстанции, не смущаясь некоторых собственных установлений. И в этом случае весьма показательно то, что как раз на скандальном соборе патриархов легенда о Белом Клобуке была запрещена. Следовательно, повод для подозрения иосифлян в ереси был весьма основательный, и при желании московские власти вполне могли бы вывести их за рамки церкви как самых настоящих еретиков. Подчеркиваем – при желании. Если бы Иван III всецело поддержал заволжских старцев, то не исключено, что коллизия, подобная расколу, произошла бы на двести лет раньше. Зная нрав Иосифа Волоцкого, способного подбирать аргументы под ситуацию, мы могли бы получить в его лице не менее яростную оппозицию, нежели это было в случае с Аввакумом и другими отцами-пустозерцами. Однако случилось так, что преподобный Иосиф по стечению чисто политических обстоятельств сам вошел в историю русской церкви как яростный борец с еретиками, куда он попытался включить даже своих оппонентов-нестяжателей, во многом более безупречных с канонической точки зрения.

Надо полагать, что характерный для русской духовной традиции аскетический пафос был получен как раз от богомильских «совершенных». Презрение к мирским благам, отказ от удовольствий, изнурение плоти как одно из необходимых условий «благочестивой жизни» для истинного христианина — будь он хоть мирянин, хоть монах — формировалось, надо полагать, не без их влияния. Красноречивым фактом такого влияния является, судя по

всему, распространенный среди русской знати обычай принимать постриг перед смертью. Дело выглядело так, будто князья связывали свое загробное спасение напрямую с иноческим перевоплощением. Здесь невольно хочется провести параллель с принятым у катаров обрядом consolamentum, когда обычный мирянин из категории «верующих» перед смертью пытался стать «совершенным», дабы обеспечить себе достойное посмертное существование.

Русские князья, желавшие умереть иноками, сильно напоминают таких адептов. Не хочу утверждать, что они давали себе в том полный отчет. Сами истоки этого обычая, скорее всего, были утрачены. Но ведь каким-то образом в сознании русских людей укоренилось вот это представление о том, что покидать «греховный» мир надо не в мирском статусе. Кто мог на это надоумить? У святых отцов в отношении мирян нет таких неумолимых требований. Зато пропаганда со стороны «совершенных» вполне была способна внушить именно такие представления о подготовке к переходу в мир иной. И в этой связи я довольно скептически оцениваю сентиментальные рассуждения некоторых наших философов о том, будто обычай предсмертного пострига является свидетельством в пользу неуемного стремления русской знати к «духовному». На самом деле речь идет не о высоких мотивах, а о господствующем в русском обществе стереотипе. Как людям внушили, так они и действовали. Кто мог такое внушить — мы уже сказали.

Уступка дольнему миру

Остается понять, почему же русские цари решили круто поменять курс, отказавшись от мессианства. Ведь власть, фактически, сделала отчетливый шаг в сторону десакрализации, очевидно, даже до конца не осознавая этого. Что могло стать главой причиной? Разумеется, интересы русского народа тут были совсем не причем. Народу, как и в прежние времена, все так же полагалось нести свое тягло и почитать царя как «Помазанника Божия». Идет ли речь о внезапном религиозном «прозрении» верхов? Может, взгляды на «отеческое предание» в самом деле поменялись? Исключать такого развития событий нельзя. Но все-таки могли быть и весьма прозаические причины — примерно такие же, как и у советских вождей, решившихся на рыночные реформы и сближение с Западом.

Просто российской элите надоело нести свой мессианский крест. Надоело поддерживать «благочестивый» облик, надоели утомительные ритуалы, непрерывные службы и земные поклоны. Европейская знать устраивала балы, ходила в театр, читала книги. Состоятельные люди получали университетское образование, занимались науками и искусством. А что выпадало на долю русских князей и бояр? Мечтали ли они о «вечной литургии», когда в соседних странах ключом била другая, более яркая жизнь, проклинаемая как раз ревнителями старины как дьявольский соблазн на пути к духовному совершенству. Религиозное исступление (как и всякое исступление вообще) понемногу спадало, и в новом поколении русских людей жизнь по образцу «совершенных» теряла ореол привлекательности. «Достали!» - такой могла быть реакция на требования ригористов блюсти духовную чистоту. Уже движение боголюбцев (куда, как мы говорили, входил и протопоп Аввакум) показало, что в обществе их проповеди не вызывают особого энтузиазма. В ряде случаев дело даже доходило до рукоприкладства: народ, недовольный назойливыми нравоучениями проповедников, устраивал нешуточные беспорядки. Во время одного из таких волнений в Юрьевце разъяренная толпа избила протопопа Аввакума и сожгла его дом.

Но и это еще не все. Окружающий мир менялся. Причем менялся совсем не в выгодном для наших самодержцев направлении. В Европе происходила модернизация, с которой теократические утопии старой Московии вступали в явный диссонанс. Европейские государи, как я уже говорил, конкурировали за мировое влияние, за раздел колоний, и на этом фоне наши «отеческие предания» в виде мессианских легенд наверняка стали восприниматься как досадный пережиток прошлого. Какая уж там вселенская роль Святой Руси, коль самое «чистое» православие находилось уже в состоянии обороны! Показное благочестие русских самодержцев вряд ли служило надежным подспорьем не только в борьбе за мировое влияние и господство, но даже для банального сохранения суверенитета. Нужно было быть совсем сумасшедшим, чтобы не понимать таких простых вещей. Многочасовые ежедневные службы и земные поклоны никак не решали вопросов экономического и технологического развития. А без успешной экономики, без развитой индустрии, без технических достижений тягаться с Западом становилось нереально. Неровен был час, когда «неверные» начали бы диктовать нашим «богоизбранным» самодержцам свои условия. И я так полагаю, что желания разделить участь обожествленных правителей Центральной Америки и Тропической Африки у русских царей не было.

Короче говоря, возвышенные идеалы пришли в противоречие с жизненной необходимостью. И в этой ситуации здравый смысл самодержцам все-таки не изменил. Поэтому «отеческое предание» было принесено в жертву прозаическому развитию – пусть не абсолютно такому же, как на Западе, но все же именно развитию, а не консервации «священных» установлений. В противном случае можно было потерять всё.

Необходимо понимать, что преобразования коснулись не только идеологии. Дело в том, что они напрямую затронули и образ самого самодержца, поскольку в новых условиях ему, самодержцу (чего бы он там о себе ни думал) приходилось брать на себя реальные функции управления. Иными словами, русский царь переставал быть самодостаточной священной особой, неким почетным проводником «божьей воли». Он становился верховным руководителем в буквальном смысле этого слова. Риторика в стиле Ивана Грозного уходила в прошлое. Теперь игры в игумена вряд ли бы кто понял и одобрил. Иными словами, оценка действий правителя становилась все более и более рациональной. И это, пожалуй, самое главное.

На мой взгляд, как раз при Иване Грозном теократическая утопия нашла свое последнее и высшее, так сказать, выражение. Иван Грозный, как мы говорили, довел то, что начали его предки, до предельного, логического завершения. И все ужасы его правления напрямую связаны с этой идеологической химерой, которой он, безусловно, был искренне предан. После него начался медленный и в чем-то болезненный выход общества из состояния мистического исступления.

Вот тут мы подошли к еще одному важному вопросу - личности знаменитого тирана Московии

Глава X ЦАРСКАЯ ДОРОГА

Становление тирана

Об Иване Грозном написано уже столько книг, что, казалось бы, добавить тут совершенно нечего. Рассмотрен он со всех сторон, исследован каждый фрагмент его жизни, оценено каждое сказанное им слово. И все же я готов внести сюда свою скромную лепту, тем более сама тема данного труда обязывает.

Главный вопрос, над которым бьются историки, связан, конечно же, с массовыми репрессиями, с созданием опричнины, с адекватностью самого царя. С чего это он вдруг решился на такие шаги, надо оно были или не надо? И почему, собственно, русское общество смирилось с такой неслыханной тиранией?

Как известно, по версии Карамзина Иван Грозный слегка тронулся умом после смерти жены Анастасии. Затем в припадке безумия он и учредил опричнину. Эту версию можно назвать «классической». С ней перекликается версия Ключевского о неспокойном, тревожном детстве рано осиротевшего царевича, о его постоянных унижениях со стороны высокородных бояр. Якобы страх и обиды надломили его психику, породив в нем агрессивные наклонности с примесью садизма. Став полноправным правителем, укрепив власть, он сполна отомстил боярам за все свои детские страхи и унижения.

Последняя версия пользуется большой популярностью у исследователей. Однако ее разбивает в пух и прах упоминавшийся нами Александр Дворкин. Он справедливо замечает, что все рассказы о детских страхах и унижениях мы почерпнули у самого царя, который пытался оправдаться перед Курбским за свои злодеяния. По мнению Дворкина, все обстояло с точностью до наоборот. Будущий царь был сызмальства избалован самими боярами. Его своеволие и садистские наклонности никем не сдерживались. Он не получил уроков дисциплины и все свои инфантильные капризы перенес во взрослую жизнь, и самое главное – использовал для утоления капризов свои неограниченные царские полномочия. Если бы бояре на самом деле хотели избавиться от наследника, то у них для того была масса возможностей, утверждает Дворкин. Но они, тем нее менее, несмотря на приписываемые им дурные умыслы и посягательства на престол, оставили царевича в добром здравии и всячески посодействовали его славе и почестям.

Версия Дворкина представляется мне вполне логичной и убедительной. Однако, к сожалению, автор осветил только одну сторону царского деспотизма, не уделив серьезного внимания другим, не менее важным фактам, проливающим свет на саму природу тогдашнего московского самодержавия. Эти факты многие историки вообще почему-то оставляют в стороне, несмотря на то, что они хорошо объясняют, почему Иван Грозный сумел так легко подмять под себя русское общество, причем не только простонародье, но и все тех же высокородных бояр. Отчего так произошло?

Для начала напомним, что самодержавное правление в Московии четко оформилось уже при Василии III, отце Ивана Грозного. При этом сам Василий III, как о том пишет Герберштейн, продолжал дело, начатое его отцом – Иваном III.

Еще раз приведем свидетельство Герберштейна: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов (НГ царей и князей) целого мира. Он довел до конца также и то, что начал его отец, именно: отнял у всех князей (principes) и у

прочей (знати) все крепости [и замки] Даже своим родным братьям он не поручает крепостей, не доверяя им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет кому-нибудь быть при дворе его или идти на войну или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все это за свой счет».

И в другом месте: «Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей».

Таким образом, Иван Грозный следовал хорошо проторенным путем, и это обстоятельство содействовало установлению тирании не меньше, чем природная агрессивность царя и садистские наклонности. Как мы только что видели, уже его отец построил знать по струнке и вовсю играл роль исполнителя «божьей воли». После смерти Василия III бояре немного «расслабились», слегка потянулись в Европу, однако новый «божественный» отпрыск отчетливо указал им их место, прибегнув к самым крайним мерам и серьезно перегнув палку.

Поэтому главная загадка здесь не в том, почему он решил стать деспотом (чего тут решать, коль он шел по стопам отца), а в том, что его деспотизм не встречал серьезного сопротивления. Бояр, в принципе, не особо-то и смущали претензии царя на неограниченную власть. Они возмущались как раз преступным формам ее проявления. То, что царя надлежало почитать как Господа-Бога, было в порядке вещей и никем не оспаривалось. Трагедия состояла в том, что носитель «божественной» власти оказался жестоким совсем не по-божески. Короче, в теории ждали царя доброго и милосердного, но на практике получили совсем другое. Называя вещи своими именами: за что боролись, на то и напоролись.

Я специально заостряю внимание на роли русской знати, ибо, как я покажу, знатные люди стали невольными архитекторами царской тирании. Точнее — всячески тому посодействовали на самом старте. У нас почему-то принято выставлять бояр исключительно жертвами произвола, не обращая внимания на их реальный вклад в установление деспотического режима. А ведь, в сущности, с ними произошло примерно то же самое, что было с «ленинской гвардией» во время сталинских чисток.

Поразительно, что письма Курбского Ивану Грозному по своей интонации сильно напоминают открытое письмо Федора Раскольникова Сталину. Оба они – Курбский и Раскольников - «невозвращенцы», оба содействовали утверждению той власти, от которой и пострадали. Соответственно, оба адресуют все претензии первому лицу, обвиняя его, в сущности, в одном и том же. Неправильно, мол, ты распорядился своей властью, отец родной! Много душ невинных загубил.

Вот как это было у Курбского:

«Царю, богом препрославленному и среди православных всех светлее являвшемуся, ныне же — за грехи наши — ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более сказанного говорить обо всем по порядку запретил я языку моему, но, из-за притеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного решусь сказать тебе, царь, хотя бы немногое».

Теперь читаем у Раскольникова:

«Сталин, вы объявили меня «вне закона». Этим актом вы уравняли меня в правах — точнее, в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю вам входной билет в построенное вами "царство социализма" и порываю с вашим режимом

Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далёк от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата».

Обратите внимание: оба адресуют упрек только личности правителя, при этом демонстрируя преданность общему идеалу. Курбский искренне признает исключительность московского самодержавия («среди православных всех светлее являвшемуся»). Раскольников показывает себя сторонником социализма как такового. То есть идеал прекрасен, только взявшийся за его воплощение человек из-за своих дурных наклонностей все якобы «исказил».

Далее идут обвинения в злодеяниях.

Курбский:

«Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах божьих пролил, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах, и чародействе, и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане — соратники твои?».

Раскольников:

«Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста, никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза — все в равной мере подвержены ударам вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

Как во время извержения вулкана огромные глыбы с треском и грохотом рушатся в жерло кратера, так целые пласты советского общества срываются и падают в пропасть.

Вы начали кровавые расправы с бывших троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, потом перешли к истреблению старых большевиков, затем уничтожили партийные и беспартийные кадры, выросшие в гражданской войне, вынесшие на своих плечах строительство первых пятилеток, и организовали избиение комсомола».

Какое потрясающее совпадение, не правда ли? Тираны, оказывается, активно истребляли своих преданных соратников, тех, кто содействовал укреплению самой «системы». Про

Сталина, конечно же, нам было все хорошо известно. Но ведь та же история имела место и в случае с Иваном Грозным, о чем Курбский вопрошает открыто: «В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане — соратники твои?» (в оригинале: «Что провинили пред тобою и чем прогневали тя кристьянскии предстатели?»).

В наши дни такой вопрос со стороны опального боярина воспринимается уже как изящный риторический прием. Дескать, рубил ты, царь, преклоненные перед тобой головы. То есть были немилосерден, не обладал христианскими добродетелями. Однако мне представляется, что подобные высказывания необходимо понимать буквально, помещать их, так сказать, в политический контекст той эпохи. Речь действительно идет о соратниках царя, принимавших посильное участие в создании идеальной (по их представлениям) христианской монархии, призванной ознаменовать наступление новой эпохи, своего рода — рая на земле. Иначе говоря, бояре, пострадавшие от рук деспота, сами искренне разделяли те идеи, на которых, в общем-то, помешался их губитель-царь.

А теперь посмотри, каким образом происходило это помешательство. Кто тут несет ответственность за умонастроения царя.

«Живая икона»

Честно скажу, еще до последнего времени я был уверен, что Иван Грозный испытал некое стороннее и даже какое-то негласное идеологическое влияние, побудившее его к установлению деспотического правления. То есть кто-то конкретно его с определенных лет надоумил к действиям по абсолютному и беспощадному укреплению личной власти: Иван Пересветов, монахи-иосифляне, какие-то заезжие европейские еретики. Не исключаю, что и без них тоже не обошлось. Но, скорее всего, какие-то конкретные учения лишь оформили мировоззрение царя, дали ему дополнительные аргументы в пользу установившегося деспотизма. В то же время, судя по всему, на общий эмоциональный настрой они не влияли. Источник эмоционального влияния был другим. Просто молодой царь — еще до того, как начал расправу над соратниками — уже находился в мистически экзальтированной среде, которая сама по себе была способна пошатнуть его душевное равновесие.

Нельзя не согласиться с Александром Дворкиным, что бояре всячески опекали «божественного» отпрыска с ранних лет и сами готовили его к царской роли – причем так, как они сами в ту пору понимали эту роль. Дворкин верно отмечает, что Ивану с малых лет оказывались высочайшие почести, производившие на него очень сильное впечатление. Однако он не придает значения историческому контексту, ограничиваясь общими нравственными оценками. Дескать, избаловали парнишку высокопарной лестью, вот ему и вскружило голову. Но все ли восхваления, адресованные юному царю, можно назвать лестью, исходя из контекста эпохи? Лесть — это когда лукавят, говорят заведомую неправду или хотя бы сильно приукрашенную правду. А если говорят то, во что искренне верят?

Вот конкретный пример. Дворкин приводит событие 1541 года, когда крымский хан Шагин-Гирей совершил набег на южные окраины Московии. Русские силы начинают спешно собираться, чтобы не допустить прорыва врага к столице. Будущему царю было тогда одиннадцать лет. «Иван, - читаем у Дворкина, - который по решению Боярской думы и митрополита остался в городе, горячо молился в Успенском соборе о победе своего воинства и об избавлении страны от нашествия иноплеменников. В эти дни на него

были устремлены взоры всех подданных. И когда, по отражении нашествия, явившиеся к царю воеводы сказали ему: "Государь! Мы победили твоими ангельскими молитвами и твоим счастием!"— он, без сомнения, и сам уверовал в сказанное. На эту веру, превратившуюся в глубокое убеждение, он постоянно опирался и впоследствии».

На этом основании автор делает следующий вывод: «Здесь проявились две составляющие самосознания юного царя, увидевшего себя не только "грозным", т. е. внушающим трепет, правителем, но и носителем высшей и единственной в своем роде миссии — ходатайствовать за свою страну перед Богом, даровавшим ему власть. Памятование о них будет проявляться во всех его словах и делах с юношеских лет до последних дней».

По факту замечание верное. Однако автор, к сожалению, не развивает мысль до конца. А дело все в том, что вот эта фраза царских воевод: «Мы победили твоими ангельскими молитвами и твоим счастием!» - в ту пору, в XVI столетии, совсем не была метафорой. Сказанное здесь понималось БУКВАЛЬНО! Это в просвещенном XIX веке в ходу были изящные выражения, произносившиеся ради красивого словца, ради «эстетики». Так они и воспринимались — как красивая болтовня, как комплимент, как лесть, наконец. Никакого смысла в них не было, кроме демонстрации лояльности и сильной «любви» к начальству. Начальство платило взаимностью, и могло даже привыкнуть к такой «эстетике», шибко переоценить себя и свои заслуги. Одним словом, слегка утратить адекватность.

Но в XVI веке такие фразы произносились со смыслом. И те, кто их произносил, искренне верили в этот смысл. Иными словами, воеводы ВСЕРЬЕЗ полагали, будто одержали победу молитвами малолетнего наследника престола. Не своим умением и талантом, а именно тем, что благодаря отпрыску царского рода высшие силы оказались на их стороне. Иначе с какой стати в момент опасности общество стало бы с надеждой взирать на одиннадцатилетнего мальчонку? Понятно, что мальчонка, в понимании тогдашних людей, обладал таинственной связью с высшими силами. И тот факт, что он по итогам битвы оказался-таки «фартовым», укрепило в душах подданных мистический трепет перед ним (включая и высокородных бояр).

В общем, к царскому отпрыску относились как к некоему подобию чудотворной иконы. Через него как бы шла прямая связь с Богом. Он сам по себе, своим существованием — вкупе с горячими молитвами — должен был обеспечивать обществу безопасность и процветание. И это был отнюдь не результат каких-то случайных придворных реверансов и льстивых речей. Это были реальные настроения, реальные взгляды на мир, существовавшие в той среде, где находился юный монарх. Он — особа «священная», играющая исключительную роль в судьбе страны уже в силу своего «божественного» происхождения. Могли ли применять к его личности какие-либо человеческие мерки, оценивать с позиции утвержденных нравственных норм, коль само существование царя было — по всеобщему признанию — не от мира сего?

Не удивительно, что во время знаменитой осады Казани царь (в то время уже далеко не мальчик) выполняет ту же «священную» функцию — «обеспечивает» русскому войску поддержку со стороны высших сил. Во время штурма он не выходит из своей походной церкви, предаваясь там молитвам. Конечно же, взятие города царь напрямую увязал с силой своих молитв. Это убеждение подкреплялось торжественным поздравлением со стороны митрополита Макария: «По твоей вере и великим неизреченным трудом и дарова тебе Бог милосердие Свое: град и царство Казанское предаде в руце твои, и возсия тебе благолать Его».

Правда, как отмечает Дворкин, войско, участвовавшее в осаде, не особо-то восторгалось такой вот «молитвенной поддержкой» со стороны царя. Боярам-воеводам хотелось более деятельного участия самодержца во время военных походов. Здесь, по мнению Дворкина, наметилось первое серьезное разногласие между молодым царем и определенной частью знати, которая своими претензиями и наставлениями якобы подрывала его уверенность в своей исключительности. Выражаясь по-современному, вызывала у него «комплексы». Дескать, царь не ввязывался в битву из-за трусости, и что его роль во взятии Казани ничтожна. Поэтому самодержец, считает Дворкин, психологически тянулся к тем, кто подкреплял в нем уверенность в своем божественном предназначении. И, соответственно, таил злобу на тех, кто пытался разрушить его самомнение.

Я нисколько не исключаю того, что указанное разногласие действительно могло появиться. Военные, в силу своих обязанностей вынужденные решать сложные стратегические и тактические задачи и отвечающие за конечный результат, обычно не склонны к длительным припадкам мистического экстаза. Это рядовой воин может на поле боя отдаться эмоциональному порыву, но стратег вынужден дружить с головой. Казанский поход тем и отличался от битвы с Шагин-Гиреем, что это была спланированная операция. И те, кто ее разрабатывал, наверняка в большей степени связывали победу с грамотными тактическими расчетами, с правильной организацией осады, чем с царскими молитвами. И совсем не исключено, что их требование к молодому царю заключалось в том, чтобы он вникал в такие вещи (коль уж он лично отправлялся в поход). То есть, чтобы царь был, так сказать, поближе к земле.

Однако самодержец предпочел витать в облаках. Я не склонен утверждать, что в данном случае он вел себя так из-за трусости или пытался показать боярам своеволие (как полагает Дворкин). Он вел себя в точном соответствии с установившейся традицией, предписывающей ему определенный стиль поведения. Это не было результатом каких-то случайных рефлексий, озарений и размышлений. Царь с детских лет вполне четко и недвусмысленно усвоил тот идеал, которому следовал его покойный отец. И идеал этот жил в сознании многих людей, окружавших царя. Поэтому разногласие с воеводами было, скорее всего, совершенно четко истолковано им как досадный признак упадка прежнего благочестия, возродить которое он пообещал еще на Стоглавом соборе. Пообещал не перед кем-то, а перед церковными иерархами. Перед ними, собственно, он и держал ответ. Иерархи же, как мы видели на примере митрополита Макария, были единодушны с царем по вопросу его роли в победе над врагом. В выборе между военным планированием и царскими молитвами они, разумеется, склонялись к царским молитвам. Царь же, со своей стороны, вполне логично, без всякого давления «комплексов», склонялся на сторону иерархов. Много ли для него значил на их фоне авторитет недовольных воевод?

Если трезво смотреть на вещи, то в свете взятых царем «священных» обязательств его позиция выглядит последовательной. Надо учитывать, что всякое «приземление» его роли неизбежно вело все общество к обмирщению, к встраиванию страны в процессы модернизации, а в конечном итоге — к полному отказу Московского государства от своей мессианской роли. То есть ко всему тому, что случилось спустя сто с лишним лет. Иначе говоря, «прогнись» Иван Грозный под воевод, ему пришлось бы не только отказаться от своих обещаний возродить прежнее благочестие, но и поставить крест на масштабных духовных притязаниях Третьего Рима. Рухнула бы идеология священного самодержавия, и царь из проводника «божьей воли» превратился бы в высокопоставленного «менеджера».

Священный престол

Напомним, что главные идеологи той, «доопричной» поры — митрополит Макарий и Сильвестр — рассматривали царя как главу ВСЕГО христианского мира. Оба они, разумеется, опирались на легенды об историческом призвании Русского царства, развивая традицию, положенную их предшественниками: Иосифом Волоцким, архиепископом Геннадием, старцем Филофеем и другими. Первые двое, как мы знаем, увещевали Ивана III, начавшего «собирание Руси». Старец Филофей, продолжая ту же линию, объясняет Великому князю Василию III вселенское значение Третьего Рима: «И да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства провославныя христианской веры снидошася в твое едино царство».

Правителя Московии идеологи русского мессианства объявляли, ни много, ни мало - наместником Бога на земле. В роли одного такого наместника в ту пору, как известно, выступал папа римский. Получается, что в Третьем Риме восседал его конкурент. И в этой связи становится совершенно понятной «священная» функция русского царя, его молитвенное «заступничество» за страну, его претензия на спасение душ подданных, его право назначать архиереев. Он не просто земной правитель, он, по большому счету — еще и глава церкви. И это, пожалуй, самая главная его роль, идеологически подкрепленная мессианскими легендами. Учитывая же вселенский масштаб претензии — быть главой всех «православных христиан» - московский самодержец оспаривал лавры не у светских государей Европы, а именно у самого папы римского.

Самое важное, что такая заявка Москвы включалась в эсхатологический сюжет о наступления новой эпохи. Дворкин отмечает, что митрополит Макарий «стремился сформулировать последовательную концепцию, согласно которой мировая история достигала своей кульминации в идеальной и вечной теократии». Олицетворять эту «идеальную и вечную теократию» должен был, разумеется, правитель Московии, в образе которого соединялись священнические и царские функции, а в мистическом плане — небесное и земное.

По большому счету, с русским царем ассоциировалось наступление рая на земле. Ну а какой же рай без всеобщего совершенства, без окончательного искоренение всякого нечестия, всякого зла и неправды? Понятно, что в текущем состоянии райского существования никто буквально не видел, однако идеологи новой эпохи верили в наличие для того явственных предпосылок. Коль православная Русь (в лице Московии) «благочестием всех одоле», то осталось укреплять достигнутое и нести духовность остальным народам, искоренять на земле зло и неправду. Любое отступление от выбранной стези, любая попытка уподобиться тем, кто «отстал» в своем благочестии, трактовалась не иначе как предательство в отношении высшего идеала. Весь смысл существования православного Русского царства сводился именно к достижению провозглашенной цели. Стремление к ней было священной обязанностью, возложенной как на царя, так и на его подданных. Если бы отступил царь, у подданных было бы моральное право записать его в чисто вероотступников (куда потом старообрядцы записали Алексея Михайловича и Петра I). Но, с другой стороны, если от идеала отступал кто-то из подданных, у царя тоже было моральное право объявить его не только изменником в отношении государства, но и изменником в отношении веры. И поводом к такому обвинению могла стать любая попытка умалить священный образ царя, поставить под сомнение его душеспасительную функцию и всемирно-историческое значение царского престола.

Примечательно, что такие православные авторы, как Александр Дворкин, стараются отделить кровавые выходки Ивана Грозного от той идеологии, что была официально принята в тогдашней Московии. Ведь как красиво, как возвышенно: «Идеальная и вечная теократия»! Ну кто бы усомнился в духовной чистоте митрополита Макария, в его искренней приверженности православным святыням? Разве можно допустить, чтобы такой замечательный наставник мог воспитать кровожадного деспота?

Скажите, а кто мог до революции предположить, что прекрасное учение о торжестве всеобщего равенства, свободы и справедливости могло породить ГУЛАГ? В том-то всё и дело, что в мировой истории красивые идеалы о преображении мира на практике приводили к бесчеловечному произволу над целыми народами. Легенда о русском мессианстве в этом отношении мало чем отличается от современных коммунистических утопий. Поэтому осуждать Ивана Грозного за тиранию, и одновременно с тем испытывать восторг перед «идеальной и вечной теократией» равнозначно позиции упомянутых «невозвращенцев»: идеал де прекрасный, только вот воплощение его оказалось «неправильным».

Осуждать неприглядную практику с позиции красивой, но оторванной от жизни теории, конечно, очень удобно, но вряд ли корректно. Но именно так ведут себя отдельные авторы, пытающиеся осудить бесчеловечную жестокость русского царя и в то же время соблюсти преданность старомосковскому православию. Вместо того чтобы поставить под сомнение восторжествовавшую в Московии мессианскую идеологию, они пытаются, что называется, перевести стрелки на католический Запад. Оттуда, дескать, русский царь нахватался каких-то непотребств. Мол, «не кошерный» он был, не в полной мере следовал чистому «отеческому преданию», по басурмански все истолковал.

Все это не ново, как мы понимаем. Сталин якобы тоже «исказил» ленинское учение, отошел от заветов мудрого вождя. Вот и Иван Грозный, дескать, втихую смотрел не в ту сторону, куда указывали его мудрые и высокодуховные наставники. А был бы он смиренным христианином, то процветала бы Святая Русь и миссию свою вселенскую выполнила, и собрала бы все христианские народы воедино. Но царь, увы, оказался нравственно несостоятельным к выполнению столь ответственной роли. Потом началась смута, потом раскол, а дальше — петровские реформы. Все происходило не так, как мечталось. Горечь из-за «неисполненной миссии», как мы покажем в своем месте, долгое время жила в сознание нескольких поколений отечественных мыслителей. Она же, собственно, стала главной причиной ненависти раскольников к российской власти, отступившей от возвышенного идеала.

Фанатики земного «Царства Божия»

Мы уже говорили о том, что раскольники были истовыми приверженцами мессианской легенды о Третьем Риме. Их ненависть к патриарху Никону часто связывают с мелочными вопросами, касавшимися религиозных обрядов. Хотя куда логичнее допустить, что яблоком раздора стала отчетливая попытка Никона «приземлить» роль царя, о чем недвусмысленно свидетельствуют его рассуждения: «Архиерейская власть духовная, и ей подлежат вещи духовные, а власть Царя мирская, и ей подлежат вещи временные». Одним словом, он стоял за четкое разделение функций по принципу: «Богу – богово, кесарю – кесарево». Что это означало, мы уже говорили. Царь при таком раскладе переставал быть «наместником Бога», главой Церкви, охранителем благочестия, молитвенным заступником Руси и надеждой всего человечества. Это бы уже был «просто царь» - верховный руководитель и глава централизованного государства. Роль почетная, но в мировом масштабе — не исключительная.

Одним словом, Никон перечеркивал мессианскую легенду. Ведь священный самодержец, претендующий на духовные функции, должен был олицетворять, как я уже сказал, единение небесного и земного, грядущий рай на земле. А так, при разграничении функций между царем и архиереем, никакого чудесного преображения земного бытия в обозримой перспективе не обещалось. Точнее, теперь это становилось делом не царя и его подданных, а исключительно делом Господа.

Раскольники с такой постановкой вопроса оказались не согласны. Отсюда их чудовищный эмоциональный надрыв, обвинения своих оппонентов в безбожии, а царя, отошедшего от «отеческих преданий» - в уподоблении антихристу. Однако надо понимать, что во времена Ивана Грозного такая постановка вопроса декларировалась официально. И если кто-то утрачивал пиетет перед «священным» обликом самодержца, это давало вполне закономерный повод к репрессиям. Коль на кону было преображение мира и спасение человечества, то борьба с «отступниками» была равнозначна борьбе со злом. Избавление же от «всякого зла и неправды» входило в программу установления «идеальной и вечной теократии» и провозглашалось идеологами Третьего Рима как одна из важнейших обязанностей русского царя. А поскольку самодержец и был той ключевой фигурой, относительно которой определялась принадлежность человека к силам зла, то уничтожение оппонентов со всеми основаниями претендовало на святое дело.

Истинный настрой ярых сторонников теократической утопии в отношении «отступников» хорошо раскрывается в одном характерном высказывании Аввакума. В одном из писем мятежный протопоп упрашивает царя Федора Алексеевича устроить расправу с никонианами. Свои желания он выражает откровенно, не стесняясь в выражениях: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия-пророк, всех перепластал во един час. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрья Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы и никониян». В письме, адресованном своей семье, Аввакум предвещает: «А нынешнюю зиму потерпите только маленько: силен Бог, уже собак тех, перепутав огненным ужем, отдаст нам в руки. Тогда умей спасать их. А что Им попущено от нас умерщвлять, и то добро так». В другом месте он предвкушает свою расправу с никонианами с откровенно садистическим сладострастием: «Дайте только срок, собаки! Не уйдете от меня! Надеюсь на Христа, яко будете у меня в руках! Выдавлю я из вас сок-от!». (Зеньковский, с. 86).

Очень красноречивое отношение к оппонентам у староверческого «святого», не так ли? Достаточно представить, что было бы с Никоном и его последователями, если бы люди, подобные Аввакуму, и впрямь получили полную власть. И не важно, была перед ними духовная особа или нет. Главное — «отступник», и этим все сказано. К счастью для никониан, Царь Федор Алексеевич уговорам не поддался. Однако во времена Ивана Грозного все было по другому, и защитники той самой «правды», которую отстаивал Аввакум, жили в полном согласии с царской волей.

По ту сторону добра и зла

После этого не приходится удивляться тому, что Иван Грозный посмел поднять руку на архиереев, замучил митрополита Филиппа. Разве не архиереи внушали царю, что воля царя есть воля Бога? Конечно, в теории «правильный» царь должен был обладать всеми христианскими добродетелями. Но на то она и теория. В том и заключается пагубность утопизма, что он делает ставку на идеальных людей. Реальность же никогда не вписывается в красивые книжные фантазии. Воздаваемые самодержцу почести адресуются исключительно его идеальному образу. Но за этим образом скрывается

реальный человек, наделенный человеческими слабостями. Красивая теория этот момент игнорирует, вступая в противоречие с жизнью.

Можно сколько угодно ссылаться на дурные наклонности Ивана Грозного, якобы имевшие место еще в детстве. Можно сетовать на пробелы в воспитании. Примем это как факт. Но существенная сторона вопроса заключается в другом. В том, что дурные черты характера царского отпрыска не являлись препятствием к его официальному утверждению на троне — со всеми причитающимися почестями и объемом властных полномочий. Напомню, что не за свои христианские добродетели (полагаемые теорией) Иван Грозный стал полноправным самодержцем, «наместником Бога», а по факту своего «божественного» происхождения. И архиерею, и римскому папе, и даже императору Священной Римской империи надлежало доказать свое право на высокую должность хоть какими-то заслугами. Но не русскому царю. Здесь принадлежность к роду имела первейшее значение. «Священные» качества определялись кровными узами. Выходит, что врожденное начало значило больше того, что приобреталось воспитанием. И кто отстаивал такой порядок передачи царской власти? Главные идеологи Третьего Рима!

Примечательно, что после угасания династии Рюрика, после вынужденного прецедента выбора царя, мессианский энтузиазм пошел на убыль. Невольно возникает впечатление, что мессианская идеология специально выстраивалась под великокняжеский род. Не оказались ли великие князья московские объектом пристального внимания со стороны тогдашних проповедников теократической утопии, пытавшихся таким вот образом — через готовый военно-административный и экономический ресурс — претворить в жизнь свои хилиастические идеи (то есть построить «Царство Божие» на земле)?

Мировая история знает прецеденты такого рода. Когда-то древнегреческий философ Платон пытался внушить учение об идеальном государстве сицилийскому тирану Дионисию. Платону очень хотелось воплотить свою мечту на практике. И тот факт, что он отправился со своими идеями именно к тирану, то есть к человеку, который ради собственной власти шел на открытое беззаконие, говорит о многом. Властолюбцы — главные проводники утопических мечтаний в жизнь. Конечно же, Платон был уверен, что его философия способна нравственно преобразить любого правителя, даже откровенного изверга. Как мы понимаем, его уверенность не оправдалась. К тому же Дионисий оказался неважным учеником, да и у самого Платона было немало недоброжелателей, сорвавших задуманный им социальный эксперимент.

Приведенный пример во много показателен. Я уже говорил, что обычных деспотов на земле всегда хватало, но деспот с «идеей» подобен атомному взрыву — он всегда оставляет весьма заметный след в истории. У Ивана Грозного это получилось в полной мере. И не приходится сомневаться, что идеи в его голову влетали обильным потоком уже с ранних лет. Соединившись с властолюбием и откровенным потаканием его воле со стороны столь же экзальтированного окружения, они и породили тот кошмарный феномен, от которого содрогнулась вся страна. Проповедь «идеальной и вечной теократии», таким образом, достигла цели.

Я не склонен, в данном случае, рассматривать какие-то иные источники влияния. Например, учение Макиавелли (о чем пишет Дворкин, пытаясь, как это часто бывает, перевести стрелки на «неправильные» западные теории). Здесь нет смысла умножать сущности без необходимости. Теократической утопии было достаточно, чтобы затопить страну кровью. Для получения такого результата вполне хватало маниакально одержимого вождя, располагающего солидным материальным и административным

ресурсом. Иван Грозный – неподдельно одержимый, неподдельно суеверный и мнительный – подходил на такую роль как никто другой.

Надо сказать, что в отличие от рассудительного Платона, проповедники теократической утопии использовали намного более эффективные методы пропаганды и внушения. Им был нужен не только царь как носитель реальной власти. Не менее важен был внушаемый людям ОБРАЗ ЦАРЯ. Он действовал на общество подобно гипнотическому маятнику, вызывая у людей необходимый психологический настрой. Образ царя был неотъемлемым компонентом массированной и методичной обработки общественного сознания. Ведь это был не просто образ правителя, раздающего указы, ведущего войны и вершащего правосудие. Нет, как мы уже сказали, русским царям выпадала идеологически более значимая роль. Русский царь выступал в мистической роли СПАСИТЕЛЯ, вызывая у подданных адекватный по силе мистический трепет.

От чего же он спасал? Казалось бы, человечество уже получило Спасителя в лице Христа. Неужто нашим «священным» самодержцам взбрело в голову померяться силой с Господом?

В том-то и дело, что в своих идейных увлечениях они к этому подошли достаточно близко. И чего тут удивляться, если, напомню еще раз, по все Европе (включая Россию) бегали маньяки, открыто выдававшие себя за Христа. Русских царей, конечно же, открыто с Христом не уравнивали, хотя почетная роль «наместников Бога» предполагала осуществление того, что по силам исключительно Богу. Иван Грозный, например, был уверен, что бежавшие из страны «изменники» ввергали себя и весь род свой в ад. Об этом он прямо заявляет Курбскому: «... из-за одного какого-то гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков - ибо по Божьему изволению Бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили нам до смерти и завещали своим детям и внукам нашего деда».

Спрашивается, где было прописано это «Божье изволение» властвовать над душами подданных, определяя их место на том свете? С христианской точки зрения, если я не ошибаюсь, последнее слово в этом вопросе оставалось все-таки за тем Властителем, Который находится на небесах, а не на московском престоле.

Как видим, царь приблизил себя к Богу настолько, что проникся уверенностью в своем праве вещать чуть ли не от Его имени. Удивляться тут также не приходится, поскольку ничего уникального в таком самомнении не было. От имени Бога на Руси вещал не только он. Такое вещание в течение многих столетий раздавалось отовсюду. Раздавалось так сильно и настойчиво, что на определенное время ввергло общество в исступленное состояние. В этом-то исступлении народ и посадил на свою шею «священную власть».

Глава XI ПЕРМАНЕНТНЫЙ АПОКАЛИПСИС

Очень старый сюжет

Не так давно, в марте 2002 года известный румынский прорицатель, иеромонах Арсение выдал пророчество о грядущем светопреставлении. По его словам, 11 августа 2002 года, в четыре часа утра, Южный полюс должен был соединиться с Северным, а на Землю обрушиться «огненный хаос». От ужасающих бедствий, вещал он, могла спастись лишь горстка чистых перед Богом людей.

По словам иеромонаха, предупреждение о катастрофе он получил во время своего паломничества на Святую гору Афон. Известие якобы было «ниспослано» ему Святым Духом во время молитвы в монастыре Ватопеду и сопровождалось подробным видением грядущей катастрофы, вплоть до низвержения святых икон в море и охваченных пламенем людей. Сопровождались ли эти видения указанием конкретной даты или же прорицатель вывел их на основе умозаключений, не ясно. Несомненно только то, что с датой отец Арсение поторопился.

Примеров таких «пророчеств», как мы знаем, не счесть. Полный список объявленных дат несостоявшегося конца света занял бы несколько страниц. Углубляться в него мы не будем. Важнее понять, как увязаны между собой одержимость подобными прорицаниями и «священная» тирания, возобладавшая на Руси.

Начнем с того, что бессмысленно увязывать всякие эсхатологические видения с влиянием христианства. Скорее всего, речь тут может идти о «языческом наследии», некритично, так сказать, усвоенном христианскими книжниками и проповедниками. Как мы показывали в самом начале, склонность к предсказаниям конца света наблюдается у многих народов, даже совершенно далеких от христианства. На русской земле, судя по всему, такие прорицатели будоражили умы еще до крещения. Волхвы, обличаемые русскими книжниками, как раз и слыли за таких предсказателей.

Вот красноречивое свидетельство из «Повести временных лет»: «В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря ему: "Бес тобою играет на погибель тебе". Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести».

В общем, волхв был «обольщен бесом», а иеромонахи, как мы видели, вещают от имени Святого Духа. И несмотря на то, что в самом Священном Писании четко сказано, что о «дне и часе том никто не знает» (кроме Бога, конечно же), среди христианских проповедников на протяжении столетий не уменьшается количество желающих объявить дату мировой катастрофы.

В интересующем нас периоде (то есть во времена становления московского самодержавия) пророчества о наступлении последних времен, о скончании века, о мировой погибели посыпались как из рога изобилия. «А лета и времена и дни кончаются, а страшный суд готовятся» - вещали русские святители XV столетия, полагая данное заявление посланием от самого Господа.

О царящих в ту пору умонастроениях красноречиво свидетельствует отрывок из пасхалии на 1457 – 1461 годы: «И будет плач велик на земли. Увы, увы будет нам, грешным! Тогда горе беда велика в ты дни. И в лета сия. Зде страх, зде скорбь, зде беда велика. В распятии Христове сии круг бысть. И се лето на конци явися. В няже чаем всемирное Твое пришествие, о Владыко. Исполнь небо и земля славы Твоея. Пощади нас, Благословен грядый во имя Господне. Пощади нас».

Конца света, как известно, ждали к 1492 году, полагая его окончанием седьмого (и будто бы последнего) тысячелетия от сотворения мира. Ждали, судя по всему, с такой уверенностью, что даже не стали рассчитывать пасхалии на следующий год. Народ, в ожидании светопреставления, бросал работу и предавался усиленным постам и молитвам. Бояре отписывали монастырям земли, заказывали службы во имя спасения души. Великий князь Иван III, по всей видимости, также на полном серьезе относился к указанной дате, готовясь встретить у себя в Москве второе пришествие Иисуса Христа. Причем встречу правителя Московии со Спасителем понимали совершенно конкретно, полагая, будто Иисус Христос – подобно почетному гостю – торжественно въедет в Кремль через ворота главной башни. Недаром на этих вратах был установлен лик Спасителя, и позже сама башня получила название Спасской. Самомнению москвичей, как видим, не было предела.

Разумеется, общество само по себе не приходит в состояние исступления, чтобы вот так забыть обо всех своих земных делах, не задумываясь о физических последствиях. Миряне, конечно же, следовали за своими духовными наставниками, которые рассуждали о скором конце света как о математически точной истине. И ближе к 1492 году началось массовое помешательство. Я так уверенно говорю «помешательство» именно в силу того, что дата «конца света» оказалась ложной, выведенной путем отвлеченных спекуляций и навязчивых аналогий (по-другому никогда и не было). Тем не менее, духовные наставники упрямо высматривали, словно язычники, всевозможные «знамения» грядущей катастрофы, абсолютно игнорируя предупреждение Спасителя о том, что «род прелюбодейный и лукавый знамениям верит».

Каковы социальные последствия этой коллективной истерии (иного слова и не придумаешь)? Дело все в том, что именно данный эмоциональный настрой, ожидание неизбежной катастрофы (а оно продолжалось и после 1492 года) как раз и стало главным побудительным мотивом к укреплению восхваляемого «христианского благочестия» и страстной, фанатичной преданности русских людей своему самодержцу. Бесконечные посты и молитвы диктовались реальным и обостренным чувством страха перед надвигающейся опасностью. В указанной перспективе Святая Русь, управляемая не кем либо, а «божьим избранником», якобы непосредственно выражающим волю Господа, воспринималась как некий ковчег спасения, где благочестивому люду уготовано надежное пристанище от неизбежных бед и напастей. Постепенно акценты смещались в сторону царя как основного гаранта пощады его верным слугам со стороны Всевышнего. Царь становился ключевой фигурой в вопросах сохранения своей страны от гнева Господня.

«Третий Рим» в роли ковчега спасения

Собственно, именно в этом контексте становится понятен смысл наставлений инока Филофея в адрес великого князя Василия III. Полностью его обращение называется: «Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде». Возвышенные рассуждения о Третьем Риме и единении всех христианских народов выступает в качестве философской преамбулы к основному, наиболее существенному содержанию письма. По поводу Третьего Рима говорится как о некой очевидности. Похоже, к тому времени в кругах русских книжников вопрос о мессианском

значении Московии был уже окончательно решенным и никак не дискутировался. Старца волновало другое: устойчивость самого царства, точнее — выполнение важнейших условий, без которых надеяться на спасение от мировой катастрофы не приходилось.

Инок напоминает великому князю, чтобы тот, как единственный теперь «христианский царь», не предавался сребролюбию, ибо оно уводит от истинной веры: «И следует тебе, царь, это блюсти со страхом Божьим, убойся Бога, давшего тебе это, не надейся на золото, и богатство, и славу: все это здесь собирается и здесь, на земле, остается».

Вторым условием является всесторонняя поддержка церкви: «наполни святые соборные церкви епископами, пусть не вдовствует святая божия церковь в твое царствование! Не преступай, царь, завета, что положили твои прадеды, великий Константин, и блаженный святой Владимир, и великий богоизбранный Ярослав, и другие блаженные святые, того же корня, что и ты. Не обижай, царь, святых божьих церквей и честных монастырей, как данных Богу в наследство вечных благ на память последующим родам, на что и священный великий Пятый собор строжайший запрет наложил».

И, наконец, еще одно условие. Приводим его полностью: «О третьей же заповеди пишу и с плачем горько говорю, чтобы искоренил ты в своем православном царстве сей горький плевел, о котором и ныне еще свидетельствует серный пламень горящего огня на площадях Содомских, о котором пророк Исайя, рыдая, повествовал: «Вслушайтесь в слово божие, князья Содомские, и воспримите божий глагол, люди Гоморры: «Что мне тук жертв ваших и подношений ваших, переполнен я всесожжениями. И если принесете мне кадило — мерзко мне это, и праздники ваши ненавидит душа моя!» Так пойми, благочестивый царь, что пророк не мертвым, уже погибшим содомлянам такое говорил, но живым, творящим злые дела. Ибо сказано: «Блудящий при живой жене разрывает плоть свою, но творящий содомский блуд убивает плод своего чрева». Бог сотворил человека и семя в нем для рождения детей, а мы сами свое семя убиваем и отдаем в жертву дьяволу. И мерзость такая преумножилась не только среди мирян, но и средь прочих, о коих я умолчу, но читающий да разумеет. Увы мне, как долго терпит милостивый, нас не судя! Все это я написал, много и горько рыдая, и сам я, окаянный, полон грехов, но боюсь и молчать, подобно тому рабу, что скрыл свой талант».

Весьма настораживает, что в самой «благочестивой» стране содомский грех распространился столь сильно, что ревнитель благочестия вынужден взывать к царю. Причем «мерзость такая ПРЕУМНОЖИЛАСЬ не только среди мирян, но и средь прочих» (очевидно, намек на монашескую братию). С чего бы это вдруг такое избирательное внимание именно к этому пороку? Мало ли было других? Удивляться не приходится: следуя Священному Писанию, содомия является для Бога основным поводом к извержению испепеляющего пламени на грешный род людской. Возможно, у святителей было резонное опасение, что Святая Русь может лишиться божественного благоволения, если сам царь предварительно не осуществит необходимую «профилактическую» кару в отношении содомитов.

Короче говоря, логика тут простая: выполняя перечисленные условия, царь приводит общество к некоему идеалу, не давая Всевышнему ни малейшего повода обрушить свой гнев на такую благочестивую страну. Тем самым создаются реальные условия для «вечного царства», ибо, как известно, погибель приходит из-за наличия греха. Искоренив же грех, царь устраняет причины катастрофы. Инок Филофей нисколько не сомневается в таком благополучном исходе: «ибо все христианские царства сошлись в твоем царстве, после же этого мы ожидаем царства, которому нет конца».

Таким образом, искореняя «плевелы», царь не просто борется за улучшение нравов. Борьба с грехом ведется не ради отвлеченных моральных принципов, а ради охранения христианских народов от вполне конкретной погибели. Через царя, по сути, устраняется страх перед концом света. Вот она — реальная основа воспитания лояльности и преданности царю! Любой произвол самодержца меркнул в сравнении с воображаемыми космическими ужасами. Через царя народ якобы получал жизнь и благоденствие, понимаемое как «милость Божия». Формула «вечности», как видим, была найдена. И даже тот факт, что вселенская катастрофа не состоялась (а она не состоялась, несмотря на настойчивые прогнозы), дополнительно свидетельствовал в пользу царской власти, ибо теперь именно с ней в сознании людей связывалось столь «чудесное» избежание конца света (либо его отсрочка, но тем нее менее). Мы не погибли в огне нисходящем. Почему? Потому что «наместник Божий» заступился за нас перед Всевышним. Согласитесь, что более серьезного повода к обоготворению царя, к полному подчинению его воле придумать невозможно.

В письме молодому Ивану Грозному инок Филофей уже открыто объявляет царя гарантом спасения страны от мировой погибели: «Единая ныне соборная апостольская церковь восточная ярче солнца во всем поднебесье светится, и один только православный и великий русский царь во всем поднебесье, как Ной в ковчеге, спасшийся от потопа, управляет и направляет Христову церковь и утверждает православную веру». Спасение Руси, а точнее — Московии как Третьего Рима, старец связывает с тем, что именно здесь Христова церковь нашла свое истинное пристанище. Царь, гарантируя защиту церкви, защищает будто бы и всю страну, которая в данном контексте от церкви практически неотделима. В пользу такого понимание вещей Филофей истолковывает фрагмент из Откровения, где говорится о жене, спасающейся от змея. Жену он уподобляет как раз «святой церкви», бежавшей от старого Рима в Константинополь («новый Рима»), но убежавшей и оттуда в Третий Рим, в Московию» - «великую Русь», «вечное царство».

Потому-то русскому царю, следуя указанной логике, и надлежит блюсти благочестие, избегать уклонения от истинной веры (чем согрешили два других Рима), дабы избежать катастрофы. «А когда змей, - вещает старец, - испустит из уст своих воду, как реку, желая жену в воде потопить, то увидим, что все царства потопятся неверием, а новое же русское царство будет стоять оплотом православия».

Именно этот тщательно подогреваемый страх перед вселенской катастрофой и заложил основы нашей самодержавной традиции, по сию пору восхваляемой апологетами «особого пути» в качестве единственного образца для выстраивания российской государственности. В принципе, прав был Павел Флоренский, когда утверждал, что в сознании русского народа самодержавие есть не человеческая условность, а «милость Божья». Поэтому царская власть входит не в область права, а в область веры, и не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную пользу. Данное утверждение стоит понимать как констатацию исторического факта. Действительно, самодержавие на Руси исторически утверждалось исключительно на религиозных основаниях, без всякой связи с чисто политическими соображениями.

Метафизика самодержавия

Еще раз отметим, что самодержец Московии – это не просто управленец, принимающий те или иные решения в соответствии с интересами государственности. Он – по исходному замыслу – осуществлял функцию поистине магического свойства: обеспечивал сохранение страны от космической катастрофы, в приближение которой общество было абсолютно уверено. Конечно же – благодаря соответствующей пропаганде со стороны

церковных деятелей. Специально заостряю внимание на этом моменте, поскольку подобные идеи, как было сказано выше, брались не из воздуха. У нас ради красного словца любят поговорить о каком-то абстрактном «сознании русского народа», скромно умалчивая о тех, кто на протяжении столетий наполнял это сознание конкретным содержанием.

В данном случае я нисколько не ставлю под сомнение искренность известных русских святителей, вещавших о конце света и смотревших на Московию как на «вечное царство». Похоже, они в это верили. В то же время надо понимать, что их истолкования – с точки зрения догматического богословия - носили произвольный, а во многом даже предвзятый характер. Мысль о «вечном» Третьем Риме, коему уготована от Бога судьба неприступного пристанища в бурных волнах вселенского кошмара, была по тем временам очень даже дерзновенной. И именно с этими самовольными истолкованиями грядущего апокалипсиса нужно связывать религиозные посылки русского самодержавия, а не с православием или христианством как таковым.

Самодержавное правление, таким образом, обретает свое оправдание только в указанной эсхатологической перспективе, и никак иначе. Этот момент, как правило, наши ортодоксальные монархисты как-то упускают из виду, хотя очевидно, что иных аргументов в пользу восхваляемой ими неограниченной царской власти просто нет. В самом деле, коль самодержавие у нас, по словам того же Павла Флоренского, выводится исключительно из религиозных, а не политических посылок, то оправдывать его с точки зрения какой-либо политической целесообразности совершенно нелогично. Не для того на Руси укреплялся царский трон, чтобы обещать народу преимущества в чисто земном устроении. Коль общественная польза никогда здесь не ставилась во главу угла, то какой смысл изображать самодержавие в качестве наиболее эффективной для России формы правления? Современные интерпретации, вырванные из первоначального эсхатологического контекста, звучат слишком натянуто, а при попытках применить их к современным общественно-политическим и экономическим условиям, они вообще лишаются здравого смысла.

В нашем случае безграничный авторитет царской власти изначально вытекал только из его «спасительных» функций. И до тех пор, пока русское общество жило сильными эсхатологическими настроениями, власть царя была для них непререкаемой. Сила эсхатологических переживаний была прямо пропорционально степени покорности людей своему земному властителю. Почему во времена Василия III боярская верхушка (как о том пишет Герберштейн) столь безропотно терпела великокняжеский произвол? Да только потому, что видела в том цену за свое спасение. Религиозная одержимость охватывала все слои общества, и бояре поддавались здесь общему настроению. И в их среде понастоящему одержимых было, я полагаю, немало. Как бы то ни было, но и многие знатные, и даже просто зажиточные люди, причем не только в Москве, с благоговением и священным трепетом относились ко всяким прорицателям, проповедникам, инокам и прочим «божьим людям». Не угодить чем-то святому человеку было равносильно тому, чтобы навлечь на себя проклятие. Отсюда, разумеется, вытекает безусловное доверие к их пророчествам о конце времен и втором пришествии.

О простонародье же и говорить нечего. Страх остаться без царя был не проявлением какой-то врожденной рабской покорности, как у нас любят ехидно писать западники. Это было проявлением страха перед возможным светопреставлением. Страха, внушенного массированной религиозной пропагандой. И самодержцы прекрасно понимали этот общественный настрой, чем время от времени умело пользовались.

Кривляния Ивана Грозного со своими угрозами отречься от престола были как раз рассчитаны на провоцирование укоренившихся в сознании людей эсхатологических страхов. И когда народ толпами стал стекаться в Александровскую слободу, прося царя вернуться обратно, он, народ, страдал не от отсутствия «пастыря», не от «тоски» по кнуту (ох уж эти либералы!), и даже не от страха перед возможными беспорядками ввиду отсутствия в столице «твердой» царской руки (здесь как-то многовато чистой политики). Народ до глубины души боялся гнева Господня в его наглядном физическом выражении – нисходящего огня, потопа и прочих бедствий. Ведь без венценосного гаранта, дарующего своим подданным милость Божию в виде защиты от разгула ужасающих стихий, бедствия могли нагрянуть в любую минуту. Отсюда, из этих панических настроений, и вытекали слезные мольбы к царю о возвращении его на престол.

Я даже допускаю, что массовые эсхатологические ожидания в какой-то мере облегчали московским правителям осуществлять свое знаменитое «собирание Руси». Предсказания о приближающемся конце света распространялись практически по всем русским землям, и наверняка за пределами Московии находилось немало простых людей, мечтавших обезопасить себя от вселенских ужасов. И уж если московский самодержец и впрямь был единственным покровителем истинно христианской церкви, то почему бы не воспользоваться шансом, не перейти под его власть?

По словам Ключевского, добровольный переход на сторону московского князя был явлением распространенным. Например, тверские бояре и удельные князья толпами переходили в Москву и били челом Ивану III на службу, по сути дела становясь изменниками. И так было во многих местах, благодаря чему собирание Руси получило ускоренный ход. «Теперь оно, - пишет Ключевский, - перестало быть делом захвата или частичного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением». Правда, он лишь мимоходом затрагивает религиозную составляющую данного процесса, говоря лишь о противодействии католическому влиянию. Однако надо иметь в виду, что в те времена неприятие «латинства» диктовалось не какими-то отвлеченными патриотическими чувствами, и именно эсхатологическими ожиданиями. Римский папа сравнивался с самим антихристом (а иной раз прямо им и объявлялся). Как можно было пойти под власть антихриста, да еще накануне величайшей развязки, когда судьба народов должна была найти окончательное решение в течение нескольких лет? Ну, в крайнем случае — нескольких десятилетий.

Иван Грозный осуществлял свою тиранию как раз на пике эсхатологических ожиданий. И как это обычно бывает, вслед за апогеем начинается закономерный спад. Инерция мессианских легенд и пророчеств о «вечном царстве» была, конечно, сильной, но после бесславного заката династии Рюриковичей прежний массовый религиозный энтузиазм явно пошел на убыль. С приходом на трон Романовых существенно поменялись и официальные представления о мировой роли русского самодержавия. Акценты явственно сместились с «преображения» в сторону «сохранения». Вместо концепции «вечного царства» стала утверждаться концепция «последнего царства». Революционное, по сути, мессианство переродилось в охранительный консерватизм.

Специально остановлюсь на этом моменте. Дело в том, что учение о «вечном царстве» было замешано на реальных эмоциональных переживаниях. Эсхатологические идеи находили живой отклик в сердцах людей, включая и правящую верхушку. Значительная часть русского общества искренне верила в скорое наступление новых времен, в грядущее чудесное преображение мира, в неминуемую гибель «неверных» и в спасение Русского царства, ставшего якобы пристанищем истинной Христовой церкви. Старец Филофей изрекает пророчества о Третьем Риме без тени сомнения в своей правоте, и та же

уверенность пронизывает русское общество, включая и правящую верхушку. Во время триумфального «собирания Руси» по улицам Москвы бегали юродивые с метлами, призывая к окончательному искоренению духовной заразы. В такой атмосфере, согласимся, трудно было быть сомневающимся. Еще труднее (и опаснее) было выражать свои сомнения открыто.

Идеология «последнего царства»

После Смуты массовый энтузиазм начал стихать. Оно и не удивительно, учитывая, что пророчества почему-то не сбылись: ожидаемое с года на год второе пришествие не состоялось, а царский род, с коим связывали надежды на спасение от мирового катаклизма, неожиданно канул в лету. В результате эсхатологические ожидания из сферы сильных эмоциональных переживаний вполне закономерно переносятся в сферу чистого умозрения. Если старец Филофей, как мы видели, без всякого смущения проецирует образы Откровения на Русское царство, то патриарх Никон уже проявляет в таких вопросах сдержанность. Осмысливая слова апостола Павла о тайне беззакония, которая не свершится до тех пор, пока «не будет взят от среды удерживающий теперь», он задается вопросом: кто же сей «удерживающий», и почему Павел говорит об этом неясно? Общий ход мысли сводился к тому, что под «удерживающим» надо понимать «Римскую власть», а по сути — монархическую форму правления, противостоящую всякой смуте и анархии. Тайна беззакония, таким образом, была в основных чертах раскрыта. Оставалось определиться с тем, кому конкретно предначертана роль «удерживающего»? Может, речь идет о Русском царстве, которое тоже как бы является Римом?

В общем, претензия на исключительное положение в мире сохранялась, хотя уже без прежней экзальтации. И главное, перспектива чудесного преображения мира отодвигалась в неопределенное будущее, из-за чего подготовка ко второму пришествию становилась для российской правящей верхушки не такой уж актуальной темой, под которую необходимо было выстраивать весь распорядок жизни. Именно поэтому Петр Первый так легко махнул рукой на прежнее благочестие с стал насаждать обычаи «неверных». Какой теперь был прок в утомительных многочасовых службах, если конец света откладывался?

Как мы понимаем, именно страх перед надвигавшимся светопреставлением в течение многих лет был главной движущей силой религиозного рвения московитов. С его ослаблением вполне закономерно охладевала и тяга к многочасовым службам, утомительным постам, непрестанным молитвам и земным поклонам, что вызывало искреннее возмущение у ревнителей старины. Избавляясь от ужаса перед мировой катастрофой, миряне утрачивали самый сильный стимул к ритуальному изнурению бренной плоти. Поведение правящей верхушки, озаботившейся устроением на европейский манер своего земного бытия, стало главным сигналом начавшихся психологических трансформаций.

При Романовых былой мистический страх перед концом света сменяется обычным страхом перед смутой, перед хулой на царский трон, истоки которой вполне резонно усматривали в безбожных мыслях. После французской революции и наполеоновских войн власть, наконец, находит новую религиозную формулу для оправдания самодержавия. Теперь русский царь претендовал на выполнение функции «удерживающего», то есть на сдерживание сил «беззакония», коих стали усматривать в республиканцах и прочих борцах за народовластие. Самодержец, в представлении идеологов XIX столетия, олицетворял установленный Богом порядок, тогда как республиканцы и прочие враги монархии олицетворяли силы мирового зла. Божественный космос противостоял

древнему хаосу. На русского царя, учитывая глобальное значение возглавляемого им государства, возлагалась ответственность не только за сохранение России, но и, соответственно, за сохранение всего мира. Мировая катастрофа откладывалась до тех пор, пока непоколебимо стоял царский трон.

В этом и заключалось основное содержание концепции «последнего царства». Как я уже отмечал, старая мессианская идея была по сути своей революционной, настраивая людей на глобальные перемены, на чудесное преображение бытия. Да, антихрист, моры и глады предполагались. Однако внимание религиозного сознания было сосредоточено на Святой Руси, Третьем Риме как ковчеге спасения, как «вечном царстве», обещавшем стать надежным пристанищем для верных. Идея была маниакальная и сумасшедшая, но тем не менее, способная вызвать неподдельный энтузиазм.

Новая самодержавная доктрина, наоборот, настраивала на сохранении существующего порядка, видя в любых переменах глобальную угрозу. Это был тупик для сознания. Реальность всегда несовершенна, и существующий порядок не мог не содержать изъянов. Совершенным он выглядел только в официальной пропаганде, которая, разумеется, всегда расходилась с реальным жизненным опытом любого российского подданного. По существу, охранители самодержавной традиции предлагали людям не очень притягательную дилемму: либо принимать существующий порядок за образец совершенства, либо идти наперекор властям. Образно говоря, если раньше больному предлагали чудесное лекарство, то теперь он мог рассчитывать лишь на обезболивающее. В принципе, здесь снова напрашивается аналогия с трансформацией советской пропагандистской системы, когда установка на скорую мировую революцию завершилось надрывной работой агитпропа по защите «социалистических ценностей» от «идеологических диверсий» со стороны буржуазного Запада.

В случае с русской православно-самодержавной идеологией мы наблюдаем схожую картину: вначале — замах на весь мир, затем — переход к непрерывной обороне от мира. Возвышенная мистическая компонента сохранялась только в теории, на практике же — сплошная брутальная политика, не требующая для своей реализации никакой литургии. При желании, конечно же, расширение границ империи можно было спокойно увязать с русским мессианством, и даже обосновать сам вектор движения с позиции «священной войны». При Николае Первом даже распространялись «пророчества» о скором взятии Константинополя, о покорении Турции русскими войсками и вхождении большей ее части в состав России. Надо полагать, император-охранитель искренне верил в свою величайшую «православную» миссию на черноморском направлении. Как мы знаем, поражение в Крымской войне стало для него шокирующим известием, плохо сказавшимся на здоровье.

Разумеется, провалу компании задним числом нашли религиозное объяснение: Россия де проиграла басурманам из-за того, что ее правящая верхушка оказалась недостаточно преданной православию. Насколько мы понимаем, в рамках охранительной идеологии басурманские победы увязывались с глобальным наступлением сил зла, а потому серьезному анализу не подвергались. Хотя любому здравомыслящему человеку было понятно, насколько бессмысленно впутывать мистику в прозаические земные дела. Военные компании и подготовка к ним входили в сферу «дольнего» мира, и их результат никак не зависел от вопросов вероисповедания.

Иными словами, духоподъемный пафос, поддерживаемый охранителями, явно не соответствовал характеру насущных задач, что сослужило императорскому престолу дурную службу. В чем, например, должна была выражаться «преданность» российской

элиты православию? В обожествлении царя, в неприятии западных нововведений? В чем еще? Ведь одно дело, когда о духовном значении русского царства вещают такие, в общем-то, целостные натуры, как старец Филофей, и совсем другое, когда то же самое исходит от людей вроде Победоносцева. Европейский лоск как-то плохо сочетался с антизападной риторикой. Точно так же самодержец, облаченный в мундир европейского покроя, неважно ассоциировался с ролью защитника от басурманских соблазнов.

Жизнь требовала от русских правителей осваивать достижения Запада, поскольку в тех же войнах приходилось рассчитывать на силу оружия, выучку солдат и талант полководцев, чем на чудесное заступничество высших сил. Собственно, рассуждения о чудесах и небесных знамениях плавно переходили в сферу волшебного фольклора, а вместе с ними образ «священного» самодержца с той же неизбежностью приобретал фольклорные черты. Подчеркну еще раз: в XVI веке перед царем падали ниц не из вежливости и не из показного смирения. Общество видело в нем реального носителя высших мистических сил. И его молитвы, в представлении основной массы людей, обладали столь же чудесными свойствами. Трепет жителей старой Московии перед царем был совершенно искренним, что вполне соответствовало духу времени. Отсюда — неограниченные полномочия самодержца, его претензия повелевать не только телами и имуществом, но и душами своих подданных.

А на чем строились претензии российских императоров? Только на традиции, только на преемстве. В глазах своего окружения они уже были обычными людьми, только наделенными величайшими властными полномочиями. Между царем и элитой сформировались вполне европейские отношения, без всякого лобызанья ног. Да и сама элита по образу жизни, по своим бытовым предпочтениям, да и по внешнему облику своему была уже чисто европейской. Это факт. Поэтому весь православносамодержавный официоз с его восторженными восхвалениями царя как единственного защитника установленного Богом порядка, как гаранта сдерживания темных сил превратился в навязчивую сусальную картинку, лишенную всякой жизни и искренних чувств.

Как всегда бывает в таких случаях, главную угрозу существующему порядку охранители усматривали совсем не в том месте, откуда она на самом деле проистекала. С басурманскими соблазнами режим еще мог бы как-то ужиться, избавься он от своих чрезмерных пафосных претензий. Никакие демократические тенденции не привели бы к сокрушительным революционным переменам, не будь в основе протестных социальных движений запроса на то самое чудесное преображение, которое для тогдашнего официоза уже стало далеким пережитком. Несбывшаяся мечта о «вечном царстве» в разных формах продолжала будоражить воображение подданных. Соединившись с новомодными западными учениями, она породила чудовищный по силе резонансный эффект, ставший прологом к кровавому большевистскому эксперименту.

Глава XII МИРАЖИ «РУССКОЙ ИДЕИ»

«Бумажный век» России

В самом конце 1980-х, на волне так называемой «гласности», русская патриотическая интеллигенция фактически заново открыла для себя частично утраченное за годы социализма духовное наследие – русскую религиозную философию. Практически внезапно, на волне невесть откуда взявшегося «богоискательства» началось увлечение славянофилами, Достоевским и такими корифеями отечественной философской мысли, как Владимир Соловьев, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Павел Флоренский и Иван Ильин. Тут же, почти в одно мгновение, вместе с монархизмом и идеологией «белого дела» стала быстро распространяться охранительная концепция «последнего царства», с позиции которой наши новоявленные почвенники стали объяснять причину большевистской революции и всего того, что за ней последовало.

Нетрудно догадаться, что революцию увязали с торжеством «сил беззакония», лишивших русский народ единственного законного правителя — то есть православного царя. Иными словами, победу большевиков полностью увязали — прямо в духе охранителей XIX века — с распространением безбожия и материализма. По сути дела, мы получили еще один свободный пересказ Достоевского и Победоносцева. Причем, данная трактовка природы революционных потрясений все еще воспринимается нашими почвенниками как нечто само собой разумеющееся. Никому, по сути, не приходит в голову поставить ее под сомнение. Ну в самом деле: разве большевики не были безбожниками, разве не насаждали материализм, не уничтожали храмы?

Однако на самом деле данное заключение мы выводим уже задним числом. А тогда, в самом начале XX века, незадолго до революции, трудно было представить, что именно материалисты, именно безбожники, фанатично верящие в торжество естествознания, будут играть первую роль. Что за «пошлость», в самом деле? Россия де стоит на пороге выполнения величайшей религиозной миссии, а вы тут делаете реверансы каким-то полузнайкам с их детской верой в науку и технику: «Уж извините-с, сударь, но Держава наша способна на большее... И предначертано ей, знаете ли, самим Провидением... И на народ наш возложена великая вселенская миссия... ». И далее в том же духе.

Все именно так и складывалось: «великая миссия», «Провидение», «преображение бытия», «единение народов», «единение церквей», «свободная теургия», «свободная теократия». На эти духоподъемные установки столетней давности наши религиознопочвенные публицисты сегодня как-то не обращают внимания. А зря. Большевики были, конечно, мечтателями. Но помимо них были в ту пору еще мечтатели в квадрате. И совсем не материалисты. Что касается революционной коллизии, то в реальности они выглядит не как столкновение носителей православной духовности с вульгарными безбожникамиматериалистами, а как негодование «мечтателей в квадрате» на то, что великую мечту стали воплощать «простые мечтатели» – вот эти самые полузнайки с их детской верой в науку и технику. То есть рафинированные идеалисты негодуют по поводу того, что «великую идею» решились воплотить пошляки и невежи.

Странно то, что данное обстоятельство до сих пор не получило адекватного истолкования. В принципе, и почвенники, и коммунисты совершенно одинаково изображают революционные процессы, отличаясь только в оценках. В целом утверждается единый шаблон: с одной стороны — безбожные революционеры-прогрессисты, с другой —

православные реакционеры, защитники патриархальных устоев. И тех и других можно называть как угодно. Революционеров — «силами беззакония» (для почвенников). Реакционеров — «мракобесами» (для коммунистов). Но в концептуальном плане ничего по существу не меняется: и те, и другие одинаково признаются в том, что борцы за новый мир все как один выступали против царя и религии, а их противники точно так же все как один стояли горой за самодержавие и православную веру. Однако фактом остается то, что среди борцов за новый мир был целый легион разномастных «богоискателей», включая и тех, которые объявляли себя самыми горячими приверженцами православия и монархического строя.

Георгий Флоровский, излагая философию Владимира Соловьева, делает такое красноречивое замечание: «И слушали Соловьева не столько как мыслителя, но именно как «учителя», проповедника, даже пророка. Стечение слушателей на его лекциях в Петербургском университете удивляло и огорчало ревнителей «положительного» знания». Далее он приводит отзыв современника: «В шестидесятых годах такую толпу могла бы собрать только лекция по физиологии, а в семидесятых — по политической экономии, а вот в начале восьмидесятых почти вся университетская молодежь спешит послушать лекцию по христианству» (Флоровский, с. 310).

Не будем сейчас уточнять, каким «христианством» так неожиданно увлекалась русская интеллигенция. Отметим только сам факт религиозных увлечений, которые стали набирать силу как раз ближе к началу XX века. Николай Лосский в «Истории русской философии» отмечает, что в XIX веке интеллигенция еще слабо интересовалась вопросами религии, в большей степени посвящая себя проблеме свержения самодержавия или рассуждая о введении социализма. Но затем открывается новый, выражаясь посовременному, тренд: «В конце XIX и начале XX в., - пишет он, - значительная часть русской интеллигенции высвободилась из плена этого болезненного моноидеизма. Широкая публика начала проявлять интерес к религии, метафизическому и этическому идеализму, идее нации и вообще духовным ценностям» (Там же, с. 197).

Георгий Федотов так характеризует начало XX столетия в России, после подавления революции 1905 года: «Самое главное, быть может: лучшие силы интеллигентского общества были впитаны православным возрождением, которое подготовлялось и в школе эстетического символизма, и в школе революционной жертвенности». Кумиры безбожных «шестидесятников», вызывавших бурю негодования у Достоевского, казалось бы, исчезли как кошмарный сон. Сам Достоевский с его религиозными поисками вдруг оказался востребованным автором.

За несколько лет до большевистского переворота действительно казалось, что Россия переживает религиозный подъем, что происходит изживание материализма. Образованные люди, «перебесившись» Бюхнером, Молешоттом, Спенсером, Прудоном и Марксом, начинают обращаться к «духовному», открывая для себя в том числе и те верования, что на протяжении столетий распространялись в народной среде.

Николай Бердяев, проделавший (как многие его единомышленники) эволюцию от марксизма к религиозной философии, приводит такое свидетельство в своей книге «Русская идея»: «Мне посчастливилось приблизительно около 10-го года этого столетия прийти в личное соприкосновение с бродячей Русью, ищущей Бога и Божьей правды. Я могу говорить об этом характерном для России явлении не по книгам, а по личным впечатлениям. И могу сказать, что это — одно из самых сильных впечатлений моей жизни. В Москве, в трактире возле церкви Флора и Лавра, одно время каждое воскресенье происходили народные религиозные собеседования. Трактир этот тогда называли «Яма».

На этих собраниях, носивших народный стиль уже по замечательному русскому языку, присутствовали представители самых разнообразных сект. Тут были и бессмертники, и баптисты, и толстовцы, и евангелисты разных оттенков, и хлысты, по обыкновению себя скрывавшие, и одиночки — народные теософы. Я бывал на этих собраниях и принимал активное участие в собеседованиях. Меня поражали напряженность духовного искания, захваченность одной какой-нибудь идеей, искание правды жизни, а иногда и глубокомысленный гнозис. <...> Народные искатели Божьей правды хотели, чтобы христианство осуществилось в жизни, они хотели большей духовности в отношении к жизни, не соглашались на приспособления к законам этого мира».

Таким образом, в начале XX столетия в России наметился трогательный консенсус между народными искателями «Божьей правды» и разного рода интеллектуалами, ищущими, как им казалось, того же самого, то есть — «осуществления христианства в жизни». Как же случилось, что через несколько лет власть в стране взяли воинствующие безбожники? Или они тоже переустраивали ненавистный «этот мир», исходя из тех же духовных запросов?

Вспомним, что Ленин прозорливо назвал Льва Толстого «зеркалом русской революции». С чего бы это, казалось бы? Лев Толстой – радикальный разоблачитель всех форм насилия, к тому же мнящий себя – как и все остальные русские «богоискатели» - «истинным христианином». И вдруг он – «зеркало русской революции», то есть действия насильственного, кровавого и безбожного. Однако Ленин ясно уловил главные, более принципиальные черты толстовства – это неприятие российской действительности, яростная критика существующих порядков, отражение накопленной в русском народе ненависти к «эксплуататорам». Главное же в учении Толстого (чему не придал должного значения Ленин) - стремление к радикальному ниспровержению сложившихся устоев и построению нового «идеального» общества на откровенно коммунистических началах.

Короче говоря, не навязчивое «богоискательство», а как раз нигилистическое отношение к существующей социальной действительности, совмещенное с утопическими ожиданиями, – вот что сближало Толстого с большевиками. Не можем ли мы по тому же принципу оценить подлинное содержание всех наших национальных исканий «божьей правды»? И так ли уж были далеки русские философы от безбожных коммунистов?

Безумство мечты

Специально уточню, что невозможно понять причины революции, копаясь в экономических показателях или разбирая внутреннюю и внешнюю политику той поры. Здесь важнее оценить и прочувствовать господствующие в те времена умонастроения – какими эмоциями и идеями жило тогдашнее общество, о чем мечтали люди, к чему стремились. У нас сложилось неверное представление, будто большевики посягнули на некие вековые устои, тогда как их противники их числа «богоискателей» всячески противостояли этому чужеродному явлению. Большевизм, вроде как, - ответвление западничества. Соответственно, весь их социальный эксперимент якобы шел вразрез с теми устремлениями, которыми жила вот эта самая «бродячая Русь» и ее интеллектуально рафинированные поклонники.

В этой связи не мешало бы подробнее разобрать, куда вели все эти искания «божьей правды» - как в народном, так и в университетском варианте. Так ли уж много отличий у этих одухотворенных искателей от большевиков и прочей революционной «безбожной» интеллигенции?

Бердяев верно указывал, что русские революционеры отличались той же религиозной одержимостью, как и представители радикальных староверческих сект. Данное сравнение отнюдь не высосано из пальца. Сектантский дух русских революционеров, их острое неприятие существующего мира и готовность приносить жертву во имя отвлеченных идей хорошо описаны в многочисленной художественной, публицистической и философской литературе. Этот вопрос рассмотрен со всех сторон, и вряд ли нам стоит на нем специально останавливаться.

Здесь нас интересует другое — насколько расходились пути безбожных революционеров и богоискателей? С точки зрения Бердяева и его сторонников, коммунисты были правы в том, что они утверждали социалистические принципы, якобы идущие из самого христианского учения и являющиеся часть той самой «Божьей правды», за которую ратовала упомянутая бродячая Русь. И в этом наши философы-богоискатели искренне поддерживали большевистские преобразования. Бердяев даже восхищался сталинской конституцией 1936 года, утверждая, будто там дано безупречное (с «духовной» точки зрения, конечно же) определение собственности, якобы исключающее всякую эксплуатацию человека человеком.

Бессмысленно отрицать, что в марксизме русские революционеры искренне оценили все то, что присутствовало в глобальных проектах философов-богоискателей: неприятие существующей действительности, веру в наступление новой эпохи, установку на преобразовательную деятельность и, конечно же, осуждение капиталистической наживы с позиций некой общечеловеческой нравственности. Дух капитализма для русских революционеров был тождественен духу эгоизма. Но именно «эгоизм» во всех его проявлениях подвергнулся всестороннему осуждению в трудах религиозных философов, и прежде всего в трудах самого Соловьева.

Единственное, что не устраивало наших богоискателей, так это насаждаемая большевиками атеистическая идеология, будто бы искажающая подлинный смысл столь необходимых всему человечеству социальных преобразований. Иначе говоря, из-за своего воинствующего безбожия большевики якобы не смогли реализовать подлинный идеал христианского братства. И поэтому вместо построения «истинного» Царство Божия на земле, они занялись построением новой Вавилонской башни. Именно с материалистическим «извращением» христианского (якобы) идеала богоискатели связывают большевистский деспотизм, кровавые репрессии и даже голод.

По этой логике получается, что если бы власть в стране досталась не материалистам, а «сознательным» носителям христианских идеалов, то в стране (а далее и во всем мире) произошло бы реальное чудесное преображение — без крови, насилия и голода. Но власть, по какому-то неведомому попущению, досталась безбожникам. Как потом задним числом объяснили наши философы (очутившись в эмиграции) Россия де оказалась «не достойна» выполнить свою вселенскую задачу в ее истинно-христианском варианте. Народбогоносец, коему на роду было написано «спасти» человечество от материальных оков (знакомый тезис, не так ли?), оказался, дескать, не на высоте, поддавшись обольщению чисто земного устроения.

Не совсем ясно, какую меру ответственности определили себе сами богоискатели. Были ли они «на высоте» великой мессианской задачи, из их опусов понять невозможно. Зато легко оценить их замысел о России, русском народе и, соответственно, обо всем человечестве. Посмотрим, что сулил бы людям рай на земле, возьмись за его воплощение искатели «Божьей правды».

Выше мы уже показывали, за что в Третьем Риме ратовали самые непримиримые сторонники наступления эры Святого духа: непрерывные посты, молитвы и земные поклоны. Характерно, что к началу XX столетия оживились те же эсхатологические ожидания, на которых было помешано русское общество в период становления Московского самодержавия.

Как свидетельствует Бердяев: «Все богоискатели обычно имели свою систему спасения мира и были беззаветно ей преданы. Все считали этот мир, в котором приходилось жить, злым и безбожным и искали иного мира, иной жизни. В отношении к этому миру, к истории, к современной цивилизации настроение было эсхатологическое. Этот мир кончается, в них начинается новый мир». Далее он отмечает, что схожие настроения испытывала революционная интеллигенция, формально отрицавшая религию, но бессознательно подчинявшаяся вполне религиозным чувствам: «В более глубоком слое, не нашедшем себе выражения в сознании, в русском нигилизме, социализме была эсхатологическая настроенность и напряженность, была обращенность к концу. Речь всегда шла о каком-то конечном совершенном состоянии, которое должно прийти на смену злому, несправедливому, рабьему миру. <...> Русские революционеры, анархисты и социалисты были бессознательными хилиастами, они ждали тысячелетнего царства».

Насколько революционеры-социалисты были «бессознательными» хилиастами, настолько «сознательные» хилиасты из числа богоискателей были «бессознательными» революционерами-социалистами. А если называть вещи своими именами, то богоискатели утверждали как раз ту версию социализма, которую на протяжении многих веков разносили по всей Европе еретики разных мастей. Именно поэтому их социализм мы со всем основанием можем назвать «аутентичным», в то время как социализм большевиков был изрядно разбавлен просвещенческой идеологией. Только значит ли это, что блажные идеи русских богоискателей делали их нравственно выше, духовно чище и обещали людям какую-то дивную сказку, а не тот кровавый кошмар, что учинили большевики в захваченной ими стране?

Как мы помним, германские анабаптисты, движимые будто бы «святым духом», не чурались насилия, устроив кровавую баню в осажденном Мюнстере. Демонстративно набожный Иван Грозный, одержимый той же эсхатологической манией, строил свой «христианский социализм» без всякого сострадания и милосердия к подданным. Были ли столь безобидны и идеи наших одухотворенных богоискателей? О злодеяниях большевиков говорить легко ввиду того, что эти товарищи от отвлеченной теории конкретно и наглядно приступили к практике. В теории же, кстати, их установки были самые благие — торжество свободы, равенства и братства.

У русских богоискателей в теории тоже все возвышенно и прекрасно - сплошное торжество духа. И было бы в высшей степени некорректно сравнивать этот отвлеченный идеал книжных мечтателей с конкретной практикой их идеологических оппонентов из революционного лагеря. В то же время достаточно рассмотреть богоискательскую химеру в практической плоскости, как перед нами сразу же выстроится коммунистический эксперимент во всей его пугающей «красе».

Прокрустово ложе «высоких» идеалов

За примерами ходить далеко не нужно. Посмотрим, что предлагал реализовать на практике великий гуру русских богоискателей, главный апостол «русской идеи» Владимир Соловьев. Его по праву считают основоположником русской религиозной

философии, ибо в отличие от своих предшественников он создал некое подобие системы. Я говорю «подобие», поскольку вся философия Соловьева — это сплошное напыщенное эстетство, густо приправленное постоянным употреблением слова «дух» или «духовность». Соловьев — утонченный стилист, неординарный художник, умело маскирующий метафоры под философские термины. Как мыслитель он — типичный догматик с претензией на провидца и духовного наставника. Его можно поставить рядом со средневековыми богословами, учитывая при этом то немаловажное обстоятельство, что с канонической точки зрения этот богослов — откровенный еретик, прекрасно осознающий истоки своей ереси.

Даже такой лояльный и снисходительный автор, как Флоровский, подробно рассказывает, в каких направлениях разворачивались религиозные поиски русского философа. По его свидетельству: «... романтика, Якоб Беме и его продолжатели, и даже Парацельс и Сведенборг, – вот тот мистический и теософский круг, в котором взращивалось первое мировоззрение Соловьева. Вскоре прибавилось изучение гностиков и каббалы. (Флоровский, с. 316) С этими увлечениями он не порывал до конца дней. «Соловьев и впоследствии, – пишет Флоровский, – так всегда и оставался в этом душном и тесном кругу теософии и гностицизма». По его словам, «с неоплатонизмом и с новой немецкой мистикой Соловьев всегда был связан больше и теснее, чем с опытом Великой Церкви и с кафолической мистикой». (Там же). Не без сожаления Флоровский признает: «В том и было основное и роковое противоречие Соловьева, что он пытается строить церковный синтез из этого нецерковного опыта». (Там же).

Все это я упомянул к вопросу о якобы «православных» корнях русского мессианства, который до хрипоты отстаивали наши богоискатели. Соловьев, как главный столп «русской идеи», своим примером красноречиво показывает, на какой почве произрастало это мессианство со всеми его призывами к спасению человечества и братскому единению народов.

У нас все еще неверно трактуют «русскую идею» как какую-то идеологию русского национализма, что абсолютно неверно, поскольку «русская идея» - учение откровенно космополитическое, к национализму никакого отношения не имеющее. Мало того – категорически выступающее против любого национализма, в первую очередь — национализма русского (да-да, господа патриоты!). Вот как формулирует основное положение «русской идеи» великий гуру Соловьев: «Русский народ, — пишет он, — народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия чрез себя и ради себя, но что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается». И далее: «Она должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление в согласии с другими народами того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой».

Русские народ, конечно же, был не единственным христианским народом, и потому остается только гадать, почему не появилось аналогичной «польской идеи», или «шведской», или «немецкой», «австрийской», «болгарской». А может еще и «румынской»? Не потому ли, что во многих христианских странах — после усмирения радикальных сектантов — проповеднику глобального миссионерства проще было оказаться в сумасшедшем доме, чем на университетской кафедре? Но у России тогда еще была «особенная стать», и потому безумствующие проповедники спокойно изъяснялись в кругу академического сообщества.

Чего стоит «коронная» фраза Соловьева о том, что идея нации «есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Звучит эффектно, чисто по-соловьевски. Если бы великий гуру на этом остановился, предложив каждому разгадывать мысли Бога в меру своих возможностей, его душевное состояние было бы вне всяких подозрений. Но нет — Владимир Сергеевич решил выступить в роли личного секретаря Господа, дерзнув вещать от имени Всевышнего. Иначе говоря, Бог думает о нации в вечности, а философ Соловьев передает Его мысли во времени. Именно такая картинка и возникла к концу XIX столетия, когда толпы интеллигентов слетались на соловьевские лекции. На фоне проповедей Соловьева цвиккаукские пророки, что называется, просто отдыхают.

Итак, о чем вещал наш пророк? Соловьев провозглашает, по сути, ту же теократическую утопию, что насаждалась в Московском царстве. Правда, мыслит он в мировом масштабе. Но ведь и самодержцы Третьего Рима тоже, вроде как, претендовали на мировое влияние. Русский философ идет тем же путем, заявляя о создании интернационального священства, централизованного и объединенного «в лице общего Отца всех народов, верховного первосвященника». Причем власть мировой теократии, по Соловьеву, отнюдь не символическая. «Чтобы достигнуть идеала совершенного единства, – пишет он, – нужно опираться на единство не совершенное, но реальное. Прежде чем объединиться в свободе, нужно объединиться в послушании. Чтобы возвыситься до вселенского братства, нации, государства и властители должны подчиниться сначала вселенскому сыновству, признав моральный авторитет общего отца».

Какими методами будет устанавливаться «объединение в послушании», философ не уточняет. Хотя из новейшей истории нам известно, что «отцы народов» в подобных случаях редко стесняются в средствах.

По большому счету, Соловьев предрекают эпоху, где полнота власти перейдет к духовным авторитетам, поставляемым будто бы самим Богом. По его словам, Вселенская Церковь должна выявить «свободное и совершенное единство при посредстве пророков, свободно воздвигаемых Духом Божиим для просвещения народов и их властителей и непрестанно указывающих им на совершенный идеал человеческого общества». (там же) Безусловно, в число этих самых пророков, «свободно воздвигаемых Духом Божиим», наш одухотворенный автор включал и себя родимого. Претендовал ли он на роль «Отца народов», сказать сложно, но не исключено, что (судя по его «Трем разговорам») такие горделивые мысли его посещали.

Как мы можем заметить, упомянутые Соловьевым «пророки» очень сильно напоминают «божьих избранников» из числа немецких анабаптистов, вещавших якобы по нисхождению «святого духа» (в их понимании). В равной степени и в «Отце всех народов» нетрудно разглядеть фигуру еретического «Царя Христа», мирового владыки. Конечно, в реальности самозваные «пророки» и «Христы», коих и в Европе, и в России было немало, не дотягивали до соловьевского идеала, но стоит иметь в виду, что русский философ в данном случае только лишь рассуждает о таких вещах. В теории же еретики точно так же, как и наш великий гуру, были настроены на воплощение именно глобального проекта. На практике Соловьев добился намного меньше, а в конце жизни вообще впал в депрессию. Тем не менее одной кабинетной теорией он не ограничивался, совершенно искренне стремясь к практическому осуществлению своего идеала (как в свое время это делали Пифагор и Платон).

Теперь на минуточку представим, что бы случилось с обществом, попади оно под власть таких вот новоявленных «пророков». По Соловьеву, мир находится в процессе эволюционного становления, последовательно переходя от низших стадий к высшим — до окончательного осуществления «Царства Божия», которое, по мнению нашего философа, было уже не за горами. Как следует из его представлений о всемирной истории, человечество прогрессирует от животного, плотского состояния «Зверочеловека» к духовному состоянию «Богочеловека» — последней ступени совершенствования. Развитие сопровождается умалением плотского начала и освобождением и возвышением начала духовного. С точки зрения Соловьева, это есть самая настоящая трансформация, реально преображающая человека во всех отношениях. В этом смысле «Эпоха Богочеловечества» (она же - «Царство Божие») будет абсолютным торжеством нравственного закона, требующего полного выполнения целого ряда аскетических практик.

Вот здесь мы переходим к самому интересному. Дело в том, что нравственный идеал русского богоискателя совсем не сводится к «пошлой» буржуазной благотворительности, когда зажиточные филантропы делятся куском хлеба с сирыми и убогими. Нет, здесь была замах на реальное перевоплощение. Здесь сирые и убогие должны были уподобиться ангелам, чтобы вообще не особо задумываться о хлебе насущном. Соловьев считал, что аскетические практики иноков и известных христианских святых к моменту построения «Царства Божия» должны стать всеобщими. «Люди, - пишет он в знаменитом труде «Оправдание добра», - показывающие власть духа над материальною природою, действительно существовали и существуют, и если их сравнительно мало, то это значит только, что нравственное требование не достигло своего окончательного и полного осуществления, а никак не то, что оно вовсе не осуществляется или остается одним требованием». Соловьев предвещает, будто этот аскетический идеал неизбежно станет обязательным для всех, называя его «безусловным началом нравственности».

Аскетические требования, следуя указанием нашего «пророка», сводятся (внимание!) к отказу от мясной пищи, к ограничению сна (не более шести часов в сутки) и даже к ограничению дыхания (именно так!). И чтобы уж совсем приблизить человечество к ангельскому бытию, Соловьев настаивает на отказе от плотских сношений и деторождения. Он открыто заявляет: «Плотское условие размножения для человека есть зло; в нем выражается перевес бессмысленного материального процесса над самообладанием духа, это есть дело, противное достоинству человека, гибель человеческой любви и жизни; нравственное отношение наше к этому факту должно быть решительно отрицательное; мы должны стать на путь его ограничения и упразднения». По его мнению, «половое воздержание есть не только аскетическое, но вместе с тем альтруистическое и религиозное требование». Способность к воздержанию, считает философ, «есть добро и должна быть принята как норма, из которой могут вытекать определенные правила жизни».

Как видим, «Русская идея» по части радикализма оставляет далеко позади пресловутый «научный коммунизм» большевиков. Во всяком случае, коммунисты не насаждали вегетарианства и не боролись с деторождением. Поэтому страшно вообразить, какую жизнь навязали бы русскому народу наши богоискатели с их непомерными метафизическими запросами и маниакальными претензиями на роль пророков. Строители коммунизма гнули людей через колено, следуя одной лишь вере в прогресс. А в какое прокрустово ложе загнали бы общество строители «Царства Божия»? Давайте еще раз вспомним Соловьева: «Прежде чем объединиться в свободе, нужно объединиться в послушании». Тут ведь даже не намек, а откровенная заявка божественных «избранников» на тотальное управление «несовершенным» людским стадом в целях полного «преобразования» всего человечества, подгонкой людей под аскетический идеал. О

методах, как я уже сказал, Соловьев не пишет, но о них красноречиво свидетельствует практика тоталитарных сект.

Чтобы полнее себе представить масштаб претензий наших философствующих богоискателей, упомянем еще одного корифея отечественной мысли, без которого русскую религиозную философию представить невозможно. Речь идет о Николае Федорове, занимающем в пантеоне идейных вдохновителей место этакого «почетного старца», почти что святого. Соловьев, например, называл Федорова «утешителем» и признавал себя его последователем. Оптинские старцы, как ни странно, такого признания с его стороны не удосужились (несмотря на то, что помогали самозваному «пророку» обороняться от бесов). Федоров же, хоть и не был иноком в христианском понимании, предстает в описаниях своих почитателей не просто гигантом мысли, но и носителем подлинного (якобы) христианского идеала.

Краеугольным камнем федоровской философии считается провозглашение пути окончательной победы над смертью, символизируемой воскрешением Христа. Как видим, замах серьезный. Если христианские святые отцы в таких вопросах целиком полагались на Божью волю, то Федоров решил положиться на естественные науки (что не мешало ему при этом считать себя верным сыном православной церкви). Собственно, сама наука, считал наш корифей, как раз и нужна для преодоления смерти и превращения человека в ангелоподобное существо, способное управлять вселенной (каково!). Начать же нужно, по Федорову, с «обращения эротической энергии», то есть вместо того, чтобы рожать детей, необходимо сосредоточиться на воскрешении умерших предков.

По вопросу деторождения Федоров даже более категоричен, чем Соловьев. «Можно догадываться, – заявляет он, – что у человека вся кровь должна была броситься в лицо, когда он узнал о своем начале, и как должен был он побелеть от ужаса, когда увидел конец в лице себе подобного, единокровного». (Сочинения, с. 101) И далее: «Сознание же, вдумывающееся в процессе рождения, открывает нечто еще более ужасное; смерть, по определению одного мыслителя, есть переход существа (или двух существ, слившихся в плоть едину) в другое посредством рождения». (Там же, с. 102) Отсюда Федоров выводит так называемый «долг воскрешения», требующий «прогресса в целомудрии». (Там же, с. 102)

Уточним, что «прогресс в целомудрии» предполагает не просто воздержание от совокупления – таким путем, по Федорову, достигается полная победа над чувственностью (а вы как думали?). В результате должно произойти преображение всего человечества, всех отдельно взятых людей. Именно так будто бы появляется новый бессмертный человек, «в коем все сознается и управляется волей». (Там же, с. 105) «Такое существо, будучи материальным, ничем не отличается от духа» – заключает Федоров.

В общем, задачи последователей «научного коммунизма» меркнут на фоне столь впечатляющего «духовного» замысла. Тем-то и отличаются обычные мечтатели от мечтателей в квадрате, к коим, безусловно, принадлежал наш корифей. Федорова принято считать основоположником так называемого «русского космизма» - особого ответвления отечественной мысли, делающей заявку на переустройство мира и человека. Считается, что даже большевики втайне позаимствовали кое-какие положения федоровской философии, чем объясняются, в частности, их планы по электрификации и интерес к космическим полетам.

Возможно, именно здесь четче всего находятся точки соприкосновения между революционными безбожниками и богоискателями. Федоров в своем лице как бы

примиряет и тех, и других, а точнее — показывает всю условность отвлеченных идеологических формулировок. И те и другие одинаково не признавали и ненавидели реально существующий мир, противопоставляя ему свои умозрительные химеры. И не так уж важно — апеллировали ли они к авторитету Маркса или к авторитету Христа. С последовательно христианской точки зрения не принципиально, под какой личиной выступает ложное учение. Ложь всегда многолика, истина же одна.

Космический замах

В этом смысле нет существенной разницы между марксизмом и тем же федоровским космизмом. На практике, как мы понимаем, заявка на радикальное преображение мира и человека неизбежно ведет к организованному насилию и ломанию людей через колено, выстраиванию «несовершенных тварей» под идеал. Ведь идеальное общество (в понимании преобразователей) закономерно требует идеального человека, за «создание» которого берется новая, «творческая» власть — под какими знаменами она бы ни выступала. Напыщенная альтруистическая лепота русских богоискателей — не более чем декорация. Просто никто из этих борцов за новый мир не решился на практике преобразовать бренную плоть человека в «дух». Дошли только до воспитания «социалистической сознательности». Но и этого хватило, чтобы понять истинную цену подобных экспериментов над людьми. Однако что было бы, рискни экспериментаторы продвинуться дальше?

Понятно, что техническая сторона вопроса не имеет здесь принципиального значения. Вопрос о том, можно ли переделать человеческий организм таким образом, чтобы он мог парить среди звезд — оставим на совести самих мечтателей. Куда важнее оценить их отношение к реальному, «несовершенному» человеческому существу, которому не оставалось ничего другого, кроме как с благоговением и трепетом внимать своим «продвинутым» наставникам. Откровеннее всего эту мысль выразил один из последователей Федорова — Константин Циолковский.

Циолковского в нашей стране до сих пор считают основоположником отечественного ракетостроения, хотя, конечно же, это больше похоже на миф. Его интерес к космическим полетам, разумеется, напрямую связан с федоровской философией. И сам Циолковский в большей степени был философом, а не ученым. Что касается его философии, то это есть русский космизм в его рафинированном, я бы даже сказал – откровенном варианте. Возникает даже впечатление, будто Циолковский писал свои труды в надежде на то, что они не будут известны широкой публике, «массам», а найдут хождение только в кругу таких же убежденных космистов, каким был он сам. Хотя, скорее всего, тогда просто было другое время (а это происходило в «лихие» 1920-е годы), в стране царил дух глобальных перемен, и можно было немного пооткровенничать. В любом случае современная широкая публика по сию пору почти ничего не знает о Циолковскомфилософе. Хотя его откровения стоят того, чтобы о них сказать, ибо они наглядно и неприкрыто обнажают подлинные настроения и нравственные принципы наших преобразователей. Именно у таких мыслителей, как Циолковский, «Русская идея» предстала без всяких метафизических прикрас и прочей мудреной «софиологии». Все выстроилось очень предметно, а потому искренне.

Еще раз уточню: Циолковский – последователь космиста Федорова, повлиявшего на русскую религиозную философию. У самого Циолковского никакой религии как будто нет. Мало того, он открыто называет себя материалистом. Конечно, в стране победившего марксизма-ленинизма по-другому быть и не могло. В СССР даже церковные иерархи

вынуждены были признавать «христианский смысл» социалистической революции. Куда им было деться-то? Так что декларации Циолковского насчет его материализма могли быть вынужденными. Живи он при царском режиме, может, подобно своему учителю, приукрасил бы свою философию упоминаниями о «духе» или «детях божьих».

Как бы то ни было, в главном этот материалист полностью сходился как со своим учителем, так и со всей когортой философствующих богоискателей-хилиастов.

Итак, читаем: «Так пройдут тысячи лет, и вы тогда население не узнаете. Оно будет настолько же выше теперешнего человека, насколько последний выше какой-нибудь мартышки. Даже исчезнут из характера низшие животные инстинкты, даже унижающие нас половые акты (! — О.Н.) и те заменятся искусственным оплодотворением. Женщины будут родить, но без страданий, как родят низшие животные. Произведенные ими особые зародыши будут продолжать развитие в особой обстановке, заменяющей утробу матери» (Циолковский, с. 44).

По части деторождения Циолковский несколько переосмыслил философское наследие Федорова, зато пролил свет на вопрос, поставленный до него Соловьевым: «Всецелое превращение нашей плотской жизни в духовную как событие не находится в нашей власти, будучи связано с общими условиями исторического и космического процесса...» (Соловьев. Т.2, с. 147).

Стоит отметить, что заявление Циолковского о «бесполом» размножении человека сделано отнюдь не на пустом месте. Русское общество до революции было буквально помешано на теме «греховного» полового размножения и искало, так сказать, альтернативные, более «духовные» варианты продления рода. Даже известные революционные интеллигенты не избегли рассуждений о нравственном аскетизме, где вопрос о половом воздержании значился на первом месте. Георгий Флоровский пишет о кружке, куда входил молодой Писарев. В числе основных задач данного кружка «было поставлено угашение половой страсти и влечения во всем человечестве. Пусть лучше человечество вымрет, и жизнь остановится, чем жить в грехе» (Флоровский, с. 292). Поэтому, например, аскетические заявления Федорова и Соловьева находили благодатную почву и вряд ли звучали как некая философская причуда — «борьба с плотью» набирала силу в разных слоях общества, о чем свидетельствует хотя бы популярность в России скопчества и хлыстовства.

Самое интересное, что этот вопрос был актуален еще у Московских книжников. Сергей Зеньковский приводит такую ссылку: «... Иосиф Волоцкий не только писал, что «девство брака выше есть и много чеснейши», но и предполагал, что брак даже не является единственной моральной возможностью продолжения рода человеческого, так как таковое по воле Божией может произойти другим путем. «Нужды убо ради, а не иного чего брак бысть. Можеше убо Бог и инемь образом человечеський род умножити», – учил суровый Волоцкий игумен». (Зенковский С. А., с. 524).

Следуя той же традиции, Соловьев буквально заявляет, что брак и плотское размножение осуществляются в силу необходимости («нужды убо ради») и что дальнейшее существование человечества будет связано с решительными переменами именно в данном пункте. Сам философ старается не вдаваться в детали по этому вопросу, полагая только саму возможность перемен.

Циолковский же пошел дальше, осветив проблему «безгрешного» размножения с «научных» позиций. Речь ведь у него шла не просто о выращивании эмбрионов в

пробирках. То будут особые эмбрионы, из которых будут вырастать совершенные существа. Как пишет наш ученый мечтатель: «Кругом Солнца, поблизости астероидов, будут расти и совершенствоваться миллиарды миллиардов существ. Получатся очень разнообразные породы совершенных: пригодные для жизни в разных атмосферах, при разной тяжести, на разных планетах, пригодные для существования в пустоте или в разреженном газе, живущие пищей и живущие без нее — одними солнечными лучами, существа, переносящие жар, существа, переносящие холод, переносящие резкие и значительные изменения температуры». И далее: «Впрочем, будет господствующим наиболее совершенный тип организма, живущего в эфире и питающегося непосредственно солнечной энергией» (Циолковский, с. 45).

В общем, с «совершенными» все понятно. А что произойдет с несовершенными? Здесь космист Циолковский предельно откровенен: «Земля оказывается исходным пунктом расселения в млечном пути совершенных. Где на планетах встретят пустыню или недоразвившийся уродливый мир, там безболезненно ликвидируют его, заменив своим миром. Где можно ожидать хороших плодов, там оставят доразвиваться» (Там же, с. 45).

Оценим еще одно заявление Циолковского: «Многочисленное население земли будет усиленно размножаться, но право производить детей будут иметь только лучшие особи» (Там же, с. 43). Сказано в 1925 году. Лет через десять что-то подобное стали заявлять в Германии. Интересно, не был ли Гитлер тайным почитателем русских космистов? «Русская идея», как видим, несет в своем развитии массу впечатляющих предложений.

В конечном итоге все эти космические фантазии выливаются в одно простое, но неумолимое требование: «... милосердие и законы исходят от людей и других более высоких существ. Значит, мы приходим к почитанию избранных умнейших людей и иных существ с высшими свойствами.

Им – послушание, внимание и уважение. Хотя существа эти – дети вселенной, но все же почитание самой вселенной бесплодно. Полезно для нас, ограниченных и слабых, исполнение воли избранных и высших. На этом приходится остановиться, этого кажется достаточно» (Там же, с. 96).

Вспомним еще раз заявление Соловьева насчет «единения в послушании». Вот вам тот пункт, на котором смыкаются научный космизм и религиозная философия. Одни боготворят материю, другие рассуждают о Духе, а окончательным выводом из всех этих глубокомысленных изысканий становится призыв исполнять волю «совершенных».

В сущности, вся «Русская идея», под какими бы личинами она ни выступала, есть скрытая (а иногда, как видим, и явная) апология власти особо продвинутых «божьих избранников», на коих возложена миссия вести несовершенное человечество к светлому будущему. Именно они были хранителями тайной магической рецептуры построения рая на земли. Именно им надлежало инициировать и контролировать процесс. Отсюда и заявка на власть.

В данном случае нетрудно убедиться, что «научный коммунизм» большевиков был лишь бледным отражением «Русское идеи». Похоже на то, что весь энтузиазм социалистических преобразований проистекал из смутной или явной веры в те самые чудеса, о которых вещали наши богоискатели и космисты. Иными словами, большевики оказались бы заурядными политическими авантюристами, не будь в обществе массового помешательства на околонаучной фантастике, с коей многие невольно увязали большевистский социальный эксперимент.

Конечно, в идеале все должно было быть без вульгарного материализма, с упованием на высокую «духовность». Но случилось то, что случилось – переустройство мира выпало на долю тех, кто к этому больше всего стремился. Кстати, не сам ли Соловьев заявлял, что в таком исторически значимом деле, как созидание нового мира, формальная приверженность той или иной религии роли не играет? Даже открытые безбожники, полагал он, могут выполнить высшую волю по преображению бытия, если они реально возьмутся за дело и будут искренни в своих намерениях. Так оно, собственно, и вышло: «Царство Божие» в России стали созидать воинствующие безбожники. Были ли за ними «Божья правда» - вопрос даже не риторический. Он — не принципиальный. Принципиально другое — была ли эта самая «Божья правда» у наших богоискателей?

Глава XIII ЛЖЕПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

«Идейное» племя

«Подводя итоги русской мысли XIX в. на социальную тему, русским исканиям социальной правды, можно сказать, что в России вынашивалась идея братства людей и народов. Это русская идея», - так писал Бердяев.

Я уже говорил в самом начале, что с философии взятки гладки. По всему миру на протяжении столетий гудели призывы к мировому братству, но наш философ с невинностью младенца упрямо заявляет: «Это русская идея». Опять Россия стала «родиной слонов».

Когда речь заходит об «исканиях социальной правды», уместно было бы уточнять, кто конкретно на Руси этими исканиями занимался. Неужели кто-то думает, будто простые русские крестьяне ломали с юных лет головы над «проклятыми вопросами»? Тем не менее получилось так, что на русской земле некие искатели вот этой самой «социальной правды» стали тесно ассоциироваться с простым народом. Настолько тесно, что плоды таких исканий упорно связывают с нашими национальными особенностями, как будто «русская идея» была заложена на генетическом уровне и передается прямо от рождения.

Авторы вроде Бердяева, как мы знаем, пытались выводить «русскую идею» из православной традиции, будто бы усвоенной русским человеком даже на бессознательном уровне. Но даже и они вынуждены были признать, что православие в России получило некоторые «особенные» черты как раз под влиянием наклонностей русского национального характера. И что тут было первичным – православие или национальная особенность – остается непонятным.

Конечно, очень легко списать на врожденный национальный характер (или «ментальность» - на современный манер) бесплодные метания русских интеллигентов и преступные эксперименты политиков. Гораздо честнее проследить, кто же на самом деле забивал простым людям головы назойливыми химерами, кто поддерживал в народе эти бессмысленные мечты. Разговоры о врожденной «ментальности» наглядно опровергают хорошо известные примеры. Еще раз сошлемся на Северную и Южную Кореи. Народ один, но какие разные судьбы! Недавно мы все были свидетелями, как простые граждане КНДР публично стенали и бились лбами об асфальт, провожая на тот свет своего

почившего вождя. Зрелище то еще! Людей, конечно, принуждали к показному трауру, но согласимся, что даже кровожадное советское НКВД не додумалось бы устроить такой варварский спектакль по случаю кончины Отца народов. Если кто-то думает, будто обожествление вождей есть некая ментальная особенность корейской нации, пусть глянет на Южную Корею.

Пример с северокорейскими вождями в этом плане весьма показателен. Культ «Солнца Нации» Ким Ир Сена создавался целенаправленно и весьма нахраписто. Народу методично промывали мозги, используя для этого все доступные средства. Но точно так же, как мы знаем, в СССР создавался культ товарища Сталина, Отца народов. Создавался он столь же методично и целенаправленно, изумляя и даже возмущая некоторых товарищей-коммунистов из Западной Европы. И если «отмотать» назад на несколько столетий, то мы увидим ту же картину на заре становления Московского самодержавия — такая же целенаправленная пропаганда и промывка мозгов, о чем уже было сказано.

Таким образом, то, что мы называем «национальной ментальностью, является результатом работы неких «властителей человеческих душ», назойливо вторгающихся в общественное сознание. Если говорить о России, то здешние социальные эксперименты, многовековые попытки реализовать идеологическую химеру, а равно и нынешние отклонения к «особому пути» свидетельствуют о том, что на протяжении столетий нацию назойливо «охмуряет» единая по стилю мышления и душевному складу социальная группа доктринеров и духовных наставников. То есть упомянутых «властителей человеческих душ».

Хочу специально уточнить. Я сейчас говорю не о каком-то государственном или религиозном институте, занимающемся пропагандой, будь то церковь или специальный аппарат ЦК. Речь идет о конкретных носителях определенных идей и определенного мироощущения, которые могут совершенно по-разному социализироваться или институализироваться. Они могут проникнуть и в церковь, и в монастыри, и в отдел пропаганды, и в органы государственной власти. Но они также могут работать на кафедрах, в учреждениях культуры, в газетных и журнальных редакциях, и даже просто шататься по стране в образе странствующих проповедников, певцов, поэтов и рассказчиков. Но всех их будет объединять одно — приверженность определенным идеалам, а также наличие некоторых общих психологических черт. Последнее для нас особенно важно, поскольку идеалы (с коими мы более-менее разобрались) зачастую отражают конкретный душевный настрой.

В этом смысле, когда мы говорим о влиянии на характер русского народа тех или иных идей, не совсем точно это влияние напрямую увязывать именно с институтами. Нельзя, например, сказать, что облик русского народа несет на себе печать церковного влияния. Да, церковь влияла, но институт сам по себе не приобретает авторитета. Авторитетным его делают конкретные личности. И именно с личностями необходимо увязывать господство в нашем обществе разбираемых здесь идей и настроений. А личности эти, как было сказано, могут выступать под разными обличиями, обладать разным статусом.

В самом начале я говорил об индейцах гуарани, которые по призыву своих духовных наставников и прорицателей четыреста лет бродили по сельве в поисках потерянного рая. Бродили до полного изнеможения. С русским народом произошло нечто подобное. У нас оказался целый легион вождей и «пророков», на протяжении пятисот лет увлекающих наше общество погоней за химерой. И было бы важно понять, что движет этими самозваными «пророками», откуда у них такой энтузиазм, к чему они стремятся и на кой им все это надо? Что больше в их действиях — корыстного умысла или маниакальной

одержимости? Как охарактеризовать их психологический облик? И вообще, откуда они такие вот берутся со своими идеями и настроениями?

Между землей и небом

Если одним словом охарактеризовать сущность типичного, наиболее яркого «властителя душ», то это будет «недосвятой». Более подходящего слова придумать сложно. Это человек, претендующий на духовную исключительность, стремящийся к совершенству, но не обладающий достаточной духовной силой, чтобы дойти до конца. Он не может жить как нормальный мирянин, но и жизнь подвижническая (в христианском понимании) дается ему с трудом. Так он «зависает» между горним и дольним. Горний мир становится для него недосягаемой мечтой, а дольний мир вызывает ненависть и отвращение (в чем бы это конкретно ни выражалось). Вот так и живет наш несостоявшийся подвижник — не совсем инок, но и не совсем мирянин.

Преподобный Игнатий Брянчанинов отмечал, что христианство признает два блаженных состояния – спасение и совершенствование. Спасение – для мирян, совершенствование – для подвижников, иноков. Иноки ведут «ангельское» бытие, стремясь к непосредственному общению с Богом. И путь свой подвижнический осуществляют исключительно по Божественному избранию. Строго следуя христианской традиции, самовольство в таких делах не приветствуется. Иными словами, подвижничество – это выбор Бога, а не человека. Попытка идти этим путем по собственной воле, по сути дела, противоречит идеалу святости. С метафизической точки зрения тот, кто стремится к духовному совершенствованию по своему хотению, ничуть не угождает Богу, каким бы лишениям он себя при этом ни подвергал. Никакое изнурение плоти, никакая аскеза здесь не «зачитывается». Скорее, наоборот, вызывает законное подозрение, поскольку самоуправство в духовных вопросах чревато гордыней и излишним самомнением.

Все только что сказанное справедливо в отношении наших искателей «Божьей правды» и всего остального легиона «недосвятых», увлекавших народ построением земного рая. Разумеется, по степени отрешенности от мира эти деятели и проповедники значительно отличались друг от друга. Одни пытались подражать настоящим святым, другие доходили до откровенного изуверства, третьи были просто бытовыми абстинентами. Немалое количество было тех, кто ратовал за святость исключительно «в теории», на практике мало чем отличаясь от простых обывателей. И это несоответствие между слепо принятой идеологией и реальным опытом только дополнительно усиливало раздвоение сознания и делало таких «идейных» субъектов невыносимыми занудами и моралистами. Однако, несмотря на различия в образе жизни, всех этих борцов за изменение мира всегда и во все времена сближало одно — назойливый миссионерский пыл, стремление постоянно лезть людям в душу, декларировать некие «высшие» правила жизни, пребывая при этом в абсолютной уверенности насчет своего морального права на подобное отношение к ближним (и к дальним тоже).

Понятно, что во времена Московского царства «недосвятые» были великолепно вписаны в социум, который, собственно, не без их стараний был в значительной мере под них же и выстроен. Социализация подобных субъектов была здесь максимальной. Любой безумствующий аскет, предвещающий наступление страшного суда и установления Царства Божия (или иным образом вещающий от «Духа Святого»), находил не только понимание во всех слоях общества, но и получал почести не меньше подлинного христианского святого. Как мы уже обращали внимание, в те времена на Руси полно было таких вот бродячих проповедников и разного рода «божьих людей», перед которыми трепетали даже знатные особы. Да чего там — сам грозный царь Иоанн Васильевич снимал

перед ними шапку! Сказать «божьему человеку» что-либо поперек, а уж тем более нагрубить ему или обидеть иным образом было равнозначно тому, чтобы навлечь на себя проклятие.

О том, кто такие были эти «божьи люди», откуда взялись и какое отношение они имели в православной церкви, мало кто задумывался. Этому можно найти только одно объяснение – традиция. Древняя, с незапамятных времен укорененная традиция, плавно перешедшая во времена после принятия крещения и воспринявшая (чисто поверхностно) некоторые черты новой религии. В древней Индии, о чем повествует «Махабхарата», такие же странствующие «божьи люди» регулярно навещали дома знатных семейств, получая не только кров, но и высочайшие знаки внимания. В средневековой Европе таким же почетом пользовались альбигойские «совершенные», с которыми Веселовский, как мы помним, связывал наших калик перехожих.

Совершенно очевидно, что вся наша «бродячая Русь», будто бы мечтающая о горнем мире, вырастает из этой еретической почвы. Тут, собственно, и ничего доказывать не надо, поскольку данное обстоятельство не особо-то и скрывалось (другое дело, конечно же, когда еретики оказывались в рядах иноческой братии). Если же еще сильнее углубиться в прошлое, то на ум приходят странствующие волхвы из «Повести временных лет». И совсем нельзя исключить, что между странствующими проповедниками и странствующими волхвами, поднимавшими в русских землях народные восстания, есть определенная связь.

Лично у меня нет никаких сомнений (о чем уже говорилось выше), что наше еретическое богоискательство густо замешано на дохристианском мистицизме. Казалось бы, что может быть общего между кроткими и смиренными «божьими людьми» Святой Руси и древними странствующими волхвами, способными на организацию кровавых эксцессов (вспомним про истязание «старшей чади»)? На самом деле все упирается на наше искаженное восприятие исторических реалий. Мы, по обыкновению, опираемся на те образы «божьих людей», что сложились в XIX столетии, во времена классической русской литературы.

Действительно, в те времена странствующие проповедники, промышлявшие сбором милостыни и распевавшие духовные стихи, и впрямь превратились в кротких овечек. Но так было не всегда. Ведь и современный интеллигентный отпрыск дворянских кровей мало похож на своих далеких предков – грубых и воинственных варваров. То же самое можно сказать и о странствующих искателях «Божьей правды». Так, упомянутые калики перехожие чаще всего ассоциируются со слепыми бродячими певцами, распевающими духовные стихи на папертях и перекрестках. Однако, как мы уже говорили, изначально калики были откровенными сектантами, странствующими целыми ватагами под руководством выбранных вожаков («атаманов»). В некоторых былинах их именуют «Христом с апостолами», что отчетливо отдает еретическим душком.

Как показывают русские былины, бродячие певцы отнюдь не были безобидными пацифистами. Они не только выпрашивали подаяния, но иной раз вели себя как настоящие разбойники. Объединившись ватагой и вооружившись крюками, они иной раз брали подаяние силой. Да и песни они поначалу распевали совсем не простые, а, мягко говоря, волшебные, магические:

Садились калики да во единый круг, Во единый ли круг да на зеленый луг. Запели калики да Еленьский стих, Запели-закатали да только в полкрика:

А земля-та ведь мати да потрясалася, В озерах вода да сколыбалася, Уж как темные леса да пошаталися, В чистом поле травка залелеяла.

Это прямо какие-то соловьи-разбойники, а не святые! Причем сами они, как указывает былина, идут от «синего морюшка студеного», то есть с северных краев, традиционно населенных могущественными финскими колдунами. Подобно Соловью-Разбойнику, которого пленил Илья Муромец, ведет себя калика-богатырь, буквально прилетевший в Киев с помошью своего костыля:

Становилася калика середь города, Закричала калика во все голову, С теремов вершочики посыпались, Ай околенки да повалялися, На столах питья да поплескалися.

Такими и были на Руси эти «божьи люди», коих, похоже, изначально почитали не за святость, а именно за их магическую силу. Или возьмем юродивых. На Руси они пользовались огромным влиянием, входя в упомянутый легион «божьих людей». Многие из нас по незнанию считают юродивых какими-то безобидными даунами. На самом деле юродивые — это бесноватые тайновидцы, способные на самые крайние поступки, вплоть до убийства (причем, по «высшим» соображениям).. На заре становления Московского царства такие бесноватые, о чем я уже упоминал, носились по улицам с метлами, призывая окончательно очистить Русь от «крамольников и изменников». Короче говоря, призывали к физической расправе над неугодными великому князю! Учитывая, что в числе таких неугодных запросто могли оказаться люди зажиточные, то мы получаем очередное избиение «старшей чади». Вот вам и совпадение с древними волхвами!

Давайте вспомним радикальных староверов, фанатично преданных, как было сказано, мессианской утопии. Мы уже останавливались на том, что эти фанатики были инициаторами коллективных самоубийств. Среди русских сектантов коллективный суицид практиковался даже в относительно благополучном XIX веке, когда споры по поводу реформы Никона уже утихли. Тем не менее, время от времени в той или иной губернии происходили добровольные «запощивания» или замуровывания. И разумеется, у этих безумных инициатив были свои вдохновители. Как мы понимаем - как раз из числа искателей «Божьей правды». Уж если для них ничего не стоила жизнь своих же единомышленников, то что говорить о жизни их идейных противников! Вспомним еще раз садистические перлы Аввакума: «Дайте только срок, собаки! Не уйдете от меня! Надеюсь на Христа, яко будете у меня в руках! Выдавлю я из вас сок-от!». Никона и никониан, как мы помним, он обещал «рассекать начетверо». Как видим, христианским милосердием тут и не пахнет (что не помешало староверам канонизировать Аввакума как святого).

Понять староверческий надрыв не сложно. Реформы, проходившие в России, ставили под сомнение их безусловный авторитет. Усиление в обществе светского начала вело к тому, что на «божьих людей» стали бы смотреть просто как на сумасшедших, без всякого былого трепета и благоговения. Разумеется, сектанты находили еще немало

приверженцев, но в любом случае им было не избежать участи маргиналов. То обстоятельство, что в петровский период радикальные староверы и прочие искатели «Божьей правды» (включая хлыстов и скопцов) распространялись среди простонародья, породил у нас ложные представления о том, будто они являются носителями какой-то примитивной «народной веры», спонтанно возникающей в массовом сознании.

На самом же деле (на что я уже обращал внимание) в простом народе сильна инерция старых воззрений, которые в более ранние периоды носили официальный характер и разделялись в том числе и представителями высших сословий. Кроме того, совсем неверно, будто русские сектанты находили последователей только из числа темных и малограмотных крестьян. Самозванные «Христы», «Саваофы» и «апостолы» (и даже «богородицы») нередко находили поддержку у людей знатных и состоятельных, причем не только в провинции.

Вот один весьма примечательный факт. В самом начале XIX века скопческий «царь-бог» Кондратий Селиванов обратил в свое учение камергера Елянского, под впечатлением которого тот разработал проект установления в России теократического правления. Согласно этому проекту, Селиванов должен был стать духовным учителем царя, а при губернаторах, министрах, генералах и капитанах кораблей должны были состоять комиссары из скопцов. Столь масштабные претензии Селиванова вполне соответствовали его «божественному» статусу «бога над богами, царя над царями, пророка над пророками». Рядовые сектанты ждали того часа, когда их кумир Селиванов явится на облаках небесных, соберет в Москве всех скопцов и отправится с ними в Петербург, чтобы судить живых и мертвых. После чего скопцы воцарятся на земле. При этом, судя по всему, молодой император Александр I достаточно серьезно относился к мистическим причудам скопческого старца, учитывая, что тот благословлял его на войну с Наполеоном и давал предсказания.

Дальше, как говорится, идти некуда. Если уж император получает благословение от сектанта, то что уж говорить о простонародье? Можно еще вспомнить про хлыста Григория Распутина, сумевшего обаять последнюю царскую чету. В общем, «божьи люди» продолжали пользоваться влиянием, хоть широко и не афишируемым. Правда, за многие годы качественный состав искателей «Божье правды» заметно изменился. На место великих магов и тайновидцев приходили истеричные интеллигенты, философствующие богоискатели, мечтатели и моралисты. Однако, несмотря на очевидное «измельчание», идейная преемственность, как мы уже показали, была налицо. А вся борьба за души людей неизменно сводилась к одному — к восстановлению исключительного положения в обществе через исправление «несовершенного» мира.

Претензии «избранников»

Специально обращаю внимание, что провозглашаемый рай на земле мыслился торжеством правды и справедливости только в теории. Практика же предполагала абсолютное торжество «божьих людей». Соловьев, как мы помним, говорил об этом открыто и недвусмысленно, заявив о создании интернационального священства, централизованного и объединенного «в лице общего Отца всех народов, верховного первосвященника». Коммунисты создавали такой же идейно сплоченный интернационал, обещавший вести народы мира к светлому будущему. Стало ли это будущее светлым, обсуждать не будем. Главное, что любой мессианский утопизм ставит на первое место интересы духовных вождей. Пастве достается высокая мечта, пастырям — особый статус и почести. Красивые фантазии о переустройстве мира только на первый взгляд кажутся бессмысленными и пустыми, если мы не учтем здесь реальных выгодаполучателей. Ведь

вопрос не в том: а можно ли осуществить высокую мечту? А в том, что она дает власть над теми, кто в нее искренне поверил.

Собственно, а что еще могли предложить обществу наши «недосвятые», если построение рая на земле было единственной темой, в которой они слыли великими «специалистами»? На каком поприще они могли еще прославиться, чтобы заслужить трепетное признание и восхищение? Уж если «недосвятой» корчит из себя пророка, то вряд ли его устроит обычный, «чисто человеческий» почет и уважение. Ведь неспроста сектантские вожди объявляли себя «Христами» и «апостолами». Видимо, более скромная роль их не устраивала. Не туда ли метили и наши философствующие богоискатели? Уж если не слыть живым богом, так хотя бы сойти за апостола.

Вспомним еще раз Аввакума, вещавшего, по его уверению, «небесные тайны». Может ли человек с таким вот психическим настроем (и с таким самомнением) посвятить себя обычному рутинному делу, освоить какую-нибудь полезную профессию, предложить чтолибо реальное для улучшения жизни? Как я уже сказал, «недосвятой» не в состоянии нормально освоиться в «обывательском» мире, но и иноческая жизнь не увлекает его до конца.

Мне, конечно, могут возразить, сославшись на то, что староверы неплохо занимались практической деятельностью и устраивались в миру. Да, действительно. Но только нужно иметь в виду, что это происходило после того, как они усмиряли свой миссионерский пыл и начинали приспосабливаться к реальным условиям. То есть когда из «недосвятых» превращались в обычных мирян. Отмечу, что процесс обмирщения известных раскольнических толков достаточно хорошо зафиксирован. Происходило там не все гладко, но тем не менее отход от мессианского беснования был выражен отчетливо.

Кроме того, еще раз обращаю внимание, что речь идет не об институтах и организациях, а о конкретных людях, носителей определенных идей и настроений. Как я говорил, по мере обмирщения староверов, их место занимали новые когорты «недосвятых» из числа революционных интеллигентов и философствующих богоискателей. Соловьев вещал о наступлении «Царства Божия» прямо с университетской кафедры. Мог ли он посвятить себя чему-либо более прозаичному? Например, выведению новых сортов яблок (он еще имел и естественнонаучное образование), проектом земельной или образовательной реформы. Да хотя бы просто заниматься «отвлеченной» (по его выражению) философией, без всяких претензий на мироустройство. Объективно здесь ему ничто не мешало. Но были субъективные причины – желание стяжать лавры апостола.

Даже внешне и по образу жизни Соловьев сильно походил на странствующего раскольнического проповедника. Николай Лосский в «Истории русской философии» приводит такое воспоминание Евгения Трубецкого о Соловьеве: «Своим духовным обликом он напоминал тот созданный бродячей Русью тип странника, который ищет вышняго Иерусалима, а потому проводит жизнь в хождении по всему необъятному простору земли, чтит и посещает все святыни, но не останавливается надолго ни в какой здешней обители». (Лосский, 100) Что касается внешнего облика, то «он имел вид изможденный и представлял собой какие-то живые мощи. Густые локоны, спускавшиеся до плеч, делали его похожим на икону. Характерно, что его часто принимали за духовное лицо». (Там же) Это описание совпадает с тем, как очевидцы характеризовали альбигойских «совершенных». Напомню, что нечто подобное Козьма Пресвитер писал и о богомилах, которые будто бы сознательно изнуряли себя постами, чтобы доказать искренность своих религиозных чувств.

Соловьев, как мы знаем, не был иноком (и даже стопроцентным аскетом), хотя не раз собирался постричься в монахи. О себе он говорил, что хоть он и не монах, но у него нет постоянного места жительства. Нелишним будет еще раз сослаться на Козьму Пресвитера, который считал, что еретиками становятся как раз странствующие аскеты, которые не могут или не хотят подчиняться строгим правилам монастырского общежития. Соловьев был таким же самовластным искателем духовности, по своей собственной воле обременяющий себя время от времени аскетизмом. «Еще мальчиком, – пишет о нем Лосский, – он совершал аскетические поступки. Мать часто находила его спящим без одеяла в зимнее время. Этим Соловьев хотел победить плоть». (Лосский, с. 92)

Уже будучи подростком, он на некоторое время разуверился в религии и стал безбожником. В таком состоянии он совершал откровенно кощунственные поступки: выбросил в сад все иконы, а однажды на глазах у своих сверстников демонстративно потоптался на могильной плите, чтобы доказать таким поступком, будто «Бога нет». Впоследствии он отбросил материализм и вновь стал христианином, хотя для него, как мы показали выше, это уже было некое «идеальное христианство».

Я неспроста останавливаюсь на этом «пророке». В России в ту пору начиналась настоящая эпидемия мессианского психоза среди подрастающего поколения, как будто души почивших сектантских вождей стали вселяться в тела отпрысков из приличных семейств. Отец Соловьева – знаменитый историк Сергей Михайлович Соловьев – был вполне вменяемым человеком. Остается только догадываться, какая муха укусила его сына.

Похожая история – со знаменитым семейством Ульяновых, давшим миру великого и ужасного пролетарского вождя. Ульянов-старший был нормальным законопослушным семьянином, состоял на государственной службе и сделал много полезных дел. Почему его сын Володя не последовал примеру отца и вместо освоения вполне цивилизованной профессии увлекся мировой революцией, тоже не понятно. Видно, быть хорошим юристом для него оказалось недостаточно. Нужно было сравняться с Господом.

Трагедия России как раз и заключалась в том, что в стране скопилась критическая масса «недосвятых», породивших атмосферу нездорового мессианского энтузиазма. В такой атмосфере любое нормальное и здоровое начинание воспринималось как «мещанская пошлость», недостойная де «великого призвания» (или «великой цели», называйте как угодно). Вспомним незавершенные реформы Столыпина, смысл которых так и не был воспринят тогдашней российской элитой, а подлинное их значение по достоинству не оценено до сих пор.

Ткнуть пальцем в небо

В самом деле, много ли вдохновения можно было почерпнуть из такой вполне прозаической задачи, как превращение русских крестьян в полноправных владельцев земли? Как сказал мне по этому поводу один нынешний искатель «Божьей правды»: «Если человек думает о земле, он будет смотреть вниз. А надо, чтобы люди смотрели вверх, на небо, думали о высоком. Поэтому не надо ставить земельный вопрос. Надо развивать ракетостроение и авиацию, чтобы люди смотрели вверх, на небо».

В наше время подобные мыслительные экземпляры становятся, к счастью, экзотикой. Хоть любителей порасуждать о «высоком» в стране еще немало, но все же их влияние заметно иссякло. Но в начале прошлого столетия именно такие энтузиасты определяли общественный настрой. И если тот же Ленин понимал и оценивал столыпинские реформы вполне рационально, видя в них опасность для дела революции, то немалая часть почитателей Святой Руси скептически относилась к инициативам реформатора как раз изза своих блажных идей. Как же – Столыпин замахнулся на крестьянскую общину, этот прекрасный образец «христианской соборности»!

Поразительно, что за несколько лет до большевистской революции наши духоносные интеллектуалы принялись обсуждать вопрос о вселенском призвании России в деле объединения христианских народов. Всерьез рассуждали о необходимости завоевания Константинополя. Во время Первой Балканской войны богоискатель Сергей Булгаков пишет в своем дневнике: «Пробил знаменательный час истории. Наступила година, которую ждала старая Русь с ее мечтою о «Третьем Риме», столице Православного Царства, приближается срок для исполнения политического завещания Достоевского о том, что рано или поздно «Константинополь должен быть наш», приближается момент, когда Россия должна будет сказать твердое слово и решить им окончательную судьбу ею же вызванных к политическому бытию славянских государств. Назрели всемирноисторические события, в которых Россия призвана играть первую роль». Впоследствии Булгаков (и другие его коллеги-богоискатели) с энтузиазмом воспринял вступление России в Первую мировую войну, узрев в этом событии час рождения «новой соборной общности». Как он написал уже после революции: «... не отказываюсь и от мысли, что участие в мировой войне могло оказаться великим служением человечеству, открывающим новую эпоху в русской, да и во всемирной истории, именно византийскую. Но этим, конечно, предполагалось бы изгнание турок из Европы и русский Царьград, как оно и было предуказано Тютчевым и Достоевским».

Ключевая фраза здесь: «могло оказаться». То есть наши «пророки» крепки задним умом. Отчего ж оно «могло оказаться»? Оттого, что так было «предуказано» Тютчевым и Достоевским? Или потому, что так нравилось богоискателям? Как выясняется, идеей грядущего вселенского переустройства бредила немалая часть российской духовной элиты. Павел Флоренский пишет: «В начале всемирной войны, когда предвиделась близкая возможность завоевания Константинополя, в кругах, притязающих на исключительную верность каноническому строю, с большой тревогою разбирался вопрос, как же быть тогда с Константинопольским Патриархом, которого мудрено подчинить Святейшему Синоду, а вместе с тем не складно и сделать верховною главою Русской Церкви. <...> Кажется, из-за этого затруднения иные были даже готовы отказаться от Константинополя».

Представляете себе картинку: грохочет война, на фронте гибнут русские солдаты, большевики пытаются развалить тылы, а в этом время некие «духовно продвинутые» особы очень увлеченно и «с большой тревогою» делят шкуру неубитого медведя (выражаясь по-простому). Архиепископ Антоний (Храповицкий) в 1916 году (!) разрешил дилемму следующим образом: он просто предложил... возродить Византийскую империю, объединив «теперешнюю свободную Грецию с Царьградом под мирской властью Самодержца-грека и под духовой властью Вселенского греческого Патриарха, - и тем отблагодарив эллинский народ за то, что он некогда освободил нас от рабства диавола и ввел в свободу чад Божиих, сделав нас христианами». Действительно, делов-то — взять и возродить Византийскую империю!

Я думаю, любой вменяемый человек согласится, что с такой духовной элитой, неспособной отличить сентиментальный бред от истины, у Российской империи будущего не было. Это сейчас мы может сколько угодно ругать революционную интеллигенцию, расшатавшую государственные устои ради призрачной коммунистической химеры. Однако только что приведенный пример лишний раз показывает, что в России, о чем я говорил в предыдущей главе, на смену мечтателям «в квадрате» пришли просто

мечтатели. Согласимся, что организация плановой социалистической экономики была более реалистичной задачей, нежели реализация планов по созданию «новой соборной общности» на неких «духовных» основаниях. Судя по всему, богоискатели в таких вопросах традиционно полагались на таинственную силу Проведения, чем на сознательный расчет. Провидение, как видим, оказалась не на их стороне.

Обратим внимание, с какой легкостью Булгаков записывает в пророки Тютчева и Достоевского. С чего бы это болезненные писательские фантазии принимать за откровение свыше? У нас о Достоевском по сию пору принято говорить с пиететом, как о великом духовидце. Хотя с чего бы это? Духовным лицом он не был, в святых не значится. Был талантливым, проницательным писателем. Я бы сказал – гениальным писателем. Но – именно писателем, а не духовидцем! И к творчеству его нужно применять соответствующие критерии, разбирать его как писателя, а не как пророка. Претендовал ли он сам на такие почести, сказать сложно. Толстой, например, решил стать больше чем писатель, и открыто уровнял себя с Христом (за что был отлучен от церкви).

С Достоевским не все так однозначно. Но все же показательна сама тенденция – рисовать нимб вокруг писательской головы (или поэтической головы, не суть важно). Все потому, что с XIX столетия деятельность русских «недосвятых» закономерно перекочевала в область литературы и философии. Так мы получили целую когорту философствующих литераторов и философов с наклонностями поэтов. Они, собственно, обосновавшись в современном культурном пространстве, задали так называемую «главную русскую тему». Тема знакомая: бесплодные (да-да – бесплодные!) поиски «Божьего Царства», невинно страдающий правдоискатель (и ничего не находящий), несовершенный мир и (как же без этого) «особый путь» России. Полный набор наших традиционных «проклятых вопросов».

В наши дни привычным местом обитания этих духоносных субъектов стали университетские кафедры, творческие и общественные организации, редакции «толстых» литературных журналов и разного рода патриотических газет. Время от времени их идейные выплески влетают в уши политиков, что приводит к появлению всяких «Евразийских союзов», судьба которых непредвзятому человеку совершенно понятна, поскольку изначально понятно состояние мозгов тех, кто подобные проекты предлагает и изобретает (так уже было с завоеванием Константинополя и объединением христианских народов).

Впрочем, времена меняются. Умопомрачительное прожектерство — это, пожалуй, единственное, что роднит нынешних «властителей душ» с их экзальтированными предшественниками. В остальном современное поколение «недосвятых» мало чем отличается от нормальных людей, даже те из них, что извергают на бумагу свои «высокие мечты» под влиянием изрядной дозы алкоголя.

Я все больше и больше отмечаю для себя, что описание грандиозных проектов постепенно превращается в увлекательное фэнтези, очень востребованное на российском книжном рынке. Ничего подобного не было ни у Достоевского, ни у Соловьева, ни у Федорова. То, дореволюционное поколение «властителей душ» работало исключительно за идею, и даже в мыслях не имело, что на этом можно неплохо заработать. Нынешние прожектеры, даже при избытке душеподъемного пафоса, с полным сознанием дела начинают «башлять» за гонорары. И похоже на то, что очень серьезно вошли во вкус. Так что нынешняя мессианская литература уже вполне профессионально поставлена на поток и расширяет целевую аудиторию по всем законом современного маркетинга.

Короче говоря, рынок слегка помутил идею. Нет, далеко не все наши «духовидцы» поддались искушению, но все самое броское, яркое и известное в этом ряду давно уже не обходится без шелеста купюр. Неровен час, когда новейшие вариации «русской идеи» нельзя будет отличить от популярной научной фантастики. Возможно, это положительный знак. Ведь сказка становится хорошей и доброй, если она воспринимается именно как сказка. Сделайте ее серьезной, и вы получите зашифрованное послание для «избранных». И что там шифруется — большой вопрос.

Будем надеяться, что превращение грандиозных проектов в обычное развлекательное чтиво убережет общество от желания реализовать их на практике. Обмирщение в стане «властителей душ» - тенденция вполне реальная. Вопрос лишь в том, готовится ли им замена. Пока в русском обществе мессианского энтузиазма не наблюдается. Меняется и система оценок. Кабинетных фантазеров, конечно, полно, но эти фантазии, как мы отметили, постепенно превращаются в самостоятельную форму развлечений. И в этом смысле приступ безумной активности, как было сто лет назад, русскому обществу, кажется, не грозит.

Учтем, что целевая аудитория нынешних прожектеров также качественно поменялась. Сегодняшние любители мессианской литературы в практическом плане мало чем отличаются от поклонников научной фантастики и сказочных фэнтези. «Особый путь» превращается в красивую теорию и даже в красивую сказку, будоражащую воображение, но ни к чему не обязывающую. Русский народ сегодня, конечно же, совсем не тот, каким он был сто лет назад. Нравится нам это или нет.

Впрочем, душевное состояние русского народа – это отдельный вопрос.

Глава XIV ПЛОДЫ «ИДЕЙНОЙ» ТИРАНИИ

Блаженство нищих, или альтруизм по разнарядке

Я уже говорил о том, что опорой деспотических режимов являются не злодеи и мздоимцы, а именно бескорыстные жертвователи, готовые слепо, исключительно за «идею» выполнять волю властителей. Не из страха, подчеркиваю, а именно за «идею»! Как и в любой тоталитарной секте, где руководящая верхушка обеспечивает себе комфортную жизнь за счет оравы послушных рядовых фанатиков, в нашей стране на протяжении нескольких столетий правящий класс с такой же выгодой использовал высокие душевные порывы простых соплеменников-единоверцев. Ясное дело, что постоянная подпитка таких душевных порывов имела своим конкретным социальным результатом не создание рая на земле, а поддержание указанных условий сосуществования элиты и простого народа. В этом смысле проповедническая деятельность русских богоискателей и их коммунистических преемников содействовала закреплению таких отношений.

Бердяев довольно точно подметил, что в России «нравственный элемент всегда преобладал над интеллектуальным». Однако необходимо сделать уточнение, что речь может идти не просто о нравственности как таковой, а именно об аскетической нравственности в трактовке русских богоискателей. То есть о некоем высшем проявлении «совершенного» морального сознания. Сюда, например, ни в коей мере не укладываются

основные «мещанские добродетели» буржуазии. Тот же Бердяев указывал, что в русском народе не укрепился идеал честности, характерный для западного общества. Нравственным идеалом на Руси, по мнению Бердяева, испокон веков выступала святость, покоящаяся как раз на принципах аскетической морали, которые провозглашались Соловьевым в качестве всеобщего (подчеркиваю - всеобщего!!!) требования.

Весьма характерно то обстоятельство, что в русской религиозной философии нравственность тесно отождествляется с «духовностью». Причем торжество человеческого духа усматривается не в рациональной организации общественной и экономической жизни, а в сознательном и безоговорочном подчинении «высшим» нравственным принципам. Критика капитализма, кстати, велась большевиками с тех же позиций. И с тех же позиций утверждалась и оправдывалась вся система социально-экономических отношений в новом, «бесклассовом» обществе.

Совершенно очевидно, что в рамках русской мессианско-богоискательской традиции вырабатывалась этика безусловного самоотречения, наиболее подходящая задачам построения именно тоталитарного государства. Собственно, здесь опять не имеет значения, насколько сами духовные наставники и идеологи осознавали подлинный смысл своих заявлений. Гораздо важнее, что они утверждали определенную нравственную норму, обязывающую человека не просто отказываться от своего интереса, но и сам этот интерес ставить под сомнение с точки зрения неких «духовных» принципов. И этот нравственный императив на протяжении нескольких веков упорно вбивался в сознание русского народа.

Например, нет никаких сомнений, что так называемая «рабская покорность» русских крестьян, распекаемая на все лады нашей либеральной интеллигенцией, появилась не в результате прямых запугиваний или из-за какого-то прирожденного мазохизма, а в результате целенаправленной психологической обработки, начавшейся еще в Московский период. Восхваляемая славянофилами община с ее круговой порукой и передельной собственностью создавала идеальные условия для растворения индивидуальности и культивирования обезличенных коллективистских начал. Человек, выращенный в такой среде, вряд ли мог проникнуться отчетливым пониманием собственных интересов и рационально сформулировать свои требования к властям. Маленький кругозор, замкнутое существование в ограниченном пространстве долгие годы, целые столетия порождало в простом мужике уверенность в незыблемости и «естественности» того порядка, в котором он пребывал от рождения. Поэтому то, что славянофилы с пафосом объявляли «соборностью», по сути своей в точности соответствовало положению рядовых адептов тоталитарной секты. И такой порядок, еще раз подчеркнем, целенаправленно поддерживался царским режимом. Одним лишь внешним принуждением удержать в повиновении многомиллионную крестьянскую массу было бы невозможно.

Подчеркнем, что русские богоискатели, включая славянофилов, ценили в простом русском мужике именно те качества, что были на руку господствующему классу: религиозную экзальтированность, терпеливость, смирение, чрезмерную простоту и доверчивость, миролюбие и отсутствие индивидуализма. Для сохранения крестьян в подчинении властям очень выгодно было культивировать именно эти черты характера.

Как известно, для вымывания из деревень «пассионарного» элемента самые дерзкие, агрессивные и неуживчивые молодые люди отправлялись в рекруты. Как раз им Российская империя обязана расширением своих границ и славными победами. Но не они стали главными героями славянофильских опусов, а покорные и смиренные холопы, чьи черты в гипертрофированном виде были спроецированы не только на всю русскую нацию,

но и на всю славянскую расу. Долготерпеливый и миролюбивый раб, напрочь лишенный всяких представлений о личных интересах, стал поистине олицетворением русского духа в славянофильской трактовке. Этот образ уже полтора столетия воспроизводится всеми поборниками «русской идеи», а вместе с ним на разные лады воспроизводятся сопутствующие ему идеологические мифы о вселенской отзывчивости русского народа и «бескровном» созидании великого Российского государства.

Справедливости ради стоит отметить, что миф о прирожденном славянском миролюбии был создан немецким просветителем Иоганном Гердером. Он же, кстати, разработал принципы так называемого гуманистического воспитания, благодаря которому человечество должно было отказаться от войн и перейти к «братскому» планетарному существованию. Эта просветительская (точнее — масонская) идея всемирного братства очень пришлась по душе русским богоискателям, и под нее, собственно, были выстроены упомянутые идеологемы о русской жертвенности и мировом братстве. Насколько они расходились с реальностью, говорить не приходится. Но нужно понимать, что назначение этих идеологических мифов не в том, чтобы правильно отображать реальность, а в том, чтобы задавать определенные принципы внешней и внутренней политики.

Совершенно очевидно, насколько выгодно господствующему классу существование такого «идейного» народа, склонного к самопожертвованию, не предъявляющего властям никаких претензий по поводу ущемления своих прав или интересов — уже ввиду полного отсутствия в общественном сознании самих таких понятий. Исторический опыт показывает, что люди, которые не могут четко, рационально осмыслить свои интересы, неспособны ни к какой корпоративной солидарности, в результате чего склонны любые протестные настроения направлять в утопическое, иррациональное русло, попадаясь на удочку хитрых манипуляторов и политических авантюристов. Такой народ отказывается от одной химеры ради другой, практически ничего не меняя в своей судьбе.

В России сложилась именно такая ситуация: огромная масса русского крестьянства, не обладая никакой собственностью и живя фактически в условиях обычного права, создавала все блага для относительно немногочисленной привилегированной социальной группы. Безусловно, покорность русских мужиков своим господам была целиком и полностью обусловлена их религиозным почитанием царя. Это очень хорошо осознавали веховцы, когда объясняли революционным интеллигентам, что именно царь сдерживает простонародье от беспощадного и кровавого бунта. Освященный царской волей порядок приобретал в глазах крестьянской массы легитимность, а все издержки и притеснения связывались в народном сознании, обработанном официальной пропагандой, не с существующей системой, а с моральной испорченностью конкретных господ, «плохих бояр». Поэтому и в борьбе с бесправием народ более полагался на добрую волю самодержца, нежели на свои собственные усилия. Иначе говоря, здесь вступал в силу упоминавшийся авторитет высшей инстанции. И до сегодняшнего дня в этом плане не произошло никаких кардинальных сдвигов.

Разумеется, идеологическая работа выразителей «русской идеи» также внесла заметную лепту в консервацию общественного сознания. Такой порядок, еще раз напомним, был идеологически обоснован еще при московских великих князьях, а при Иване Грозном получил свое предельное воплощение. Показательны в этом плане письма русского царя английской королеве Елизавете, где тот упрекает ее за то, будто она ведет себя неподобающим ее царственному сану образом. Ивана Грозного изумляет и возмущает то обстоятельство, что подданные английской владычицы пекутся не о ее прославлении, а о своих частных интересах, а сама королева, словно «девка пошлая», потакает им в таких делах.

Московский самодержец даже не допускает мысли, чтобы его подданные подчинялись ему на каких-то условиях. Ведь служение царю, о чем мы говорили, мыслилось как служение самому Богу, и в этом качестве оно само по себе признавалось за благо. Царь, еще раз вспомним, был гарантом спасения, поэтому никаких «договорных» отношений с ним не предполагалось в принципе. Простой русский народ долгое время воспитывался в данной парадигме, и тот, кто смирялся со своей участью, осмысливал свое тягло исключительно в рамках выполнения своего религиозного долга.

Со временем, конечно же, религиозный пыл остывал, и властям приходилось идти на определенные уступки, считаясь с интересами простых людей. Эта тенденция стала четко оформляться со времен Александра II, но самое поразительное, что она мало устраивала как раз «властителей дум», на словах будто бы преданных простому народу. Как ни странно, но практически никто из великих умов России не ставил вопроса о наделении русского крестьянства равными со всеми правами, особенно правами на владение земельной собственностью. Наоборот, величайшие русские умы вошли в историю как ярые противники частного землевладения, видя в нем «пошлые» мещанские ценности, якобы несовместимые с незамутненной душевной чистотой «народа-богоносца».

Примечательно, что ни почвенники-славянофилы, ни социалисты-западники в своих утопических мечтах не видели русского крестьянина в образе независимого владельца земли. Интересно и то, что даже мыслители либерального и антимонархического направления не спешили ставить во главу угла борьбу за равные для всех права на поземельную собственность. Декабрист Пестель при всей своей прозападной ориентации в разработанной им модели республиканского государства совершенно не допускал для крестьян возможности стать частными собственниками (что, кстати, было осуществлено во Франции после Великой революции, где происходила раздача в частное владение бывших монастырских земель). Чаадаев вообще был ярым противником отмены крепостного права. Откровенный западник Кавелин был удовлетворен тем, что многомиллионное русское крестьянство не знает никаких «римских принципов», включая институт частной собственности. Даже теоретик русского либерализма, известный правовед Новгородцев отрицал неприкосновенность собственности, допуская «публичноправовое регулирование» приобретенных прав.

Что уж было говорить об убежденных реакционерах и консерваторах, для которых признание «римских принципов» было равнозначно богохульству и отступлению от «высоких» идеалов.

Барские замашки

Таким образом, русская интеллектуальная элита, несмотря на свои расхождения по отдельным вопросам, отличалась невероятной солидарностью в деле сохранения традиционных социально-политических отношений, когда на благо привилегированных сословий самозабвенно и жертвенно трудится обезличенная масса полуграмотных миролюбивых крестьян, неся основное тягло и не мечтая ни о каких компенсациях. И при малейших признаках угрозы такому положению дел русские интеллектуалы начинали противопоставлять объективным тенденциям свои утопические проекты, где указанный порядок получал не только моральное оправдание, но и выставлялся в своем чистом и развернутом виде.

Не случайно Лев Толстой с такой уверенностью заявлял, что всемирная задача России как раз и заключается в том, чтобы нести народам мира идею общественного устройства без

поземельной собственности, и будто бы в русском обществе по этому вопросу солидарно выступают как люди образованные, так и простые крестьяне. Ссылку великого писателя на позицию крестьян, как мы понимаем, принимать в качестве аргумента несерьезно: ограниченный опыт при полном отсутствии образования не мог дать простым мужикам серьезной основы для какой-нибудь осмысленной позиции по данному вопросу. Как мы понимаем, жизнь русского крестьянина, поставленного в полную зависимость от господ, никак не располагала к самостоятельной выработке каких-либо рациональных жизненных правил. Крестьяне-общинники, подчеркнем еще раз, исходили из того положения вещей, которое им было знакомо с рождения. Ничего другого они не знали и сравнить существующий жизненный уклад ни с чем не могли.

Другое дело — образованный класс, прекрасно осведомленный относительно «римских принципов», либеральных теорий и общественно-политического устройства стран Запада. Здесь противодействие распространению западных правовых институтов, защита «особого пути» развития была совершенно СОЗНАТЕЛЬНОЙ. И тот факт, что основная масса простых русских мужиков из-за своей неосведомленности и необразованности держалась старых взглядов на мир, вселял определенные надежды на успех прожектерских начинаний. Иначе говоря, русские интеллектуалы вели себя не как модернизирующая, а как консервирующая сила, ибо от этого напрямую зависело их привилегированное положение. Введение всеобщего равноправия, в том числе прав на частное землевладение, грозило в конечном итоге ликвидацией самих привилегий, все более походивших на досадный пережиток прошлого.

Парадокс ситуации заключался в том, что само царское правительство взяло курс на постепенную модернизацию, все более и более расширяя применение именно западных норм, то есть действуя вопреки консолидированному мнению русской интеллектуальной элиты. Напомним, что Столыпин, одной рукой уничтожая смутьянов, другой рукой уничтожал архаичный общинный уклад на селе, содействуя превращению простых русских крестьян в полноправных собственников. Такая политика, разумеется, не устраивала ни консерваторов, ни социалистов. Отсюда тот поток ненависти, который испытал на себе великий реформатор, чья гибель в тех условиях была вполне закономерна (как и гибель императора Александра II).

Не удивительно, что социалистическую революцию подготовили философствующие интеллигенты, воплотив основные пожелания и утопистов-богоискателей вроде Толстого, мечтавших о всеобщей ликвидации поземельной собственности, а также (ненароком) и пожелания консерваторов, восхвалявших централизованное патерналистское государство. Большевики очень выгодно использовали бродившие в русской образованной среде настроения, наглядно продемонстрировав главные составляющие «особого» пути развития. Все указанные выше идеи достаточно эффективно сработали на упрочение советского режима, который продержался семь десятилетий за счет той психологической инерции, что была заложена в предшествующие столетия. Обожествление правителя, совмещенное с привычкой безусловного подчинения властям, давали коммунистам возможность долгое время воплощать свои амбиционные планы, компенсируя низкую эффективность экономики и государственного управления непритязательностью основной массы населения.

Не стоит думать, что сентиментальные религиозные прожектеры были лишены амбиций или личных интересов. Категорическое отрицание ценности западных правовых институтов красноречиво свидетельствует о нежелании философствующих богоискателей — в большинстве своем потребители благ осуждаемой ими западной цивилизации — иметь что-либо общее с основной массой русских людей, хотя бы равные с ними права,

закрепленные законом. Примечательно то, что в их высокопарных теоретических построениях мы не обнаруживаем ни грамма внимания к интересам простых соотечественников, что в избытке можно найти, например, у не столь пафосных западных утилитаристов. Скучные теоретики английского либерализма сделали для общественной гармонии и процветания своей нации гораздо больше, чем совокупно вся русская философия сделала для русского общества. Если объективно оценить ее социальный результат, то, кроме тоталитарных ужасов большевизма, мы вынуждены будем констатировать негативные последствия более фундаментального порядка.

Именно здесь раскрываются некоторые важные стороны так называемой «загадочной» русской души.

Теневая сторона «непревзойденного» благочестия

Когда Иосиф Волоцкий с пафосом вещал о том, будто Святая Русь «благочестием всех одоле...», он, конечно же, занимался обычной пропагандой. Когда славянофилы и прочие богоискатели выдвигали тот же тезис, они, собственно, также ничего нового не изобретали, а лишь воспроизводили старомосковский пропагандистский миф. Когда, наконец, большевики восхваляли незамутненный нравственный облик советского человека, они следовали в том же русле.

Так что на протяжении пятисот лет целый легион проповедников внушал русскому народу мысль о его нравственной исключительности, даже не удосуживаясь свериться с реальностью. На то она, собственно, и пропаганда, чтобы оперировать мифами, а не фактами. Вопрос лишь в том, принимать ли ее за чистую монету или сохранять здравомыслие. Все, конечно же, зависит от того, предпочитаете ли вы жить красивыми мифами или принимаете мир таким, какой он есть.

В нашем обществе идеологические мифы явно доминируют (как впрочем, и везде). Поэтому и не удивительно, что для людей, относящих себя к патриотам, свойственно в качестве главного аргумента в пользу «особого пути» опираться на миф о незамутненной душевной чистоте русского человека, о его высоких моральных принципах, якобы возвышающих его над теми народами, у которых одержали победу «пошлые» мещанские добродетели. У нас, естественно, принято всячески восхвалять и лелеять эту душевную чистоту, считая ее самой главной ценностью, способной оправдать разные неприглядные стороны нашей жизни, будь то плохие дороги и отсутствие нормальных правовых институтов.

Написано и говорено на эту тему много. В последнее время, как мы знаем, разговоры о нашей высокой нравственности возобновились с новой силой. Я даже не исключаю, что этот национальный миф воодушевляет не только часть политиков, но и дает некоторым гражданам некоторый повод для гордости за страну. Американцы и европейцы, вроде как, живут побогаче, а у нас зато душа «светлая», и негров мы не линчевали, и геноцид никому не устраивали, и всегда и во всем — за мир и дружбу. Граждане, привыкшие полагаться на эти штампы, искренне возмущаются, когда оппоненты пытаются предъявить русскому народу участие в каких-либо агрессивных вооруженных акциях. Именно потому, что так рушится последнее (и, наверное, единственное) оправдание бесконечных жертв, которые народ приносит на протяжении веков во имя навязанных ему идеалов. Уж если русский народ не получает материальных компенсаций от выполнения своей вселенской миссии (а они не предусматриваются, как мы видели, самой мессианской идеологией), то попытка лишить его еще и морального удовлетворения воспринимается нашими людьми весьма болезненно.

Как мы уже говорили, внедряемый в наше общественное сознание нравственно-аскетический идеал есть лишь изощренный инструмент достижения тотального господства над подчиненными. В реальности, конечно же, истинного благочестия и христианских добродетелей у нас было не намного больше, чем у остальных народов (если, конечно же, не относить к благочестию демонстративную набожность, фанатизм и суеверия). Чтобы не возникало никаких иллюзий на этот счет, достаточно внимательно и непредвзято подойти к эмпирическим реалиям русской жизни, отбросив навязанные идеологические штампы.

Бессмысленно отрицать, что русские реалии изобилуют массой неприглядных черт, хорошо описанных в исторических памятниках и литературных произведениях, в том числе в трудах самих богоискателей. Можно, как это делают апологеты «особого пути», с пафосом перечислять примеры альтруизма, любви, бескорыстия, патриотизма, терпеливости, самоотверженности и преданного служения идеалам. Все это было и все это остается в русском обществе до сих пор. Но вместе с тем нельзя не обратить внимания и на распространение в русском обществе диаметрально противоположных черт: корысти, стяжания, беспринципности, эгоцентризма, бессердечности и подлости, примеров чему мы находим в реальной жизни не меньше.

Безусловно, нет ни одного идеального народа, и везде мы сталкиваемся с негативными типажами. Однако есть одна важная закономерность, которая была упущена русскими моралистами: крайние проявления самоотверженности всегда существуют параллельно с равными по силе проявлениями низости. Презираемый в России среднестатистический европеец с его мещанской честностью и умеренностью не давал, конечно, впечатляющих примеров самоотречения и героизма, но он также не давал примеров крайней подлости и беспринципности. В русском же обществе на каждом шагу было и то, и другое. Пока одни безропотно приносят себя в жертву высшим идеалам, другие подло используют их жертву ради собственного благополучия. И если первых принято выставлять для доказательств величия русского духа, то было бы логично выставить вторых для доказательства русской бездуховности.

Я специально подчеркиваю: примеры крайнего самоотречения и жертвенности в нашем обществе НЕИЗБЕЖНО компенсируются примерами столь же крайнего корыстолюбия и стяжания. Это две стороны медали. Святость и подлость всегда шли нога в ногу как две параллельные стороны жизни. И в этом случае можно сколько угодно восхищаться возвышенным идеалом, но глупо ожидать, будто сам идеал породит сообщество идеальных людей. Поэтому возведенный в безусловный принцип альтруизм на практике приведет только к тому, что на интересах бескорыстных «идейных» жертвователей будут паразитировать беспринципные эгоисты и стяжатели. И восхваляемое христианское благочестие будет иметь весьма отдаленное отношение к реальности.

Упоминавшийся нами Генрих Штаден оставил впечатляющие свидетельства повального мздоимства и бесчестности служилых людей Московии времен Ивана Грозного. Несмотря на повсеместные восхваления святости, аскетизма и преданности царю и Богу, государевы люди с невероятной беспринципностью набивали себе мошну, цинично оправдывая свое воровство неписаным житейским правилом: «рука руку моет». Это тоже одна из сторон нашей «Святой Руси», только не вымышленной, а реальной! Наивно обвинять иностранного наблюдателя в клевете на русский народ, особенно зная массу таких же примеров из современной жизни. Вспомним, что и сам Иван Грозный объявлял своих подданных «ворами», считая эту склонность неискоренимой.

Как видим, между показным благочестием и реальным состоянием нравов дистанция приличная. Склонность человека расшибать себе лоб во время службы еще не гарантирует никаких христианских добродетелей. Лично я по собственному опыту общения с людьми хорошо знаю, что для некоторых фанатичных приверженцев православных святынь простые христианские заповеди (как-то: «не кради», «не лги», «не прелюбодействуй») не имеют вообще никакого значения. И лгут, и крадут, и прелюбодействуют. Мало того — еще и похваляются своими грехами!

«Рука руку моет» — это, кстати, далеко не единственное достояние нашей житейской «мудрости», отражающее далеко не самые возвышенные стороны русского морального сознания. Если внимательно приглядеться к нашему фольклору, то можно обнаружить немало схожих по уровню максим, коими народ руководствовался на протяжении веков: «моя хата с краю», «своя рубашка ближе к телу», «отмолчишься — как в кустах отсидишься», «подальше запрячешь — поближе возьмешь». Исходя из конкретных обстоятельств, русский человек мог занять разную позицию по вопросам морального добра и зла, и сделки с совестью были на Руси явлением распространенным, начиная, между прочим, с первых лиц. Нестойкость в русском обществе моральных убеждений всегда поражала тех же иностранцев, и примеры героизма и самоотверженности всегда затенялись широким распространением вопиющего аморализма, иной раз возведенного в негласный (именно негласный!) принцип.

Конечно, наши высокодуховные моралисты все примеры низости могут списать на обычное «несовершенство» отдельных индивидуумов, сославшись и на эпоху, и на обстоятельства. Я же утверждаю о том, что низкое и высокое в нашей общественной жизни находятся в нерасторжимом диалектическом единстве. Потому что только в такой «высокодуховной» социальной среде, где личный интерес обычного человека морально девальвируется, где святость превращают в «обязаловку», самые отъявленные подлецы могут найти наилучшую подпитку.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что как раз преданность одной части общества высоким моральным принципам в немалой степени способствует широкому осуществлению низких поступков со стороны другой его части, особенно со стороны тех, кто по своему статусу прямо отвечает за общественное благополучие. Беспринципное поведение описанных Штаденом государственных служащих, конечно же, отрицательно сказывалось на жизни основной массы населения Московской Руси. Но только долготерпение, самоотречение и преданность царю удерживали значительную часть народа, на собственном опыте ощущавшего подлость бюрократического аппарата, от социальных волнений и открытого неповиновения такой власти.

Точно так же нравственные убеждения земских бояр, ущемленных произволом опричников, не позволяли им устроить бунт или организовать фронду. Они покорно служили царю, шли на войну, совершали подвиги и умирали на полях сражений, собственной самоотверженностью, по сути, спасая кровавый режим от полного краха. Похожая ситуация повторялась от эпохи к эпохе, с точностью воспроизведясь в сталинский период.

В том-то все и дело, что отъявленные подлецы и стяжатели – особенно из числа представителей власти – комфортно себя ощущали именно потому, что в стране находились те, кто безропотно и самоотверженно приносил себя в жертву высшим принципам (что упускают из виду наши православные почвенники, критикуя большевизм за его ставку на «бездуховность»).

Точно так же воспеваемое долготерпение, смирение и миролюбие русского народа использовались любым режимом для компенсации своих же собственных промахов и изъянов. Именно поэтому в такой системе управления действует известный отрицательный отбор, когда по карьерной лестнице взбирается немалое количество людей беспринципных, некомпетентных, бесчестных и иной раз откровенно глупых.

Специально подчеркиваю: жизнедеятельность государственного механизма, состоящего из столь непригодных для его жизни и эффективной работы элементов, поддерживается исключительно за счет моральной готовности значительной части общества терпеть такое положение дел, смиряясь с ущемлением своих интересов. Иначе говоря, хваленое бескорыстие, являющееся главной добродетелью в рамках русской альтруистической этики, на практике всегда было надежной психологической подпоркой для громоздкого и алчного правящего класса.

Яд химеры

Нельзя, конечно, утверждать, будто все наши богоискатели совершенно не учитывали эти темные стороны российской действительности. Закрыться от нее было невозможно даже при избытке идеалистического прекраснодушия. Бердяев, неоднократно обращавший внимание на так называемую «антиномичность» русской души, был совершенно беспощаден в своем диагнозе. «Русский дух, – утверждал он, – хочет священного государства в абсолютном и готов мириться с звериным государством в относительном. Он хочет святости в жизни абсолютной, и только святость его пленяет, и он же готов мириться с грязью и низостью в жизни относительной». К сожалению, как и подобает отвлеченному теоретику, наш философ и здесь прибегает к идеологической фикции, обращаясь к абстрактному «русскому духу», нежели к конкретному народу. В силу чего он не улавливает никакой связи между желанием «священного государства» и смирением перед «грязью и ненавистью в мире относительном». Вместо этого Бердяев, вслед за Соловьевым, переносит акцент на абсолютное, полагая, что преодоление моральной антиномии возможно только на пути реализации мессианской задачи.

Главный изъян этой духовно-аскетической установки в том, что она задает общественному сознанию разрушительную дилемму: либо нравственная жизнь без личных интересов, либо личные интересы без нравственности (именно так!). Нелюбимые создателями «русской идеи» западные философы-утилитаристы потратили немало усилий как раз на то, чтобы найти золотую середину между личным интересом и общественным благом, определив, в конце концов, разумные границы человеческому эгоизму. В России философская мысль двигалась в совершенно ином направлении, отзываясь на актуальные проблемы современности своими вздорными утопическими фантазиями. Как все это выглядело, мы уже достаточно полно продемонстрировали. Доводя до крайности свои нравственные требования, русские богоискатели отказали частному интересу в нравственном оправдании только исходя из его жизненных, земных мотиваций. Отказав ему в «духовности», они увязали его с эгоизмом, отождествив последний с абсолютным моральным злом.

Понятно, что такая склонность навязывать реальности абсолютные идеалы не допускает никакого «разумного эгоизма», поскольку в этом видится уступка «злому» началу, а значит, лишает смысла прожектерские замыслы по «духовному» преображению мира. Как известно, западные утилитаристы ориентировались на эмпирического, реального человека, живущего в конкретном обществе, тогда как русские богоискатели, еще раз напомню, рассуждали о человеке идеальном, совершенном, вдохновляясь примерами

аскетической жизни религиозных подвижников. Как мы понимаем, такая упрямая абсолютизация святости не может привести к выработке адекватных руководящих правил для повседневной жизни обычных людей. Мало того, она-то как раз и таит в себе угрозу нравственному благополучию вследствие бесцеремонного насилия над человеческой природой (что уж тут говорить, если самые ярые защитники благочестия ставили под сомнение даже существующий способ размножения!).

Описанная выше ситуация, когда беспринципные корыстолюбцы добиваются комфортного существования за счет чужой жертвенности, является не досадным отступлением от руководящего идеала, а прямым результатом его систематического навязывания общественному сознанию. Если в сознании людей личный интерес ставится под сомнение ввиду его несоответствия «духовным» установкам, то неизбежным следствием такого положения вещей станет одна очень характерная моральная аберрация. Суть ее в том, что в таком обществе жизненные преимущества получит тот, кто скорее откажется от непосильных нравственных требований, пойдя на сделку с совестью и в конечном итоге вообще переставив местами представления о добре и зле.

В этом случае оправданием деятельности станет сознательно (но тайно!) исповедуемый эгоизм, корыстолюбие и беспринципность в выборе средств обогащения («рука руку моет»). Так мы получим общество, где честные и добрые влачат жалкое существование, презираемые успешными негодяями. Это знакомая картина русской жизни, отраженная в фольклоре, художественной литературе и кинематографе. Честность, сопровождаемая бедностью, и богатство, нажитое нечестным путем, — самый популярный сюжет, прошедший сквозь многовековую историю русской культуры и сохраняющий свою актуальность и по сей день. На его основе сформировались устойчивые стереотипы, намертво впечатанные в общественное сознание. Именно они закрепляют характер моральных оценок человеческого поведения и всего его образа жизни. И эти стереотипы, разумеется, также стали идеологическими фикциями, подкрепляя отвлеченные философские «откровения» наглядными примерами. Дескать, личный интерес есть явление аморальное, поскольку де его сплошь и рядом преследуют одни лишь негодяи. Следовательно, если хочешь быть честным человеком, уподобься святому, отрекись от земных благ.

Правда же заключается в том, что в реальности богатство вполне может совмещаться с честностью, равно как и бедность — с подлостью. Однако моральное сознание, взращенное на аскетическом идеале, не вмещает в себя таких простых истин, ибо богатство здесь неизбежно связывается с нравственно недопустимым эгоизмом, тогда как бедность — с духовно оправданным аскетизмом. Отсюда возникает устойчивое убеждение, будто моральное «исправление» богатых возможно только при условии их принципиального отказа от личных интересов.

Именно поэтому большая часть населения страны, в своей повседневной жизни регулярно испытывающая несправедливости со стороны тех, кто любыми правдами и неправдами добился успеха, не находит для себя ничего лучшего, как надеяться на пробуждение совести у своих успешных соотечественников. В понимании русского человека любая социальная проблема решается исключительно через нравственное (иначе – «духовное») преображение общества или, по крайней мере, через совестливое вразумление тех, кто несет прямую ответственность за общественное благополучие. Этот наивный взгляд, доставшийся от прошлого, определяет основное содержание, основной идеологический стержень «особого пути».

Данная нелепость воспроизводится не одно столетие, подкрепляясь авторитетом

выдающихся умов России. Именно на этой почве зарождаются химерические образы «доброго царя», «доброго барина», «доброго хозяина», «сознательного руководителя» и «сознательного работника». До сих пор значительная часть российских граждан пребывает в уверенности, что их положение целиком зависит от душевной чуткости руководителей. Любая проблема — частная или масштабная — неизбежно помещается в моральный контекст. Даже на высшем уровне слышны постоянные апелляции к сердцу и совести, как будто призванные доказать ущербность государственных институтов, неспособных решать проблемы рационально, с помощью правовых механизмов.

Такая гипертрофия морального сознания, как мы показали, возникла не сегодня. Безусловно, что мы имеем дело с сохранением архаического мировоззрения, совершенно не отвечающего современным условиям существования. Его обратной стороной как раз и является низкий уровень правосознания, сближающий русское общество со странами третьего мира. Неразвитость правовых институтов находится в прямой зависимости от отсутствия у граждан склонностей и навыков обращения к праву при решении своих текущих проблем. Правовая культура сама по себе напрямую связана со степенью осознания гражданами собственных, частных интересов. А для этого просто-напросто придется выстраивать всю систему социальных отношений на совершенно иных основаниях, где уже не будет места утопическим химерам, под какими бы названиями они ни являлись.

Фатально ли такое состояние? Не думаю. Сегодня русских вряд ли можно увлечь какимнибудь фантастическим проектом. Пробуждение от бесплодных скитаний – примета времени. Однако нужно понимать, что бесследно такая беготня за высоким идеалом не проходит. Русское общество сегодня похоже на плодовое дерево, пережившее суровую зиму: часть веток и часть корневой системы погибла. Но остались здоровые части, и при нормальных условиях они обязательно восстановятся и принесут хорошие плоды. Главное – не ждать больше от страны и народа никаких великих чудес. Безумная надежда на великие чудеса – продолжение пути разочарований. Кто останется в ладах с собственным разумом, узрит, наконец, нормальную страну, избавившуюся от многовекового морока.

Литература

- 1. Апокрифы Древней Руси. СПб.: ТИД Амфора, 2006. 239 с.
- 2. **Арсеньев И.** Секты Европы от Карла Великого до Реформации. М.: Вече, 2005. 480 с.
- 3. **Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
- 4. **Бердяев Н. А.** Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994.
- 5. **Бор М., Томажич И.** Венеты и этруски: у истоков европейской цивилизации. Избранные труды / пер. со словен. СПб.: Алетейя; М.: Общество «Д-р Франце Прешерн», 2008. 688 с.
- 6. **Булгаков С. Н.** Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.
- 7. **Булгаков С. Н.** Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
- 8. **Булгаков С. Н.** Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993.
- 9. **Буслаев Ф. И.** Народный эпос и мифология. М.: Высш. шк., 2003. 400 с.

- 10. **Веселовский А.** Народные представления славян. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 667 с.
- 11. **Виденгрен Гео.** Мани и манихейство / пер. с нем. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2001. 256 с.
- 12. **Гийу А.** Византийская цивилизация / пер. с фр. Д. Лоевского. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 552 с.

2003. − 216 c.

- 13. **Гусева Н. Р.** Славяне и арьи. Путь богов и слов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 336 с.
- 14. **Еремина В. И.** Ритуал и фольклор. Ленинград: Наука, 1991. 207 с.
- 15. Житие Аввакума и другие его сочинения. М.: Сов. Россия, 1991. 368 с.
- 16. **Замалеев А. Ф.** Философская мысль в средневековой Руси. Ленинград: Наука, 1987. 247 с.
- 17. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне / пер. М. М. Покровского Москва: День, 1991.
- 18. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Ленинград: Эго, 1991.
- 19. **Зеньковский С. А.** Русское старообрядчество. Минск: Белорусский Экзархат, 2007. 543 с.
- 20. Иванов К. А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. М.: Алетейя, 2001. 360 с.
- 21. **Ильин И.** Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 257
- 22. Как была крещена Русь: сб. М.: Политиздат, 1990. 320 с.
- 23. Красноречие Древней Руси. (XI-XVII вв.). М.: Сов. Россия, 1987. 448 с.
- 24. **Леру Ф.** Друиды. / пер. с фр. С. О. Цветковой. СПб.: Евразия, 2000. 288 с.
- 25. **Лосев А. Ф.** Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
- 26. **Лосский Н. О.** История русской философии / пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991.-480 с.
- 27. **Лосский Н. О.** Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
- 28. Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985. 448 с.
- 29. О России и русской философской культуре: сб. М.: Наука, 1990. 527 с.
- 30. **Осокин Н. А.** История средних веков. Минск: Харвест, 2003. 672 с.
- 31. **Панченко А. А.** Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. 544 с.
- 32. **Пауэлл Т. Кельты.** Воины и маги / пер. с англ. О. А. Павловской. М.: Центрполиграф; Внешторгпресс, 2003. 236 с.
- 33. **Петрухин В. Я.** Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.
- 34. **Пивоваров Ю.** Полная гибель всерьез: избр. раб. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 320 с.
- 35. **Пиготт Стюарт.** Друиды. Поэты, ученые, прорицатели / пер. с англ. Е. Ф. Левиной. М.: Центрполиграф, 2005. 224 с.
- 36. **Поппер К. Р.** Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992.
- 37. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси: сб. М.: Наука, 1988. 272 с.
- 38. Русская идея: сб. М.: Республика, 1992. 496 с.
- 39. Русский мир. Геополитические заметки по русской истории: сб. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 864 с.
- 40. **Рыбаков Б. А.** Стригольники (Русские гуманисты XIV стлетия). М.: Наука, 1993. 336 с.
- 41. **Рыбаков Б. А.** Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. 782 с.
- 42. **Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с. 258

- 43. **Рыклин М.** Коммунизм как религия: интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 136 с.
- 44. **Серяков М. Л.** «Голубиная книга» священное сказание русского народа. М.: Алетейя, 2001. 664 с.
- 45. Соловей Т. Д., Соловей В. Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феогория, 2009. 440 с.
- 46. **Соловьев В. С.** Сочинения в двух томах. М.: Академия наук СССР, Институт философии, изд-во «Мысль», 1990.
- 47. Фаминицын А. С. Божества древних славян. СПб.: Алетейя, 1995. 363 с.
- 48. **Федоров Н. Ф.** Из «Философии общего дела». Новосибирск: Новосибирское кн. издво, 1993. 216 с.
- 49. Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Раритет, 1994. 416 с.
- 50. **Флоровский Г.** Пути русского богословия. Киев: христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. 599 с.
- 51. **Фрезер** Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. M.: Политиздат, 1986. 703 с.
- 52. **Шафаревич И. Р.** Есть ли у России будущее?: публицистика. М.: Советский писатель, 1991. 560 с.
- 53. **Шохин В. К.** Брахманистская философия. Начальный и раннеклассический периоды. М.: Восточная литература РАН, 1994. 355 с.
- 54. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / пер. с англ. М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1996. 288 с.
- **55.** Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза / пер. с англ. К. Богуцкий, В. Трилис. К.: София, 1998. 384 с.